

№48 2023

Annali d'Italia

ISSN 3572-2436

Annali d'Italia (Italy's scientific journal) is a peer-reviewed European journal covering top themes and problems in various fields of science.

The journal offers authors the opportunity to make their research accessible to everyone, opening their work to a wider audience.

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziedzic Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Tsygankova V.A., Andreev A.M., Andrusevich Ya.V., Kopich V.M., Klyuchko S.V., Pilyo S.G., Brovarets V.S.</i>	
USE OF IVIN, METHYUR, KAMETHUR AND MICROFERTILIZERS TO IMPROVE THE GROWTH OF OILSEED FLAX (<i>LINUM USITATISSIMUM</i> L.)	3

ECONOMIC SCIENCES

<i>Shengelia K., Kavtadze E.</i>	<i>Gambashidze T., Chechelashvili M.</i>
EUROPEAN PERSPECTIVE OF GEORGIA. ECONOMIC REVIEW	THE IMPACT OF ORGANIZATIONAL CULTURE MODELS ON THE COMPETITIVENESS OF THE ORGANIZATION
8	11

HISTORICAL SCIENCES

<i>Soliar I., Bahan A.</i>	
ROMAN DASHKEVICH IN NATIONAL MEMORIES OF UKRAINIANS (1991 – 2022)	13

MEDICAL SCIENCES

<i>Arturo Solís Herrera, María del Carmen Arias Esparza, Ñ Paola Eugenia Solís Arias</i>	<i>Uzunyan N.A.</i>
IN LOW-PRESSURE GLAUCOMA, IS THE OPTIC NERVE PUSHED OR PULLED?.....	AUTOTRANSPLANTATION OF TEETH IN ADULT PATIENTS AS PART OF COMPREHENSIVE DENTAL REHABILITATION.....
18	31

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Brahja A.,</i>	<i>Yegorova Z.</i>
ISSUES IN ASSIMILATING TECHNICAL TERMS IN FOREIGN LANGUAGES	APPLICATION OF BUSINESS GAMES IN TEACHING TECHNICAL DISCIPLINES.....
41	44

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kim O.A., Lvova I.S., Elkin D.Yu.</i>	<i>Ismayilli F.</i>
STRUCTURE, SEMANTICS, ETYMOLOGY OF THE LEXEMES “PERMANENT GUEST / NON-PERMANENT GUEST IN THE KOREAN LANGUAGE	IMPACT OF GENDER FACTOR IN LANGUAGE ACQUISITION.....
47	52

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Dorofeeva T., Pugacheva N.</i>	<i>Dorofeeva T., Pugacheva Na.</i>
ON THE QUESTION OF ISLAM'S ATTITUDE TO ADULTERY ..	BUDDHISM ABOUT ADULTERY.....
55	60
<i>Dorofeeva T.</i>	
ORTHODOXY ABOUT THE SIN OF LYING	
58	

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Roşca T.</i>	
DETERMINANTS OF ETHNIC BELONGING IN ADOLESCENTS. CROSS-CULTURAL INVESTIGATION	
63	

SOCIAL SCIENCES

<i>Stojani E., Shehu I.</i>	<i>Bojaxhi J., Edita S.</i>
THE DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY AFTER THE 40S IN ALBANIAN LANGUAGE.....	AN OVERVIEW OF INTERCULTURAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING
69	72

BIOLOGICAL SCIENCES

USE OF IVIN, METHYUR, KAMETHUR AND MICROFERTILIZERS TO IMPROVE THE GROWTH OF OILSEED FLAX (*LINUM USITATISSIMUM* L.)

Tsygankova V.A.,
Andreev A.M.,
Andrusevich Ya.V.,
Kopich V.M.,
Klyuchko S.V.,
Pilyo S.G.,
Brovarets V.S.

Department for Chemistry of Bioactive Nitrogen-Containing Heterocyclic Compounds, V.P. Kukhar Institute of Bioorganic Chemistry and Petrochemistry, National Academy of Sciences of Ukraine, 1, Academician Kukhar str., 02094, Kyiv-94, Ukraine

[DOI: 10.5281/zenodo.10034698](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034698)

ВИКОРИСТАННЯ ІВІНУ, МЕТІУРУ, КАМЕТУРУ ТА МІКРОДОБРИВ ДЛЯ ПОЛІПШЕННЯ РОСТУ ЛЬОНУ ОЛІЙНОГО (*LINUM USITATISSIMUM* L.)

Циганкова В.А.
Андрєєв А.М.
Андрусевич Я.В.
Копіч В.М.
Ключко С.В.
Пільо С.Г.
Броварець В.С.

Інститут біоорганічної хімії та нафтохімії ім. В.П. Кухаря НАН України, відділ №2 хімії біоактивних азотовмісних гетероциклічних основ, вул. Академіка Кухаря, 1, м. Київ-94, 02094, Україна

Abstract

The article is devoted to the development of new environmentally friendly growth regulators of an important technical crop – oilseed flax (*Linum usitatissimum* L.) of the cultivar Iceberg based on synthetic compounds, derivatives of N-oxide-2,6-dimethylpyridine (Ivin), 6-methyl-2-mercapto-4-hydroxypyrimidine sodium and potassium salts (Methyur and Kamethur). The effect of synthetic plant growth regulators Ivin, Methyur and Kamethur used separately or in complex with microfertilizers Rostok Extra and Radix Tim forte+ on the growth of oilseed flax of the cultivar Iceberg during the vegetative period was investigated. The stimulatory effect of synthetic plant growth regulators and microfertilizers on improving the growth indicators of oilseed flax of the cultivar Iceberg under the conditions of their separate use or complex use was established. The activity of the synthetic plant growth regulators Ivin, Methyur and Kamethur under the conditions of their separate use or complex use with microfertilizers was similar to or exceeded the activity of the phytohormone auxin IAA (1H-indole-3-acetic acid). The highest values of average length of shoots (cm) and average length of roots (cm) of oilseed flax of the cultivar Iceberg were obtained under conditions of separate use of synthetic plant growth regulators Methyur and Kamethur, or microfertilizers Rostok Extra and Radix Tim forte+, as well as under conditions of complex use of synthetic plant growth regulators with microfertilizers: Ivin+Radix Tim forte+, Methyur+Rostok Extra, Methyur + Radix Tim forte+, Kamethur+Rostok Extra, Kamethur+ Radix Tim forte+.

Анотація

Стаття присвячена розробці нових екологічно безпечних регуляторів росту важливої технічної культури – льону олійного (*Linum usitatissimum* L.) сорту Айсберг на основі синтетичних сполук, похідних N-оксид-2,6-диметилпіридину (Івін), 6-метил-2-меркапто-4-гідроксипіримідину натрієвої та калієвої солей (Метіур і Каметур). Досліджено вплив синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру та Каметуру, застосованих окремо або в комбінації з мікродобривами Росток Екстра та Radix Tim forte+ на ріст льону олійного сорту Айсберг протягом періоду вегетації. Встановлено стимулюючий вплив синтетичних регуляторів росту рослин та мікродобрив на поліпшення ростових показників льону олійного сорту Айсберг за умов їх окремого застосування або в комплексі. Активність синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру та Каметуру за умов їх окремого або комплексного застосування із мікродобривами була подібною, або перевищувала активність фітогормону ауксину ІОК (1H-індол-3-оцтова кислота). Найвищі показники середньої довжини пагонів (см) та середньої довжини коренів (см) льону олійного сорту Айсберг отримані за умов окремого застосування регуляторів росту рослин Метіуру та Каметуру, або мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+, а також за умов комплексного застосування синтетичних регуляторів

росту рослин із мікродобривами: Івін+Radix Tim forte+, Метіур+Росток Екстра, Метіур+ Radix Tim forte+, Каметур+Росток Екстра, Каметур+ Radix Tim forte+.

Keywords: oilseed flax (*Linum usitatissimum* L.), Ivin, Methyur, Kamethur, Rostok Extra, Radix Tim forte+.

Ключові слова: льон олійний (*Linum usitatissimum* L.), Івін, Метіур, Каметур, Росток Екстра, Radix Tim forte+.

Вступ. Льон олійний (*Linum usitatissimum* L.) є важливою технічною культурою [1 - 5]. Насіння льону за основним складом містить близько 41 - 49 % жиру, 20 - 31% білка, 28 % харчового волокна, 7,7 % вологи і 3,4 % золи, а також різноманітні біоактивні сполуки, до яких належать ціаногенні глікозиди, фітинову кислоту, фенольні сполуки, інгібітор трипсину, лінатин, лігнани (фітоестрогени), мінерали, вітаміни, кадмій, селен і цикло-ліпопептиди (ЦЛ) [2, 3, 5]. Основними складовими білкових компонентів насіння льону є амінокислоти, такі як аргінін, аспарагінова кислота та глутамінова кислота [2, 3, 5].

Олія насіння льону використовується в фармацевтичній, косметичній та харчовій промисловостях як джерело омега-3 жирної кислоти – альфа-ліноленової кислоти (ALA), на частку якої припадає понад 50 % загального вмісту жирних кислот олії [1 - 5]. Основними компонентами олії насіння льону є триацилгліцериди, які містять суміш ненасичених та насичених жирних кислот: ліноленову (52 %), лінолеву (17 %), олеїнову (20 %), пальмітинову (6 %) та стеаринову (4 %) кислоти, міnorні ліпіди та жиророзчинні сполуки, які включають: моноацилгліцериди, діацилгліцериди, токоферолі, стерини, стеринові ефіри, фосфоліпіди, воски, вільні жирні кислоти (ВЖК), каротиноїди, хлорофіл та інші сполуки [3, 5]. Насьогодні олія насіння льону широко використовується в клінічній практиці для профілактики і лікування серцево-судинних захворювань, оскільки має антиоксидантну дію і знижує загальний рівень холестерину, тригліцеридів (ТГ) і холестерин ліпопротеїдів низької щільності (ХС-ЛПНЩ) без значного зниження холестерин ліпопротеїдів високої щільності (ХС-ЛПВЩ) в плазмі крові [1 - 5]. Крім того, олія насіння льону володіє ще одним корисним ефектом, обумовленим наявністю компонента альфа-ліноленової кислоти (ALA), яка бере участь у біосинтезі гормоноподібних ейкозаноїдів, що регулюють запалення і імунну функцію у вищих тварин [3, 5]. Широке використання дієтичного харчування, доповненого олією насіння льону, запобігає різним захворюванням, таким як рак, артрит, атеросклероз, діабет, депресія, хвороби серця, гіпертонія, порушення пам'яті, збільшення ваги, алергії, ниркові розлади та вовчаковий нефрит, запальні захворювання [1, 5, 6].

Олію насіння льону використовують також як сировину у інших галузях: у лакофарбовій промисловості для виготовлення натуральної оліфи, лаків, емалей та фарб, електротехнічній, автомобільній, суднобудівній промисловостях, а також у миловарінні. Шрот насіння льону олійного, який містить близько 35 - 40 % білка та 3 - 4 % жиру, застосовується як корм для тварин [1].

Льняне волокно, що складає до 70 % стебла, є одним із самих міцних рослинних волокон. Рівень полімеризації целюлози льняного волокна у 2 - 3 рази вищий, ніж у бавовни, тому воно більш міцне до розриву, більш стійке до впливу світла та високих температур [1, 2, 7]. Льняне волокно високо гігроскопічне, а також має електропровідність, яка майже на 20 % вища, ніж у бавовни. Завдяки цим властивостям льняне волокно застосовується в текстильній промисловості для виробництва грубих тканин і шпагату, в медичній промисловості для виготовлення біорозкладних біокомпозитів як нових медичних полімерів, будівельній, автомобільній та інш. промисловостях для виготовлення екологічно чистих біокомпозиційних матеріалів [1, 2, 7]. Після вилучення луб'яного волокна зі стебла льону, 80 % волокна, що залишилось, використовується як сировина для отримання целюлози для виробництва паперу [1].

Поліпшення росту та підвищення врожайності важливої технічної культури – льону олійного (*Linum usitatissimum* L.) при зменшенні використання екологічно токсичних пестицидів є актуальним завданням сучасного сільського господарства. Площа вирощування цієї культури по всьому світу становить 6 млн га, середня світова урожайність становить 5 - 6 ц/га, а в Україні сягає більше 10 ц/га. Мінеральні добрива, до складу яких входять макроеlementи (N, P, K), використовуються при вирощуванні льону для підтримки рівня родючості ґрунту [4].

В останні роки значна увага приділяється розробці нових екологічно чистих регуляторів росту рослин льону на основі синтетичних низькомолекулярних гетероциклічних сполук, похідних піридину, піримідину, піразолу та ізофлавоноїдів [5]. В Інституті біоорганічної хімії та нафтохімії ім. В.П. Кухаря НАН України розроблено нові ефективні та екологічно безпечні регулятори росту рослин на основі синтетичних сполук, похідних N-оксид-2,6-диметилпіридину (Івін), 6-метил-2-меркапто-4-гідроксипіримідину натрієвої та калієвої солей (Метіур і Каметур). У проведених нами раніше дослідженнях встановлено, що застосування синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру і Каметуру окремо або в комплексі з мікродобривами Росток Екстра виробництва ТОВ «Український Аграрний Ресурс» та Radix Tim forte+ виробництва компанії «Forcgor», Іспанія, покращує ріст зернових, зернобобових і технічних культур, підвищує їх урожайність та адаптивні властивості до стресових факторів [8 - 12]. Завдяки використанню регуляторів росту рослин на основі синтетичних сполук, похідних піридину та піримідину та їх комплексів з мікродобривами можна буде поліпшити ріст та розвиток

рослин, підвищити їх урожайність, зменшити використання екологічно токсичних пестицидів для захисту рослин та покращити екологічний стан усієї системи землеробства.

Грунтуючись на даних проведених раніше досліджень, метою даної роботи є вивчення впливу синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру та Каметуру, застосованих окремо або в комбінації з мікродобривами Росток Екстра та Radix Tim forte+ на ріст рослин льону олійного (*Linum*

usitatissimum L.) сорту Айсберг протягом періоду вегетації у лабораторних умовах.

Матеріали та методи. Хімічні формули та відносні молекулярні маси регуляторів росту рослин, створених на основі похідних N-оксид-2,6-диметилпіридину (Івін), 6-метил-2-меркапто-4-гідроксипіримідину натрієвої солі (Метіур), 6-метил-2-меркапто-4-гідроксипіримідину калієвої солі (Каметур) представлено на рис. 1.

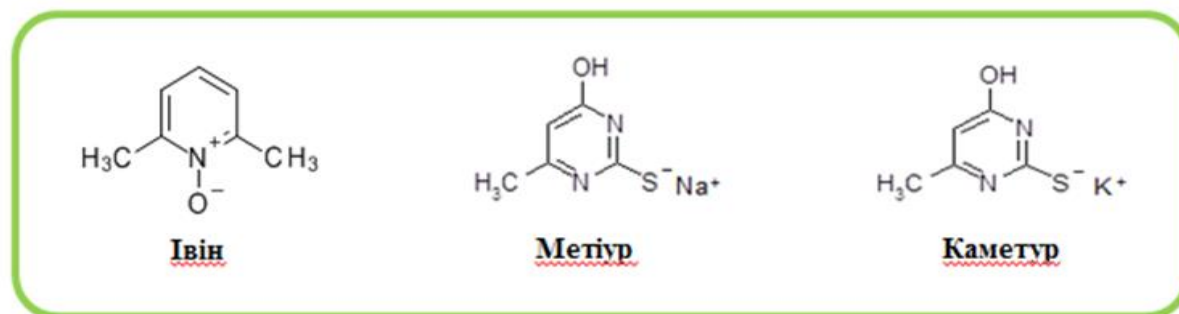

Рисунок 1. Хімічні формули та відносні молекулярні маси регуляторів росту рослин Івіну (ММ=125,17), Метіуру (ММ=165,17) та Каметуру (ММ=181,28)

Склади мікродобрив Росток Екстра виробництва ТОВ «Український Аграрний Ресурс», Radix Tim forte+ виробництва компанії «Forcgor», Іспанія, та рекомендації щодо їх практичного застосування наведені в нашій раніше опублікованій роботі [10].

Проводили вивчення регуляторного впливу синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру і Каметуру та мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+ на ріст рослин льону олійного сорту Айсберг протягом періоду вегетації у лабораторних умовах. Рістрегулюючи активність синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру, Каметуру та мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+ порівнювали з активністю фітогормону ауксину ІОК (1*H*-індол-3-оцтова кислота), ММ=175,19.

З цієї метою насіння льону олійного сорту Айсберг обробляли розчинами регуляторів росту рослин: Івіном, Метіуrom, Каметуrom (концентрація розчину 10^{-7} М), або розчинами мікродобрив: Росток Екстра (концентрація розчину 100 мл на 1 л води) та Radix Tim forte+ (концентрація розчину 50 мл на 1 л води), або комплексами регуляторів росту рослин з мікродобривами, використаних у зазначених концентраціях, або ауксином ІОК (концентрація розчину 10^{-7} М) (дослід). Контрольне насіння льону олійного сорту Айсберг було оброблене дистильованою водою. Насіння пророщували в термостаті за температури 20-22°C протягом 48 год. Надалі рослини льону олійного сорту Айсберг вирощували в кліматичній камері зі світлотемновим

режимом 16/8 годин, температурою 20-22°C, освітленістю 3000 лк, вологістю повітря 60-80 % протягом 3 тижнів.

Параметри росту рослин льону олійного сорту Айсберг (середня довжина пагонів і коренів (см)) вимірювали за методикою, наведеною в посібнику [13]. Статистичну обробку даних дослідів, проведених у трьох повторностях, проводили за дисперсійним критерієм Стюдента з рівнем значущості $P \leq 0,05$; значення є середніми \pm SD.

Результати та обговорення. Проведені дослідження показали вплив синтетичних регуляторів росту рослин та мікродобрив на поліпшення ростових показників рослин льону олійного сорту Айсберг (середня довжина пагонів і коренів (см)) за умов їх окремого застосування або в комплексі.

Підвищення показнику середньої довжини пагонів (см) рослин льону олійного сорту Айсберг відбувалось як при окремому застосуванні синтетичних регуляторів росту рослин: Івіну – на 35,57 %, Метіуру – на 53,06%, Каметуру – на 84,95 %, а також мікродобрив: Росток Екстра – на 35,21 %, Radix Tim forte+ – на 55,11 %, так і при комплексному застосуванні регуляторів росту із мікродобривами: Івін+ Radix Tim forte+ – на 60,35 %, Метіур+Radix Tim forte+ – на 96,43 %, Метіур+Росток Екстра – на 110,88 %, Каметур+Radix Tim forte+ – на 78,57 %, Каметур+Росток Екстра – на 73,47 %, відповідно, порівняно до контрольних рослин (рис. 2).

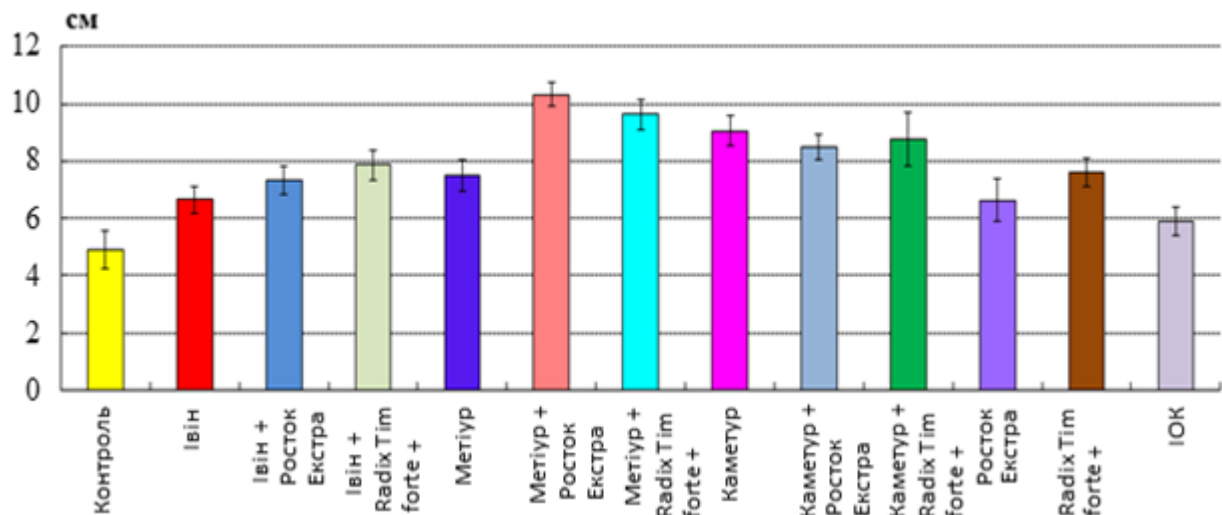

Рисунок 2. Вплив синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру і Каметуру, мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+, а також ауксину ІОК на показник середньої довжини пагонів (см) 3-тижневих рослин льону олійного (*Linum usitatissimum* L.) сорту Айсберг, порівняно до контрольних рослин.

Під впливом ауксину ІОК також спостерігалось підвищення показнику середньої довжини пагонів (см) рослин льону олійного сорту Айсберг на 20,18 %, порівняно до контрольних рослин (рис. 2).

Підвищення показнику середньої довжини коренів (см) рослин льону олійного сорту Айсберг відбувалось як при окремому застосуванні синтетичних регуляторів росту рослин: Івіну – на 24,29 %, Метіуру – на 84,29 %, Каметуру – на 65,19 %, а також мікродобрив: Radix Tim forte+ – на 38,75 % та

Росток Екстра – на 35,24 %, так і при комплексному застосуванні регуляторів росту із мікродобривами: Івін+Radix Tim forte+ – на 37,14 %, Івін+Росток Екстра – на 32,5 %, Метіур++Radix Tim forte+ – на 41,18 %, Метіур+ Росток Екстра – на 68,31 %, Каметур+ Radix Tim forte+ – на 76,67 %, Каметур+ Росток Екстра – на 41,43 %, відповідно, порівняно до контрольних рослин (рис. 3).

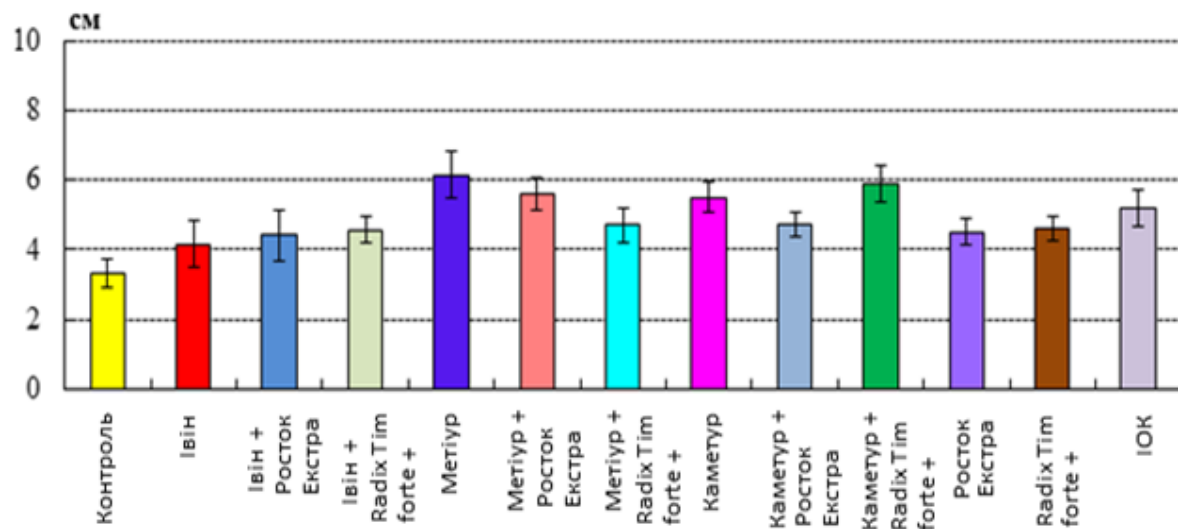

Рисунок 3.

Вплив синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру і Каметуру, мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+, а також ауксину ІОК на показник середньої довжини коренів (см) 3-тижневих рослин льону олійного (*Linum usitatissimum* L.) сорту Айсберг, порівняно до контрольних рослин.

Під впливом ауксину ІОК також спостерігалось підвищення показнику середньої довжини пагонів (см) рослин льону олійного сорту Айсберг на 55,45 %, порівняно до контрольних рослин (рис. 3).

Отримані результати свідчать, що синергічна дія синтетичних регуляторів росту рослин та мікродобрив на поліпшення росту та розвитку пагонів та

кореневої системи рослин льону олійного сорту Айсберг обумовлений їх ауксин-подібним впливом на активацію процесів подовження, ділення та диференціації клітин рослин, формування та росту тканин та органів рослин, а також покращення процесів метаболізму у клітинах рослин [14]. Слід зазначити, що синергічна дія синтетичних регуляторів росту рослин і мікродобрив зумовлена їх складом.

Регулятор росту рослин Івін містить макроелемент азот; Каметур містить макроелементи азот, калій і сірку, необхідні для росту та обміну речовин у клітинах рослин [10, 12]. Регулятор росту рослин Метіур містить макроелементи азот, сірку та натрій, які сприяють росту рослин та їх адаптації до соляного та осмотичного стресу [10, 12]. Мікродобрива Росток Екстра та Radix Tim forte+ містять такі макро- та мікроелементи, як азот, фосфор, калій, магній, сірка, марганець, бор, цинк, залізо, мідь, вільні амінокислоти, гумінові речовини, які покращують ріст та обмін речовин у клітинах рослин [10, 12].

Висновки. Підсумовуючи отримані дані, можна зробити висновок, що синтетичні регулятори росту рослин Івін, Метіур, Каметур та мікродобрива Росток Екстра виробництва ТОВ «Український Аграрний Ресурс» та Radix Tim forte+ виробництва компанії «Forcrop», Іспанія, за умов їх застосування окремо або в комплексі, виявляють стимулюючу активність на ріст та розвиток рослин льону олійного сорту Айсберг протягом періоду вегетації.

Встановлено, що найвищі показники середньої довжини пагонів (см) та середньої довжини коренів (см) рослин льону *олійного сорту Айсберг* отримані за умов окремого застосування регуляторів росту рослин Метіуру та Каметуру, або мікродобрив Росток Екстра та Radix Tim forte+, а також за умов комплексного застосування синтетичних регуляторів росту із мікродобривами: Івін+Radix Tim forte+, Метіур+Росток Екстра, Метіур+ Radix Tim forte+, Каметур+Росток Екстра, Каметур+ Radix Tim forte+.

Активність синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру та Каметуру за умов їх окремого або комплексного застосування із мікродобривами, була подібною, або перевищувала активність фітогормону ауксину ІОК (1Н-індол-3-оцтова кислота).

Запропоновано застосування синтетичних синтетичних регуляторів росту рослин Івіну, Метіуру, Каметуру та мікродобрив Росток Екстра виробництва ТОВ «Український Аграрний Ресурс» та Radix Tim forte+ виробництва компанії «Forcrop», Іспанія, за умов їх окремого або комплексного застосування для поліпшення росту та розвитку рослин льону олійного (*Linum usitatissimum* L.) сорту Айсберг протягом періоду вегетації.

References

1. Jhala A.J., Hall L.M. Flax (*Linum usitatissimum* L.): Current Uses and Future Applications. Australian Journal of basic and Applied Sciences. 2010. 4(9): 4304-4312.
2. Czemplik M., Boba A., Kostyn K., Kulma A., Mituła A., Skórkowska-Telichowska K. Flax Engineering for Biomedical Application. Chapter 17. In: Biomedical Engineering, Trends, Research and Technologies. 2011. 407 – 434. DOI: 10.5772/13570
3. Shim Y.Y., Gui B., Arnison P.G., Wang Y., Reaney M.J.T. Flaxseed (*Linum usitatissimum* L.) bioactive compounds and peptide nomenclature: A review. Trends in Food Science & Technology. 2014. 38(1): 5-20. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tifs.2014.03.011>
4. Andruszczak S., Gawlik-Dziki U., Kraska P., Kwiecińska-Poppe E., Różyło K., Palys E. Yield and quality traits of two linseed (*Linum usitatissimum* L.) cultivars as affected by some agronomic factors. Plant Soil Environ. 2015. 61(6): 247-252. DOI: 10.17221/120/2015-PSE
5. Tsygankova V.A., Bayer O.O., Andrusovich Ya.V., Galkin A.P., Brovarets V.S., Yemets A.I., Blume Ya.B. Screening of five and six-membered nitrogen-containing heterocyclic compounds as new effective stimulants of *Linum usitatissimum* L. organogenesis in vitro. Int. J. Med. Biotechnol. Genetics. 2016. S2:001.1 - 9. doi: [dx.doi.org/10.19070/2379-1020-SI02001](https://doi.org/10.19070/2379-1020-SI02001)
6. Imran M., Ahmad N., Anjum F.M., Khan M.K., Mushtaq Z., Nadeem M. and Hussain S. Potential protective properties of flax lignan secoisolariciresinol diglucoside. Nutr J. 2015. 14:71. <https://doi.org/10.1186/s12937-015-0059-3>
7. Dissanayake N., Summerscales J., Grove S., Singh M.M. Life cycle assessment of flax fiber for the reinforcement of composites. Journal of Biobased Materials and Bioenergy. 2009. 3(3): 245-248. DOI: 10.1166/jbmb.2009.1029
8. Pidlisnyuk V., Mamirova A., Newton R.A., Stefanovska T., Zhukov O., Tsygankova V., and Shapoval P. The role of plant growth regulators in *Miscanthus × giganteus* utilisation on soils contaminated with trace elements. Agronomy. 2022. 12(12): 2999. <https://doi.org/10.3390/agronomy12122999>.
9. Tsygankova V. A., Voloshchuk I. V., Klyuchko S. V., Pilyo S. G., Brovarets V. S., Kovalenko O. A. The effect of pyrimidine and pyridine derivatives on the growth and productivity of sorghum. International Journal of Botany Studies. 2022. Vol. 7, N 5. P. 19 – 31. <https://www.botanyjournals.com/archives/2022/vol7/issue5/7-4-28>
10. Tsygankova V.A., Andreev A.M., Andrusovich Ya.V., Pilyo S.G., Klyuchko S.V., Brovarets V.S. Use Of Synthetic Plant Growth Regulators In Combination With Fertilizers to Improve Wheat Growth. Int J Med Biotechnol Genetics. 2023. S1:02:002: 9-14. URL: <https://scidoc.org/IJMBGS1V2.php>
11. Tsygankova V.A., Voloshchuk I.V., Kopich V.M., Pilyo S.G., Klyuchko S. V., Brovarets V.S. Studying the effect of plant growth regulators Ivin, Methyur and Kamethur on growth and productivity of sunflower. Journal of Advances in Agriculture. 2023. 14: 17 – 24. DOI: <https://doi.org/10.24297/jaa.v14i.9453>
12. Tsygankova V.A., Andreev A.M., Andrusovich Ya.V., Pilyo S.G., Brovarets V.S. Effect of plant growth regulators and fertilizers on the vegetative growth of sunflower (*Helianthus annuus* L.). The scientific heritage. 2023. 116(116): 3 – 9. DOI: 10.5281/zenodo.8129039. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8129039>
13. Voytsehovska, O.V., Kapustyan, A.V., Kosik, O.I., Musienko, M.M., Olkhovich, O.P., Panyuta, O.O., Parshikova, T.V., Glorious, P.S. 2010. Plant physiology: praktykum. Parshikova T.V. (Ed). Lutsk: Teren, 420 p.
14. Quint M., Gray W.M. Auxin signaling. Curr Opin Plant Biol. 2006. 9(5): 448 - 453. DOI: 10.1016/j.pbi.2006.07.006

ECONOMIC SCIENCES

EUROPEAN PERSPECTIVE OF GEORGIA. ECONOMIC REVIEW

Ketevan Shengelia,

Doctor of Economics (Ph. D.)

Associate Professor of Georgian Technical University

Eduard Kavtadze

Doctor of Economics (Ph. D.)

Associate Professor of Georgian Technical University

[DOI: 10.5281/zenodo.10034731](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034731)

Abstract

The paper discusses the European perspective of Georgia, an economic overview. International indicators such as the Heritage Foundation's 2022 Index of Economic Freedom are analyzed; "Doing Business 2020" index of favorable conditions for doing business of the World Bank and the International Finance Corporation. Data on Georgia's integration with Western countries are given. A kind of parallel between Georgia and Moldova is drawn. The importance of Georgia's transport corridor between Europe and Asia is also mentioned. It is justified that Georgia is ahead of Moldova in important economic parameters. At the same time, Moldova is still a member of the CIS. Georgia officially left the CIS on August 18, 2009. And if only Ukraine and Moldova are granted candidate status, it would be an injustice to Georgia, to the Georgian society, which is so persistently trying to get closer to the European Union.

Keywords: European perspective, Economic achievements.

Introduction

The population of Georgia went through the most difficult period in the 90s: the war in Abkhazia, where 10,000 civilians died, 300,000 people were expelled and became refugees due to the intervention of Russia; the War in Tskhinvali; the Civil war in the center of Tbilisi, Russian soldiers dispersed the participants of the peaceful protest and shoved the girls and boys like pearls, 21 young people died, thousands were poisoned with gas. Then power cutting, powerlessness, unbearable situation...

At that time, the European Union did not exist and it was called the European Community. It was called the European Union since 1993. At that time, there was little information about the European Union, and there were no such communication technologies, as the Internet. However, it was during this period that Georgia's relationship with the European Union began. At that time, European support was limited to humanitarian aid: food, clothing, medicines...

Discussion

Today, the support of the European Union means carrying out democratic and economic reforms, bringing them closer to the standards of the European Union. During this 30-year relationship, the European Union implemented projects worth more than 2.5 billion euros in Georgia... During the Covid pandemic, it provided financial assistance of up to 300 million euros; Education support (Erasmus+), financing of 6,000 students in European universities, support for the mobility of Georgian scientists; Visa-free travel in the Schengen area, which can be enjoyed by all citizens, regardless of their status.

The signing of the association agreement with the European Union is an important success for Georgia, Georgian companies can sell their products in the European Union at a non-tariff barrier. Therefore, the European Union is the most important trade partner for

Georgia. On June 23, 2022, the European Council granted Georgia the status of a potential candidate. This decision is for Georgia, Moldova, and Ukraine. We are increasingly showing the intended goal.

The President of the European Commission, Ursula von der Leyen, also spoke about the historical significance of the decision of June 23, when she explained, from the rostrum of the European Parliament, in her annual report on the future of Europe, that "you [the peoples of Georgia, Moldova, Ukraine and the Western Balkans] are part of our family, your future is the European Union, The European Union is incomplete without you." On this level European Union has determined the main directions for Georgia (there are 12 creations), which should be necessary along with the fulfillment of several obligations (Copenhagen criteria) and the legislation of the European Union. The EU Self-Assessment Questionnaire consists of 2 main parts: political and economic criteria.

The economic criteria include two major chapters: 1. The level of development of a functional market economy; 2. Ability to deal with market competition within the EU.

I reckon Georgia has successfully managed to meet the economic criteria. Impressive progress has been made in terms of economic development and improvement of the business environment. According to the data of the National Statistics Service of Georgia, in 2022 the share of direct foreign investments in GDP will reach 8.3%. (FDI= 2 billion USD, GDP 24 billion USD). This index significantly exceeds the index of previous years. According to the Economic Freedom Index of the Heritage Foundation, which evaluates the state of countries on a scale of 0-100 points, where a score of 100 corresponds to the highest level of economic freedom, the overall economic freedom score of

Georgia is 68.7; 35th place in the world ranking. Heritage Foundation publishes the following indicators of the economic freedom of Georgia in 2022:¹

Business freedom 69,8	Labor market freedom – 62,1
Monetary freedom- 72,0	Governmental interference in economics – 73,8
Fiscal freedom - 87,2	Trade freedom – 86,0
Investment freedom – 80,0	Finance freedom 80,0.

It is also mentioned that Georgia takes 21th place among 44 European countries and its overall score is much higher than the world and regional average. Georgia is considered a "moderately free" economy and performs quite well in some key policy areas. Significant reforms have been implemented to increase the effectiveness of regulation and open market policies have been maintained along with low tax rates. The economy has shown a high level of resilience. Access to financing in the banking sector has improved.²

According to the index of economic freedom, the countries are divided into free, mostly free, moderately free, mostly not free, repressed countries:³

Free countries whose index ranges from 100 to 80 include four countries: Singapore - 83.9; Switzerland 83.8; Ireland 82.0, Taiwan 80.7.

Mostly free countries (with an index range of 80-70). It includes 22 countries. Among them are: New Zealand -78.9; Estonia – 78.6; Luxembourg -78.4; Netherlands -78.0; Denmark – 77.6; Sweden - 77.5; South Korea - 73.7, etc.

Moderate free countries (70-60). It includes 55 countries Among them are Latvia, Poland, Slovakia, Bulgaria, Albania, Kazakhstan, Turkey, Azerbaijan, Slovenia, and Serbia, Georgia is in 35th place with a score of 68.7.

Mostly not free countries include 32 countries: (59,9-50): Moldova (58,5); Ghana (58,0); Angola India (52,9); Russia (53,8); Belarus 51,0, etc.

Trade liberalization is the most important step towards the free participation of the country in the international division of labor. Georgia's foreign policy is focused on the diversification of trade relations. In terms of its implementation in the field of trade, the country's membership in the World Trade Organization (WTO), which is a powerful institution that creates a trade system based on the principles of mutual agreement and mutual benefit, is important. 95% of world trade takes place within it. The WTO Agreement is a framework that determines the nature of the trade policies of countries. Georgia is an active participant in the multilateral trade system. Our country's foreign trade and foreign investment have increased significantly since the pandemic. Foreign trade is more than 19 billion USD according to preliminary data for 2022. Exports are 5 billion 600 million US dollars, and imports

are 13 billion 600 million US dollars. Exports have increased even without re-exports and amount to 3 billion 700 million.⁴

In recent years, Georgian products have been exported to China, Azerbaijan, Bulgaria, Turkey, Armenia, etc. in the largest amount from EU countries. As for the rest of the countries, Georgia's export volume was relatively high in Canada, Great Britain, and the United Arab Emirates.

The volume of direct foreign investments is also an important indicator of the country's integration with the global economy. The highest share of foreign direct investment comes from manufacturing, which contributes to the development of the economy, followed by trade, transport, and information technology.

Georgia can play the role of a transit country, which attracts the attention of the international community. Its geopolitical and geo-economic position is a subject of international interest.

For a country with such a small economy as Georgia, gaining an international function, and full membership of the European Union, is necessary in the difficult process of state building, not only from an economic point of view but also from a political viewpoint. In the long term, with the expansion of the transport corridor, more foreign investment will be attracted. Accordingly, such fields as telecommunications, energy, hotels, industrial and agricultural production, and other service fields will be developed.

Georgia's attractiveness to investors focused on market size is not so high. Nevertheless, the interest of foreign companies in Georgia is growing, because the country is a kind of bridge that connects the most important regions of the world with its location. These are Europe (population of 740 million), Black Sea basin countries (population of 243 million), Turkey (population of 85 million), and the Caucasus region (25 million). By investing in Georgia, foreign companies can serve the markets of the region and strengthen their positions.

According to the "Doing Business 2019" report of the World Bank and the International Finance Corporation, **Georgia ranks 7th among 190 countries** according to the index of favorable conditions for doing business. and **Moldova takes 48th place**. All economies are compared as of May 2020. The following countries are in the first ten with this indicator: New Zealand, Singapore, Hong Kong, Denmark, Korea, USA, Georgia, Great Britain, Norway, and Sweden. Also, **Georgia ranked second** among the fastest reforming countries in terms of improved business environment, and **Moldova ranked 13th**.

Conclusion

Finally, in conclusion, it should be said that the level of competitiveness of Georgia, technological development, as well as the quality of the national business environment will be significantly improved by deepening the cooperation with the European Union. I have nothing against Moldova, but Georgia is ahead of

¹ <http://www.heritage.org/index/country/georgia>

² <https://www.heritage.org/index/country/georgia>

³ <http://www.heritage.org/index/ranking>

⁴

<https://www.geostat.ge/ka/modules/categories/765/sakonlit-sagareo-vachroba>

Moldova in important economic parameters. At the same time, Moldova is still within the CIS. Georgia officially left the CIS on August 18, 2009. And if only Ukraine and Moldova are granted candidate status, it will be an injustice to Georgia, to the Georgian society, which is so persistently trying to unite with the European Union.

References

1. <http://www.doingbusiness.org/rankings>
2. <http://www.unctad.org/fdiprospects>
3. <https://www.globalpolicy.org/globalization.htm>
4. <https://www.geostat.ge/ka/modules/categories/23/mtliani-shida-produkti-mshp>
5. <http://economy.ge/ge/media/news/globalurikonkurentunarianobis-indeqsi>
6. <https://www.datalab.ge/ge/dataview/v/360/>
7. <http://www.newsgeorgia.ge/economy>

THE IMPACT OF ORGANIZATIONAL CULTURE MODELS ON THE COMPETITIVENESS OF THE ORGANIZATION

Tamar Gambashidze,

Doctor of Economics (Ph. D.),

Associate Professor at Georgian Technical University

Maia Chechelashvili

Doctor of Economics (Ph. D.),

Associate Professor at Georgian Technical University

[DOI: 10.5281/zenodo.10034743](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034743)

Abstract

In today's increasingly competitive conditions, reaching the desired organizational efficiency level attracts both academicians' and practitioners' interest much more. The factors influencing organizational efficiency are examined with highly increasing importance. Considering organizational culture as one of the factors, the effect of the types of organizational culture on organizational efficiency is questioned. The determining effect of the organizational environment getting complex on the strategy that enables achieving organizational level can play a significant role in the relationship between organizational culture and organizational efficiency. The individual effect of the organizational leaders on the efficiency strategies is viewed in terms of their values. In this study, the relationship between organizational culture and organizational efficiency and the effect of stability or variability of internal and external environment on this relation is investigated. Besides, the values of self-direction, stimulation, and power that leaders have are researched. 40 top managers/organizational founders are selected for sampling in the health sector. The questionnaire method is utilized for gathering data. The findings show that organizational culture types are related to some organizational efficiency dimensions. The stability or variability of the internal and external organizational environment and the top manager's values (self-direction and stimulation) play a moderator role in this relationship.

Keywords: Loyalty to the organization; justification of own behavior, individual and collective culture, perception of the organizational environment, social control system.

Organizational culture has always been an integral part of people's creative work, which is becoming increasingly important in the context of globalization. Today, it is one of the most important factors in the success of the organization. The higher the organizational culture, the more stable and efficient the work of any work team.

Transnational corporations are a key element in the global economic globalization process. Through the implementation of global strategies, they play a leading role in developing global economic ties that unite regional and global markets. The share of transnational companies in the Georgian market and economy is quite large, they have a well-organized and flexible management, which helps them to manage effectively. In the context of a weak Georgian economy, large transnational corporations need to enter to increase economic parameters. The structure and types of transnational companies, and development phases are described—principles and importance of organizational structure design in transnational companies. The paper discusses the role of transnational companies in the globalization of the world economy and their impact on transition economies. Based on the analysis of the respondents' survey, a conclusion has been made about the role of transnational companies in developing the Georgian economy. Conclusions are made at the end of the paper.

Organizational culture influences and manages the behavior of team members in transnational organizations, but its definition is quite complex and there is no general agreement on what exactly corporate culture means. Organizational culture arises when employees

share knowledge and assumptions and find a way to internal integration. National culture has a significant impact on organizational culture, therefore it is important to study both corporate culture and culture in general.

Culture plays a crucial role in the formation of an internal organization of a company. It creates a kind of social control system that determines what is "right" or "wrong" for an employee. That is, it determines how an employee should behave within a particular company. It helps the individual to develop within themselves a perception, behavior, and skills appropriate to the company's values and goals.

Therefore, organizational culture creates a context for the employed individual and allows him to adapt to the environment. The culture of the organization must be in harmony with the structure and strategy of the company. It is the force that drives the effective work of the organization.

Organizational culture is not an entity in itself in transnational organizations but is a concept formed as a result of the influence of the cultural narrative in society. The reason for this is that the company is made up of people who are part of this community. That is, they combine values, skills, and skills outside the organization. Consequently, the company depends entirely on the culture of the society and its characteristics.

In Georgia's weak economy, large transnational companies need to increase their economic parameters.

Ultimately, the center of organizational culture values is not the individual but the company itself and its goals. Accordingly, it is considered a measure of the success of the organization. There are many approaches to determining the impact of culture on an organization.

Model V. State explores the impact of culture on organizational life through seven processes:

- cooperation between individuals and constituent parts of the organization;
- making decisions;
- control;
- communications;
- loyalty to the organization;
- perception of the organizational environment;
- justification of own behavior.

The first three processes are related to the first, superficial level of organizational culture or patterns of organizational behavior, and the next four - to the second, lower level, which has a "value" basis. The effectiveness of the organization's functioning depends on how these processes are carried out. In some organizations, teamwork is the highest value, in others - internal competition. In other words, everything depends on which philosophy prevails: individualistic or collectivist. Let's consider several models of the influence of culture on the competitiveness of the organization

Peters-Waterman model. The authors of the well-known bestseller "In Search of Successful Management" vol. Peters and R. Waterman discovered a connection between culture and organizational success. Peters and Waterman argue that successful organizations have three sets of values:

1. Successful companies strive to realize their values in what Peters and Waterman call the "action bias." Such companies emphasize the value of autonomy and initiative and encourage employees to take reasonable risks, such as finding new ways to deliver high-quality products or services to customers.

2. The second set is determined by the nature of the organization's mission, that is, what the organization does and how it tries to do it. Peters and Waterman argue that managers must first establish values that focus on what the organization does best and maintain control over core activities. It also involves building close relationships with customers and adopting customer-centric norms to improve the company's competitive position.

3. The third set of values is related to the organization's operations. A company should try to establish values and norms that encourage its employees to perform at the highest possible level. These values are shaped by the belief that production is driven by employees and that respect for the individual is the primary means by which a company can create the culture necessary for productive operation.

Parsons model (Talcott Parsons). In a more general way, the connection between the culture and the results of the organization's work is discussed by the American sociologist T. It is presented in the Parsons

model. The model is developed based on the characteristics of certain functions that any social system, including an organization, must perform to survive and succeed. The abbreviation of the English names of these functions gave this model its name **AGIL**:

- adaptation;
- goals; achieving
- integration;
- Legitimacy.

Queen-Rohrbach (R. Queen, J. Rohrbach) model. Persson's ideas were spread and concretized by R. Quinn and J. Rohrbach in their model "Competing Values and Organizational Effectiveness", which explains the influence of certain groups of values on the effectiveness of the organization. In the development of the AGIL model, this influence was proposed for Consideration in not one but three dimensions. Therefore, the so-called "competing values" model was used.

This model includes three dimensions:

1. Integration - differentiation:
2. Internal focus - external focus:
3. Means/tools - results/indicators:

This model describes the values of the organization's culture about each approach to determining effectiveness and compares the perspective of one approach to all other approaches.

d. Denison's model of organizational culture considers four dimensions of organizational culture assessment: external focus, internal focus, stability, and flexibility. The combination of these characteristics gives the parameters of culture assessment: involvement, stability, adaptability, and mission.

References

1. Organisational Culture, (2003) ICFAI Centre for Management Research, ECCH Collection, <http://www.ecch.cranfield.ac.uk>. 3M's Annual Report (2006) 'Working Our Magic', USA:3M,
2. Gambashidze Tamar et al. Contemporary Business Challenges in a Globalized World: Research, Study, Examination (Volume 3) // Economic transformation of the pandemic in Georgia Collective monograph. Saarbrücken, Saarland, Germany. (2022).
3. http://solutions.3m.com/wps/portals/3m/en_US/our/company/information/ 3M McKnight Principles, 3M Leadership, History, CEO and Corporate Officers.
4. http://solutions.3m.com/wps/portals/3m/en_US/our/company/information/history/
5. Yasas Pathiranage-Organizational Culture and Business Performance: An Empirical Study-University of Kelaniya,2019
6. Robertson, International Review of Industrial and Organizational Psychology, Wiley, Chichester Schein, E H (2014)

HISTORICAL SCIENCES

UDC 94(477) "1991/2022"

ROMAN DASHKEVICH IN NATIONAL MEMORIES OF UKRAINIANS (1991 – 2022)

Ihor Soliar,*Doctor of Historical Sciences, Professor
Ivan Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine;
Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academ
Lviv, Ukraine*

ORCID 0000-0003-0439-6957

Andrii Bahan*Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academ,
PhD Student (Military Courses) at the Scientific
and Organizational Department
Lviv, Ukraine*

ORCID 0000-0002-1718-3179

[DOI: 10.5281/zenodo.10034752](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034752)

УДК 94(477)«1991/2022»

РОМАН ДАШКЕВИЧ В НАЦІОНАЛЬНІЙ ПАМ'ЯТІ УКРАЇНЦІВ (1991 – 2022)

Ігор Соляр*доктор історичних наук, професор
Інститут українознавства
ім. І. Крип'якевича НАН України;
Національна академія сухопутних військ
імені гетьмана Петра Сагайдачного,
Львів, Україна*

ORCID 0000-0003-0439-6957

Андрій Баган*Національна академія сухопутних військ
імені гетьмана Петра Сагайдачного,
ад'юнкт штатний науково-організаційного відділу,
Львів, Україна*

ORCID 0000-0002-1718-3179

Abstract

The contribution of the Ukrainian state to preserving the national memory of Roman Dashkevych – a lawyer, public figure, leader of the sports society «Luh», lieutenant colonel of the Ukrainian Sich Riflemen, general ensign of the Army of the Ukrainian National Republic, and author of numerous works on the history of the Ukrainian military and the Sokil movement – has been characterized. It is noted that during the period of Ukraine's independence, significant steps have been taken to honor his memory: streets in various cities have been named after Roman Dashkevych, memorial plaques have been unveiled in Lviv and Borislav, his memoirs and scientific works have been published, and documentary films have been made.

Анотація

Охарактеризовано внесок української держави у збереження національної пам'яті про Романа Дашкевича – адвоката, громадського діяча, керівника спортивного товариства «Луг», підполковника Українських Січових стрільців, генерал-хорунжого армії УНР, автора численних праць з історії українського війська, січово-сокільського руху. Зазначено, що у період незалежності України здійснені вагомі кроки для вшанування його пам'яті: іменем Романа Дашкевича названо вулиці міст, відкрито меморіальні таблиці у Львові та Бориславі, опубліковані його спогади та наукові праці, відзняті документальні фільми тощо.

Keywords: Roman Dashkevich, national memory, ZUNR, UNR, Sich riflemen, memorial board.

Ключові слова: Роман Дашкевич, національна пам'ять, ЗУНР, УНР, Січові стрільці, меморіальна дошка.

Роман Дашкевич – український військово-політичний діяч, постать якого на батьківщині тривалий період перебувала у тіні забуття, зважаючи на

засилля комуністичної ідеології та боротьбу комуністів із «українським буржуазним націоналізмом». Після відновлення української державності (1991 р.), як писали його земляки із Дрогобиччини, він

«як великий ентузіаст, організатор і активний фронтовик... перейшов до історії українських визвольних змагань як один із заслужених патріотів землі української» [7, с. 677].

Відомий український історик Г. Касьянов стверджував, що у посткомуністичному світі звернення до проблем історичної пам'яті та відповідний шлях розвитку історичної політики були пов'язані передусім із розпадом комуністичної системи й вимогами перегляду комуністичного минулого заради «подолання спадщини комунізму» [10], а також поверненням до завдання розбудови національної держави як контртези комуністичному минулому [10].

Власне до національної історії на початку 1990-х рр. повертається й Роман Дашкевич – адвокат, громадський діяч, керівник спортивного товариства «Луг», підполковник Українських Січових стрільців, пізніше – генерал-хорунжий армії УНР, автор численних праць з історії українського війська, січово-сокілського руху, спогадів. Його посітаті безпосередньо або ж опосередковано у руслі тематично ширших проблем присвячуються наукові конференції, круглі столи. Революційні події 1917 – 1921 рр., учасником яких він був, стають предметом зацікавлення істориків, краєзнавців, з'являються перші підручники для учнів та студентів із правдивими фактами національної історії. Значну роль у популяризації ім'я Романа Дашкевича відіграв його син Ярослав – відомий в Україні та за кордоном історик та громадський діяч, який залишив чимало спогадів про свого батька.

Позитивні зрушення відбулись і в українській топонімії. Зокрема у 1990-х рр. у Львові, де тривалий час проживав Роман Дашкевич, в рамках декомунізації, вулицю Комунальну було перейменовано на його честь. У 2012 р. рішенням сесії Бориславської міської ради одна з вулиць мікрорайону Тустанович також була названа його ім'ям [28]. Вулиці, які присвячувалися генерал-хорунжому УНР з'являються у Городку (Львівська область), Боярці (Київська область), інших містах та селах України.

У 2008 р. на перепоховання до України були привезені рештки Романа Дашкевича. 15 червня того ж року у соборі Святого Юра відбулася урочиста панахида, на Личаківському цвинтарі у Львові – чин перепоховання. У церемонії брав участь син Ярослав, який відзначав: «За життя батько не міг повернутися на батьківщину. Ми листувалися з ним останні 20 років його життя. Хоча листи були дуже скромні, адже проходили через цензорів, у кожному з них відчувалася любов до України. – Я ріс із двома батьковими світлинами. На першій фотографії – тато на коні посеред Софіївської площі. Ця фотокартка була для мене символом єдності Східної та Західної України» [16].

Із крипти собору Святого Юра домовину з останками тіла Романа Дашкевича винесла почесна варта курсантів Львівського інституту Сухопутних військ (нині – Національна академія сухопутних військ імені гетьмана Петра Сагайдачного). Прах генерала-хорунжого армії УНР під салют, патріотичні пісні й марш військового духового оркестру,

поховали на Полі почесних поховань Личаківського цвинтаря [3]. За словами владки І. Возняка, такі люди, як генерал Роман Дашкевич вірили у краще майбутнє України, подавали відважні голоси й свідоцтво далеко за її межами про свою приналежність до народу, з котрого вони вийшли і роблять це до сьогодні. «Хай завжди живе пам'ять про наших добрих людей, котрі трудилися в ім'я блага нашої Батьківщини, боролися за її волю, кращу долю, які не щадили свого життя й визнавали себе українцями», – зазначав проповідник [3].

Резюмуючи, І. Возняк констатував: «Коли привезли тлінні останки цієї людини до нашого Львова та залишили їх у соборі св. Юра, багато хто запитував: ким був цей чоловік? Інші цікавилися, звідки привезли його та чому тепер хоронять? Де й коли він помер? Ось так часто ставалося з історією наших героїв, гідних синів України, мудрих борців за її волю, самостійність і незалежність» [5]. Додамо, що через два роки – 25 лютого 2010 р. помер його син, відомий український історик Ярослава Дашкевича [1].

25 квітня 2011 р. у Львові відкрили меморіальну таблицю, яка присвячена генерал-хорунжому армії УНР [29]. Меморіальну дошку розмістили на фасаді будинку на вул. Коперніка, 5. Будівля була обрана не випадково, адже протягом 1925 – 1939 рр. Роман Дашкевич очолював спортивне товариство «Луг», яке розміщувалося в цьому будинку. Проектуванням, виготовленням та встановленням цього пам'ятника займалося приватне підприємство «Науково-дослідний центр історії національно-визвольних змагань». Вони ж і провели конкурс на кращий проєкт меморіальної таблиці [29].

Згодом, 6 грудня 2011 р. сесія Львівської обласної ради прийняла рішення про оголошення 2012 року Роком Олени Степанів-Дашкевич. 7 грудня 2012 р. у Львові відбулися заходи з вшанування 120-ї річниці від дня народження першої в історії України жінки-офіцера українського Січового Стрілецтва. Значну увагу у цьому контексті було приділено й Роману Дашкевичу – відбулося урочисте покладання квітів до його могили на полі почесних поховань Личаківського кладовища, а також урочисті заходи у Львівському палаці мистецтв [31].

У цей період військово-політична діяльність Романа Дашкевича широко обговорюється на сторінках сучасної української періодичної преси, його бойові здобутки відображені у наукових монографіях [13], енциклопедичних статтях [19], окремих статтях в періодичній пресі [8], фотоальбомах [17], краєзнавчих розвідках [26]. Роман Дашкевич був одним з героїв роману «Країна Ирредента» Р. Іваничука [11], його спогади у період незалежності України нерідко публікувалися як окремими книгами [18] або ж фрагментарно у руслі тематично ширших проблем [4].

Роману Дашкевичу присвячувалися окремі теле-, радіопрограми, він – центральна постать документальних фільмів, які присвячувалися українській революції 1917 – 1921 рр. Для прикладу на

У час російсько-української війни бойові звитяги Романа Дашкевича надихали на перемоги українських військових. Для посилення патріотичних настроїв серед військовослужбовців Збройних Сил України, у 2018 р. у співпраці з Головним управлінням морально-психологічного забезпечення Збройних Сил України, Інститут національної пам'яті започаткував проєкт лекцій для українських військових [14]. Згодом був підписаний Меморандум про налагодження партнерських відносин і співпраці у рамках заходів національно-патріотичного виховання молоді та військовослужбовців Збройних Сил України із ОК «Північі», що дозволило співробітникам Інституту, зокрема історика, реконструктору та кандидату історичних наук Артему Папакіну 24 липня 2019 р. провести у Бердичеві для військовослужбовців 26 окремої артилерійської бригади лекцію про життя та діяльність генерал-хорунжого Романа Дашкевича [14]. Основні тези доповіді пояснювали передумови Української революції 1917 – 1921 рр., початок військової кар'єри Романа Дашкевича, його становлення як командира артилерійського підрозділу в складі Січових стрільців, участь у бойових діях та життя на еміграції [14].

Через рік – 4 грудня 2020 р. на Житомирщині в Музеї 26 артилерійської бригади було відкрито експозицію, присвячену Роману Дашкевичу [25]. Експонати розташовувалися у двох залах за тематичним принципом: в першому вони безпосередньо пов'язані із життям Романа Дашкевича, в другому – відображають епоху, в якій творив видатний артилерист. «Створення музейної експозиції – це доволі важкий та тривалий процес, – відзначав куратор експозиції, історик, офіцер управління з морально-психологічного забезпечення 26 бригади імені генерал-хорунжого Романа Дашкевича В. Матвійчук. – Точка відліку початку створення – 6 травня 2019 року, коли бригада отримала почесне найменування на честь Романа Дашкевича. Тоді замислилися над концепцією. Спочатку думали присвятити Роману Дашкевичу лише одну кімнату. Потім виявилось, що експозицію потрібно розширити. Тому що говорити про Романа Дашкевича без контексту тієї епохи, в якій він жив, а це епоха визвольних змагань 1917 – 1921 років, доволі важко» [25].

Діяльність влади та громадськості щодо популяризації ім'я Романа Дашкевича приносила свої результати. Для прикладу, у 2020 році до Дня захисника України інтернет-ресурс Держ.ау сформував перелік з 15-ти людей, які суттєво змінили українську армію в різні історичні періоди її існування [23]. Серед таких постатей був й Роман Дашкевич – батьком української артилерії. «Також він першим водогнув Січових стрільців у блакитні мундири... і за словами сучасників, Дашкевич за власні кошти і за кошти своїх батьків закупив січовикам не лише мундири, а й кріси та кулемети», – зазначали журналісти. Відзначимо, що до переліку потрапили також В. Старосольський, Є. Коновалець, В. Савченко-Більський, П. Болбочан, С. Кульчицький, М. Забродський, Є. Жуков (позивний «Маршал») та ін. [23]

Одна з таких пам'ятних дат – 130-ти річчя від дня народження Романа Дашкевича. У Львові та об-

ласті у грудні 2022 р. були проведені численні заходи, приурочені цій події. Зокрема, 2 грудня у Бориславі (Львівська область) в мікрорайоні Тустановичі відбулося відкриття та освячення меморіальної дошки. Настоятель храму Преображення Господнього о. Ярослав Химин освятив пам'ятний знак [28]. Присутні помилилися за всіх, хто поклав своє життя за волю та незалежність України та всіх, хто зараз захищає державність та самобутність української землі. Із закликом шанувати та вивчати свою історію, цінувати нашу історичну пам'ять звернувся депутат міської ради, директор та вчитель історії ЗЗСО № 7 Микола Когут [28].

6 грудня 2022 р. у приміщенні Історико-краєзнавчого музею Борислава (Львівська область) відбулася наукова конференція за участю старшокласників закладів освіти Бориславської громади (вела захід вчитель історії ЗЗСО № 5 Л. Білинська) [6]. Учні закладів загальної середньої освіти нашої громади представили свої доповіді та презентації про життєвий шлях Романа Дашкевича. Між доповідями, спогади-монологи в образі самого ж Романа Дашкевича читав учень ЗЗСО № 1 Р. Попадинець. Завершилася конференція хвилиною мовчання у знак вшанування усіх тих, хто віддав життя за волю України [6].

8 грудня 2022 р. у Бориславській ЗЗСО І-ІІІ ступенів № 4 імені С. Коваліва відбувся круглий стіл «Роман Дашкевич: повернення додому» [12]. Учасники заходу – учні 10-х та 11 класів. Під час круглого столу краєзнавець, історик, Роман Тарнавський коротко висвітлив основні віхи життя легендарного полковника Дашкевича, його родини, а акцентував увагу присутніх на діяльності батька – отця Івана. Учні школи обговорили основні віхи біографії військово-політичного діяча [12]. Того ж дня у Бориславі відбувся стрілецький турнір імені Романа Дашкевича та Олени Степанів серед учнівської молоді [2].

Таким чином, упродовж останніх десятиліть постать Романа Дашкевича глибоко вкорінилася у національній пам'яті українців. У період незалежності України центральними та місцевими органами влади зроблені вагомі кроки для вшанування його пам'яті: іменем Романа Дашкевича названо вулиці міст, відкрито меморіальні таблиці у Львові та Бориславі, опубліковані його спогади та наукові праці, відзняті документальні фільми тощо. «У наші дні особливо важливо пам'ятати Романа Дашкевича, робити те, що він заповідав, і те, що він робив: зміцнювати свідомість людей та будувати армію. Бо без перемоги над ворогом не буде майбутнього», – писав один з сучасних біографів Романа Дашкевича В. Заславський [9, с. 76].

Список використаних джерел

1. Академія пам'яті Ярослава Дашкевича (25.02.2011) URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/48172/29-Starikov.pdf?sequence=1>
2. Відбувся стрілецький турнір імені Романа Дашкевича та Олени Степанів серед учнівської молоді. URL:

<http://schoolb1.com/tag/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%96%D1%80%D1%96%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%96%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B0/>

3. Генерала-хорунжого УНР Романа Дашкевича перепоховано на Личаківському кладовищі у Львові. URL: https://galinfo.com.ua/news/generala-horunzhogo_unr_romana_dashkevycha_perepohovano_na_lychakivskomu_kladovyshchi_u_lvovi_41133.html

4. Дашкевич Р. Мої Великодні свята (Спогади з молодих літ). Олена Степанів – Роман Дашкевич. Спогади і нариси. Львів: Піраміда, 2009. С. 288–292.

5. Дашкевича поховали на Личакові. URL: <http://prostir.museum.ua/post/5900>

6. До 130 річниці з дня народження Романа Дашкевича. У Бориславі відбулася наукова конференція. URL: <https://boryslavrada.gov.ua/post/2022/98279>

7. Дрогобиччина – земля Івана Франка. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1973. С. 677.

8. Дужий П. Деякі риси характеру Романа Шухевича. До 44-х роковин трагічної загибелі Головнокомандувача УПА. *Шлях перемоги*. 1994. 5 березня. Ч. 10 (2082). С. 3.

9. Заславський В. Батько української арти. Історія генерал-хорунжого Романа Дашкевича. Тернопіль, 2020. 120 с.

10. Касьянов Г. Історична політика 1990-х – початку XXI ст.: Україна та пострадянський простір. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kasianov/Istorychna_polityka_1990-kh_poch_KhKhI_st_Ukraina_ta_postradianskyi_prostir.pdf?PHPSESSID=cd2u4aejhe1e322pbpcu5vld6

11. Країна Ірредента. Роман Іваничук. URL: <https://www.ukrplib.com.ua/books/printit.php?tid=7158>

12. Круглий стіл «Роман Дашкевич: повернення додому». URL: <https://borislavzosh4.e-schools.info/news/268587>

13. Лазарович М.В. Легіон Українських січових стрільців: формування, ідея, боротьба. Тернопіль: Джура, 2005. 592 с.

14. Лекція Інституту про генерал-хорунжого Романа Дашкевича в бригаді його імені. URL: <https://uinp.gov.ua/pres-centr/novyny/lekcija-institutu-pro-general-horunzhogo-romana-dashkevycha-v-brygadi-yogo-imeni>

15. Литвин М. Дашкевич Роман-Микола Іванович. *Енциклопедія історії України*: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Київ: Наукова думка, 2004. С. 405–407.

16. Мартинець С. За гроші родини – кірси й мундири. URL: <https://www.umoloda.kiev.ua/number/1186/116/42207/>

17. Микулич О., Тарнавський Р., Шоха І. Чота Українських Січових Стрільців ІІ, зорганізована кошовим повітової «Січі» і товариства УСС Романом Дашкевичем. Борислав – наше місто: іст.-

краєзнавчий фотоальбом. Львів: Свічадо, 2012. 120с.

18. Олена Степанів – Роман Дашкевич. Спогади і нариси. Львів: Піраміда, 2009. 412 с.

19. Паска Б. Дашкевич Роман-Микола Іванович. ЗУНР 1918 – 1923: енциклопедія: до100-річчя утворення ЗУНР. Івано-Франківськ: Манускрипт-Львів, 2018. Т.1. С. 474 – 475.

20. Про відзначення пам'ятних дат і ювілеїв у 2022 – 2023 роках. Постанова Верховної Ради України № 1982-IX. URL: <http://www.golos.com.ua/article/354739>

21. Роман Дашкевич – засновник української артилерії. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLSnkbZxSf-sDLMosRIHrSalaH4n00rbt>

22. Роман Дашкевич. Слід у історії, спогади офіцера. URL: <http://radiomaria.org.ua/roman-dashkevich.-slid-u-istori-spogadi-oficera-9145>

23. Рудомський Р. До Дня захисника України: 15 людей, які змінили українську армію. URL: <https://www.depo.ua/ukr/war/do-dnya-zakhisnika-ukraini-15-lyudey-yaki-zminili-ukrainsku-armiyu-202010141229218>

24. Сварник Г. Дашкевич Роман-Микола Іванович. Енциклопедія сучасної України. Київ: НАН України, 1990. Т. 7. С. 250.

25. Слободенюк О. На Житомирщині в Музеї 26 артилерійської бригади відкрилася експозиція, присвячена Роману Дашкевичу. URL: <https://suspilne.media/85890-na-zitomirshini-v-muzei-26-artilerijskoi-brigadi-vidkrilasa-ekspozicia-prisvacena-romanu-daskevichu/>

26. Тарнавський Р. Дашкевич Роман – Микола. Тустановичі. Дрогобич: Посвіт, 2019. С. 290 – 293.

27. У Бориславі відкрили меморіальну дошку видатному уродженцю Тустанович Роману Дашкевичу. URL: <https://drogmedia.net.ua/2022/12/02/u-boryslavi-vidkryly-memorialnu-doshku-vydatnomu-urozhentsiu-tustanovych-romanu-dashkevychu/>

28. У Бориславі відкрили та освятили меморіальну дошку Роману Дашкевичу. URL: <https://boryslavrada.gov.ua/post/2022/97932>

29. У Львові встановили меморіальну дошку Роману Дашкевичу. URL: https://gal-info.com.ua/news/u_lvovi_vstanovyly_memorialnu_doshku_romanu_dashkevychu_86810.html

30. Указ Президента України № 192/2019 «Про присвоєння почесних найменувань військовим частинам Збройних Сил України». URL: <https://www.president.gov.ua/documents/1922019-26710>

31. Урочистості з нагоди 120-річчя від дня народження Олени Степанів-Дашкевич. URL: <https://www.schoollife.org.ua/urochystosti-z-nagody-120-richchya-vid-dnya-na/>

32. Хома І. Січові Стрільці. Створення, військово-політична діяльність та збройна боротьба Січових Стрільців у 1917 – 1919 рр. Київ: Наш час, 2011. 104 с.

33. Ultima Ratio: Роман Дашкевич. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1131615940521083>

MEDICAL SCIENCES

IN LOW-PRESSURE GLAUCOMA, IS THE OPTIC NERVE PUSHED OR PULLED?

Arturo Solís Herrera,

*MD, PhD., Human Photosynthesis™ Study Center,
Aguascalientes 20000, México*

María del Carmen Arias Esparza,

*MD, MsC., Human Photosynthesis™ Study Center,
Aguascalientes 20000, México*

Paola Eugenia Solís Arias

*MD, Ophthalmologist, Human Photosynthesis™ Study Center,
Aguascalientes 20000, México*

[DOI: 10.5281/zenodo.10034765](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034765)

Abstract

The first cause of irreversible blindness in the world is glaucoma or glaucomatous optic neuropathy (GON). Glaucoma (green disease) has been known since the Greeks, and to date it is a disease that is not understood, and therefore cannot be stopped or even less cured, although it has been extensively studied but poorly understood.

Primary Glaucoma of open angle (POAG), or Glaucomatous Optic Neuropathy (GON) is considered as a group of different pathologies that lead to characteristic damage to the optic nerve that leads to vision loss. A portion of these patients evolve with increased intraocular pressure (IOP), but the majority present with normal intraocular pressure levels.

And the increase in IOP is the only risk factor that is currently managed in medical practice, either by pharmacological or by surgical means. But despite the efforts of researchers, ophthalmologists, and patients, POAG or GON continues to be an important cause of vision loss in the world.

Although some technical problems are arguing, for example, to measuring intraocular pressure, since there is no known optimal method that works ideally for all patients, studies also citing the variable thickness of the cornea, which varies from patient to patient, it even varies in the same patient throughout the day. Furthermore, normal values of intraocular pressure are not conclusively determined.

The above is to give an idea of the complexities surrounding this epidemiologically very important disease.

In this article, we will refer to a fundamental anatomical feature of glaucoma and that is the characteristic excavation of the optic nerve (bean pot excavation) which is supposedly due to the increase in intraocular pressure pushing the inside of the eye, and since hypothetically, the optic disc is the weakest part of the eyeball, it gives way and the tissues that make it up give way to the increase in pressure, and eventually they become deformed, progressively adopting the appearance of a pot of beans.

But there is another possible mechanism that is not mentioned, and that is that the excavation is formed by the fibers of the optic nerve retracting, because they are also pulled by the tissues that make up the central nervous system.

Keywords: CSF, Glaucoma, intraocular pressure, optic disc, water dissociation, brain ventricles.

Introduction

Glaucoma is the second leading cause of permanent blindness in the United States and occurs most often in older adults [5]. Glaucoma is defined as an acquired loss of retinal ganglion cells and axons within the optic nerve or optic neuropathy that results in a characteristic optic nerve head appearance and a corresponding progressive loss of vision (Figure 1). The patient with POAG is often asymptomatic until the optic

nerve damage is severe unless signs of early glaucoma are recognized on a routine eye exam. normal or low-tension type glaucoma in which patients have the same visual loss pattern as POAG but at normal intraocular pressure readings. Currently, glaucoma cannot be prevented or cured, but progression can be controlled to help prevent further vision loss either through medication, glaucoma laser treatment, or incisional glaucoma surgeries.

⁵ Dietze J, Blair K, Havens SJ. Glaucoma. 2022 Jun 27. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2023 Jan-. PMID: 30855805.

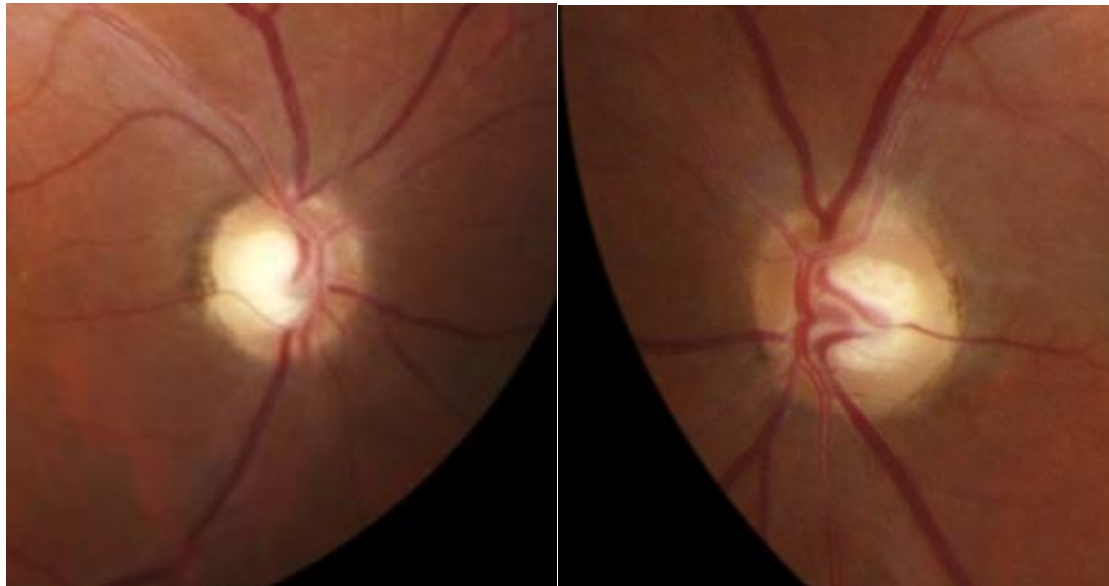

Figure 1. Example of Glaucomatous optic nerve excavation. The characteristic aspect of the optic nerve for primary open angle glaucoma is usually bilateral. (Left image: right eye, right image, left eye). At the bottom of the excavation, part of the cribriform plate of the sclera can be seen.

In the normal optic nerve (figure 2), there may be a very small excavation in the center of the optic nerve.

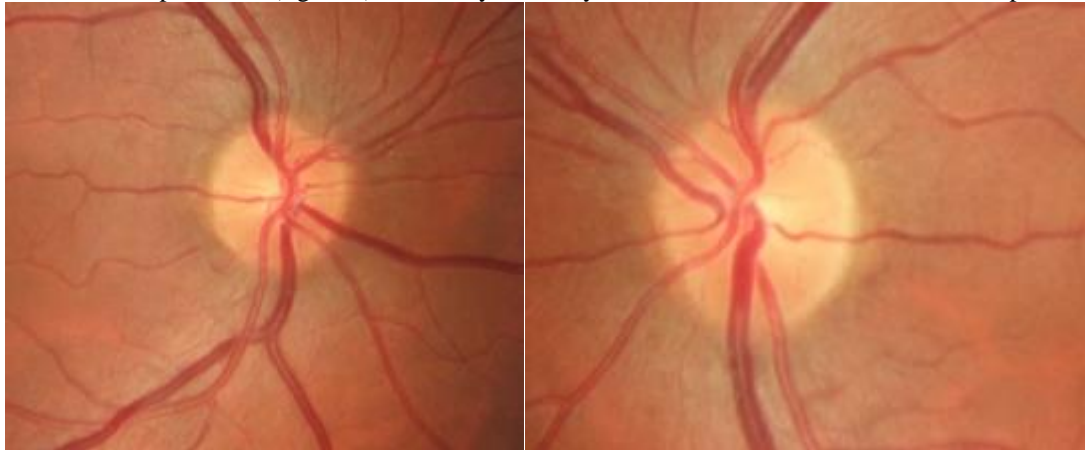

Figure 2.

Normal appearance of the optic nerve. On the left, the patient's right eye. On the right, the patient's left eye.

In glaucoma or glaucomatous optic neuropathy, the excavation tends to extend and deepen. (Figure 3)

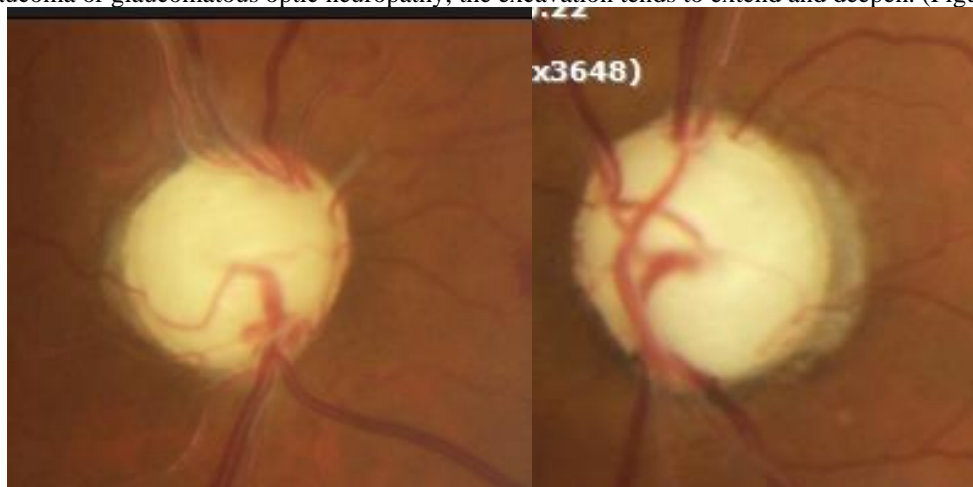

Figure 3. Right eye (left), left eye (right), of a patient with primary advanced open angle glaucoma.

The mechanism that is assumed to produce the pathological increase in the excavation of the optic nerve, and for almost 150 years, is the increase in intraocular pressure (Figure 4).

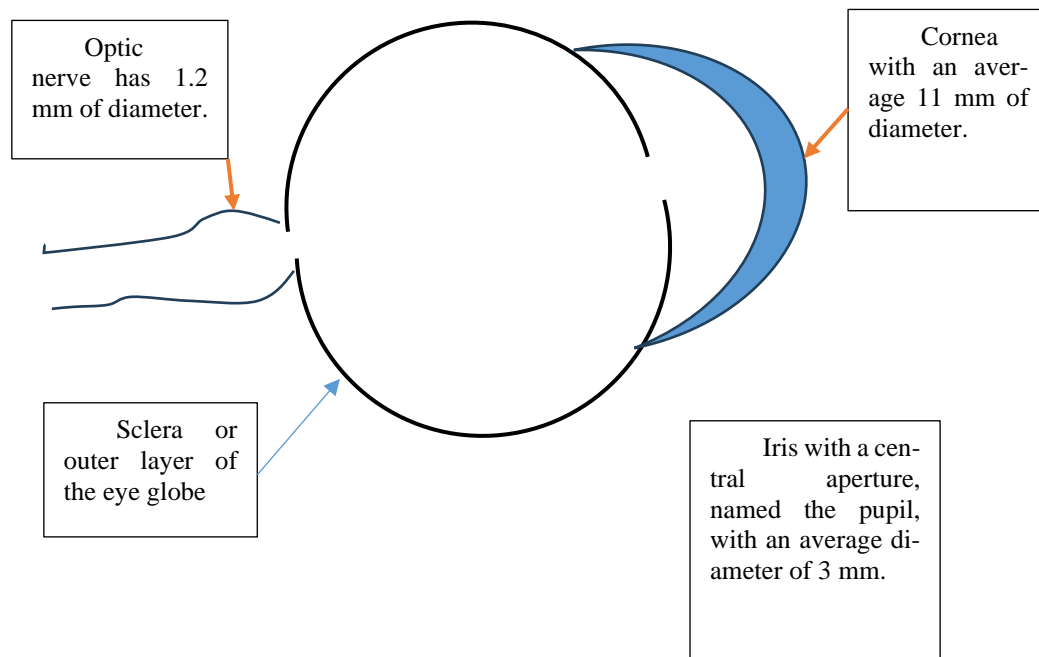

Figure 4. Why increased intraocular pressure markedly affects the anatomy of the optic nerve is not understood, and as in other areas of medicine, also poor understood, the explanation is based on mathematical models.

To date, it has always been pointed out that the cause of said progressive excavation of the optic nerve is the push on said anatomical structure because of the increase in intraocular pressure.

But until now it has not been postulated that increased cupping of the optic nerve results more from exquisite traction on the optic nerve tissue than from the push of intraocular pressure.

So far, it has not been adequately examined whether the excavation of the optic nerve (Figure 5) is a result of it being pushed (due to elevated intraocular pressure) or it is being pulled by intracranial tissues, and in a delicate way because the diameter of the optic nerve is equivalent to twelve hairs, humans, together.

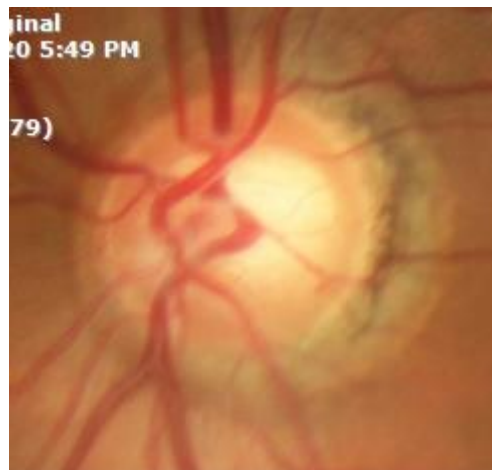

Figure 5. So, the optic nerve is pushed back by the increased IOP? Or is it pulled back because the intracranial nervous tissue and its components are retracting?

Neurodegeneration in glaucoma extends beyond the eye into the lateral geniculate nucleus and visual cortex, and the disease even shares some characteristics

with other central nervous system degenerative disorders. Glaucoma destroys neurons through oxidative stress, impairment in axonal transport, neuroinflammation, and excitotoxicity [6].

⁶ Gauthier AC, Liu J. Neurodegeneration and Neuroprotection in Glaucoma. *Yale J Biol Med.* 2016 Mar 24;89(1):73-9. PMID: 27505018; PMCID: PMC4797839.

Recent research has linked POAG to degeneration of the central nervous system (CNS). Glaucoma-associated neurodegeneration has been noted in the intracranial optic nerves, lateral geniculate nucleus (LGN), and visual cortex of primates and humans [7].

One case study compared the brain of a glaucoma patient with a superior visual field defect to three brains of age-matched controls without neurological or ocular disease [8]. Tissue samples from the lateral geniculate nucleus (LGN) at autopsy showed shrunken neurons with smaller nuclei and more globoid cytoplasm in both the magnocellular and parvocellular layers in the glaucoma patient compared to the controls. In addition, cortical ribbon thickness under the calcarine sulcus was diminished, and optic nerve tissue was heavily atrophied.

Previous study demonstrated decreased cell density in the magnocellular layer in glaucoma patients compared to healthy controls [9]. These studies indicate that the effects of glaucoma can extend beyond the eye into areas that process visual information within the brain. Although there is also the possibility that the degeneration of the nerve fibers began in the LGN and then spread to the orbital and intrascleral portion of the optic nerve, which would result in a glaucomatous excavation, but because the nerve fibers are being pulled from the CNS, and not so much due to some or any increase in intraocular pressure, for example in the case of normal tension glaucoma.

And if this is the case, it explains why intensive hypotensive treatments and even heroic surgeries that seek to lower intraocular pressure beyond 7 mm Hg do not give results and are even complicated quite frequently with macular edema or sometimes with hemorrhages in vitreous body, given the very low intraocular tension.

Therefore, we must consider that the characteristic appearance of the optic disc in the case of glaucoma may be due to the increase in intraocular pressure, with the consequent atrophy (by pressure) of the retinal ganglion cell layer, which is where the axons that make up the optic nerve or tract, are originated. Thereafter, these neuron fibers go to the CNS through the optic foramen, intersects approximately 60/40% in the optic chiasm, and makes the first synapse of the visual pathway in the thalamus, the great sensory receptor and, specifically in the lateral geniculate nucleus.

So we are talking about a Wallerian degeneration that can begin in various places along the visual pathway, both in the eye, locally; and/or some location of the CNS, including in the occipital region, in the region

of the calcarine fissure region, given that the degeneration of neurons can be even of trans-neuronal type, which would explain the failure of anti-glaucomatous treatments in a significant number of cases.

Lesions of the visual pathway, located intracranially, are not isolated but are usually part of a pathology that covers areas or regions, so the main symptoms are neurological. And neurological problems that cause an increase in the volume of the ventricles, and therefore retraction of the nervous tissue, have a greater possibility of developing glaucomatous changes in the optic nerve, but not because of the push of intraocular pressure, but because the nerve fibers of the optic tract are being pulled from inside the skull.

In some diseases, the relationship between the enlargement of the ventricles volume and the association con normal tension glaucoma (NTG) has been described. For instance, in Alzheimer's Disease [10].

Primary open-angle glaucoma (POAG) is an optic neuropathy characterized by progressive degeneration of the optic nerve that leads to irreversible visual impairment. Multiple epidemiological studies suggest an association between POAG and major neurodegenerative disorders (Alzheimer's disease, amyotrophic lateral sclerosis, frontotemporal dementia, and Parkinson's disease) [11]. The results of this study shed light on the neurodegenerative process of POAG linked to brain morphology by identifying several regions of the brain that causally affect the risk of POAG. This study also identified shared biological mechanisms. These findings indicate that brain morphology in several regions causally influences the neurodegenerative process of POAG, and highlighting regions of the brain that could potentially serve as neuroimaging biomarkers of glaucoma.

The nature of the overlap between neurodegenerative disorders and glaucoma remains controversial, however, as a neurodegenerative condition, POAG has been linked through MRI to the decrease of white matter and the visual cortex density [12], as well as the reduction of cortical thickness in the frontal pole and amygdala in observational studies [13].

Thereby, there is a distinctive and causal neurodegenerative process in glaucoma that involves morphological brain changes that lead to the decrease of retinal ganglion cells and retinal nerve fibers.

A possible shared biological mechanism between neurodegenerative diseases that is likely linked to the vascular and inflammatory processes of glaucoma

⁷ Yucel YH, Zhang Q, Weinreb RN, Kaufman PL, Gupta N. Effects of retinal ganglion cell loss on magno-, parvo-, koniocellular pathways in the lateral geniculate nucleus and visual cortex in glaucoma. *Prog Retin Eye Res.* 2003;22(4):465–481.

⁸ Gupta N, Ang L, de Tilly LN, Bidaisee L, Yücel YH. Human glaucoma and neural degeneration in intracranial optic nerve, lateral geniculate nucleus, and visual cortex. *Br J Ophthalmol.* 2006;90(6):674–678.

⁹ Chaturvedi N, Hedley-Whyte ET, Dreyer EB. Lateral geniculate nucleus in glaucoma. *Am J Ophthalmol.* 1993;116(2):182–188.

¹⁰ Ekström C, Puhto I, Kilander L. Association between open-angle glaucoma and Alzheimer's disease in Sweden: a long-term population-based follow-up study. *Ups J Med Sci.* 2021 Jun 21;126. doi: 10.48101/ujms.v126.7819. PMID: 34349887; PMCID: PMC8276346.

¹¹ Diaz-Torres S, He W, Thorp J, Seddighi S, Mullany S; IGGC International Glaucoma Genetics Consortium; Hammond CJ, Hysi PG, Pasquale LR, Khawaja AP, Hewitt AW, Craig JE, Mackey DA, Wiggs JL, van Duijn C, Lupton MK, Ong JS, MacGregor S, Gharahkhani P. Disentangling the genetic overlap and causal relationships between primary open-angle glaucoma, brain morphology and four major neurodegenerative disorders. *EBioMedicine.* 2023 Jun;92:104615. doi: 10.1016/j.ebiom.2023.104615. Epub 2023 May 16. PMID: 37201334; PMCID: PMC10206164.

¹² Fiedorowicz M, Dyda W, Rejdak R, Grieb P. Magnetic resonance in studies of glaucoma. *Med Sci Monit.* 2011;17(10):RA227–RA232. Available from: <https://doi.org/10.12659/msm.881973>.

¹³ Wang J, Li T, Sabel BA, et al. Structural brain alterations in primary open angle glaucoma: a 3T MRI study. *Sci Rep.* 2016;6:18969. Available from: <https://doi.org/10.1038/srep18969>.

could be related to our finding about that source of oxygen of human body is not the atmosphere, instead is the intracellular water, like in plants [14].

Retraction of nervous tissue is a common finding in neurodegenerative diseases [15]. It is explained by the progressive loss of neurons, neuron structure, and/or their functions, known as neurodegeneration, and it is central to the pathophysiology of several brain disorders [16]. Neurodegeneration is associated with dysfunction of the synapse, neural network, and the deposition of physiochemically altered variants of proteins in the brain [17]. The most common neurodegenerative diseases (NDs) include Alzheimer's disease, Parkinson's disease, prion disease, Amyotrophic lateral sclerosis, motor neuron disease, Huntington's disease, spinal muscular atrophy, and spinocerebellar ataxia [18].

And NDs characteristically present with an increase in the volume of the ventricles and the subarachnoid space, which until now is explained by the retraction of the nervous tissue that usually reaches the optic nerve, pulling it backwards, which produces an ophthalmoscopic picture very similar to primary glaucoma of open angle, probably due to elevated intraocular pressure.

The increase in the volume of the ventricles has been explained until now as a rather passive phenomenon, in which the retracted neural tissue leaves more space, which is filled naturally and passively with cerebrospinal fluid. (Figures 6, 7)

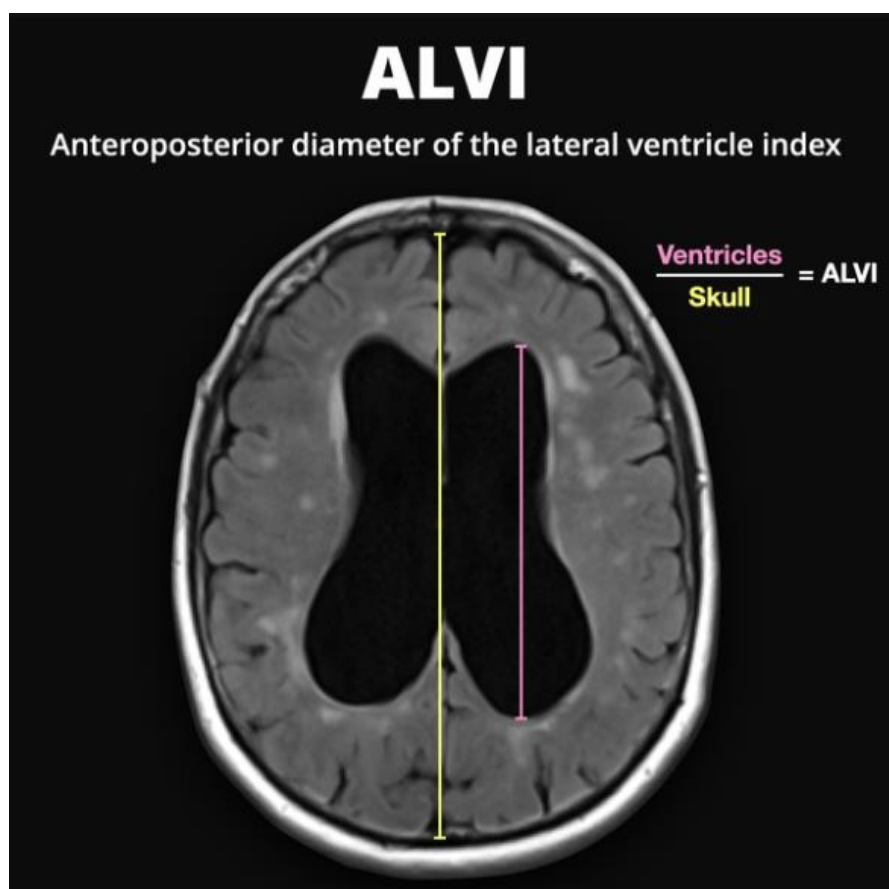

Figure 6. Ventricular dilation is a frequent finding in NDS, which is not given much attention because it is thought to be secondary to atrophy and/or degeneration of the nervous tissue, and on the other hand, the evaluation of the volume of the ventricles is not it's simple.

¹⁴ : Arturo Solís Herrera, María del Carmen Arias Esparza (2022) Oxygen from the Atmosphere Cannot Pass Through the Lung Tissues and Reach the Bloodstream. The Unexpected Capacity of Human Body to Dissociate the Water Molecule. Journal of Pulmonology Research & Reports. SRC/JPRR-133. DOI: doi.org/10.47363/JPRR/2022(4)124

¹⁵ Lamprey, R.N.L.; Chaulagain, B.; Trivedi, R.; Gothwal, A.; Layek, B.; Singh, J. A Review of the Common Neurodegenerative Disorders: Current Therapeutic Approaches and the Potential Role of Nanotherapeutics. Int. J. Mol. Sci. 2022, 23, 1851. https://doi.org/10.3390/ijms23031851

¹⁶ Przedborski, S.; Vila, M.; Jackson-Lewis, V. Series Introduction: Neurodegeneration: What is it and where are we? J. Clin. Investig. 2003, 111, 3–10.

¹⁷ Hoover, B.R.; Reed, M.N.; Su, J.; Penrod, R.D.; Kotilinek, L.A.; Grant, M.K.; Pitstick, R.; Carlson, G.A.; Lanier, L.M.; Yuan, L.-L. Tau mislocalization to dendritic spines mediates synaptic dysfunction independently of neurodegeneration. Neuron 2010, 68, 1067–1081.

¹⁸ Hague, S.; Klaffke, S.; Bandmann, O. Neurodegenerative disorders: Parkinson's disease and Huntington's disease. J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry 2005, 76, 1058–1063.

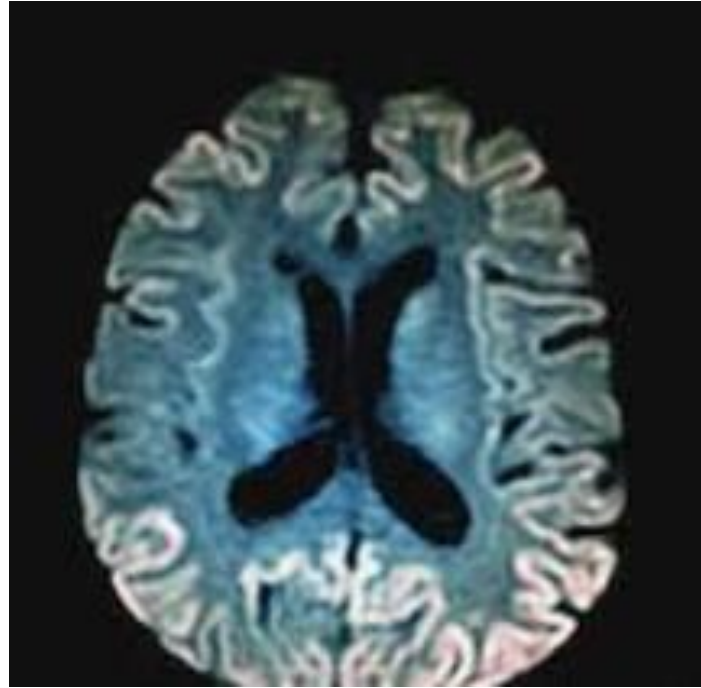

Figure 7. In this case of Kuru, the dilation of the ventricles and the subarachnoid space is evident, but in light of our discovery about the various molecules present in the CNS, and throughout the organism, capable of dissociating water, like plants ; then it is possible that the water in the cerebrospinal fluid accumulates because it is not dissociating properly, which could constitute the initial problem, since the dissociation of water is compromised, and it is the fundamental chemical reaction of life, then degeneration or atrophy occurs of the nervous tissue and it is consequent to the poor dissociation of water. Let us remember that in any system, when energy decreases, mass tends to disappear.

So, if we maintain the dissociation of water, which constitutes the initial reaction of life, the tissues tend to recover in a surprising way, as illustrated by the following photographs, of a case of traumatic hyphema, in a 25-year-old male patient. which was disposed of in the hospitals of the government health system.

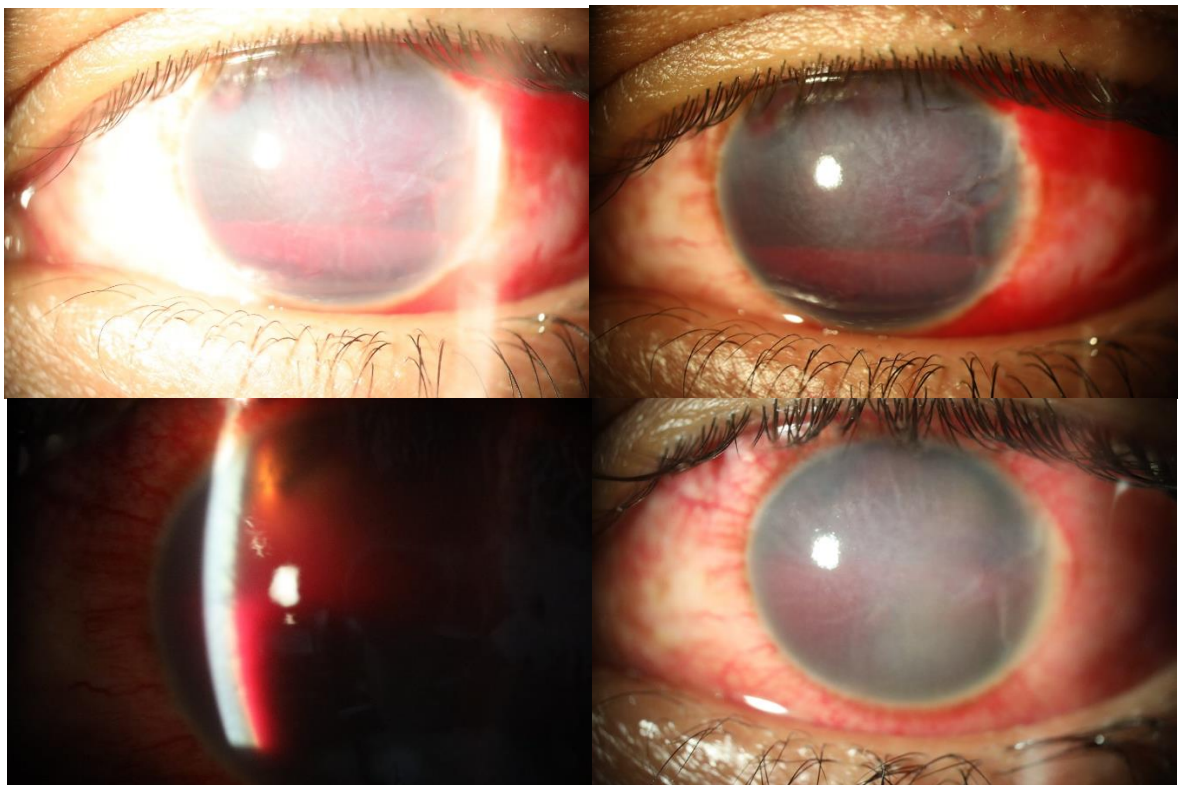

Figure 8. Male patient in his third decade of life, who was struck by a burr thrown at high speed by a lawnmower. The upper left photograph, taken with diffuse light, allows us to appreciate the characteristic folds of severe corneal edema. The rest of the photographs show a significant amount of blood in the anterior chamber. These photographs were taken three days after the trauma.

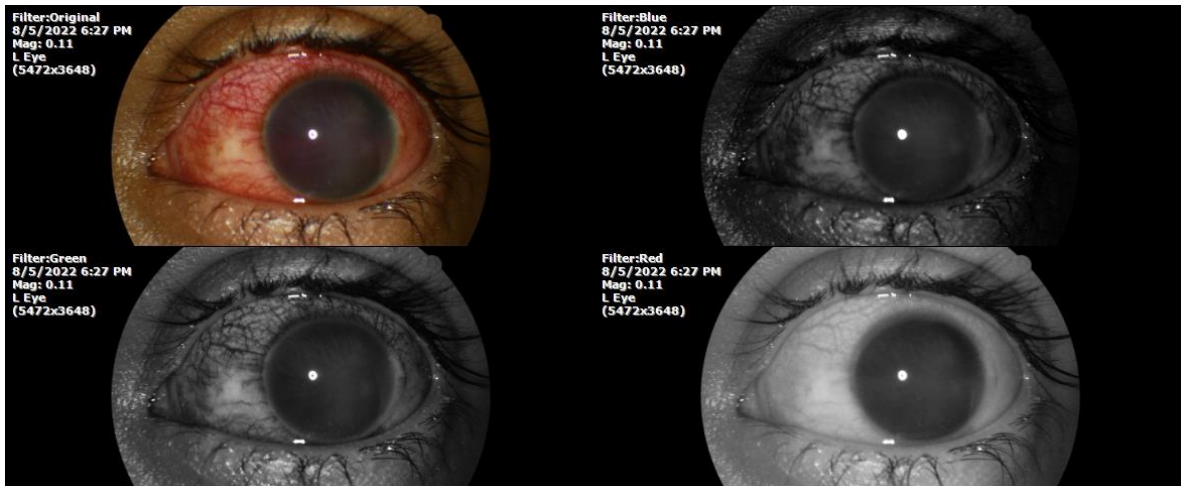

Figure 9. Photographs taken with different wavelengths, showing an intense ciliary reaction.

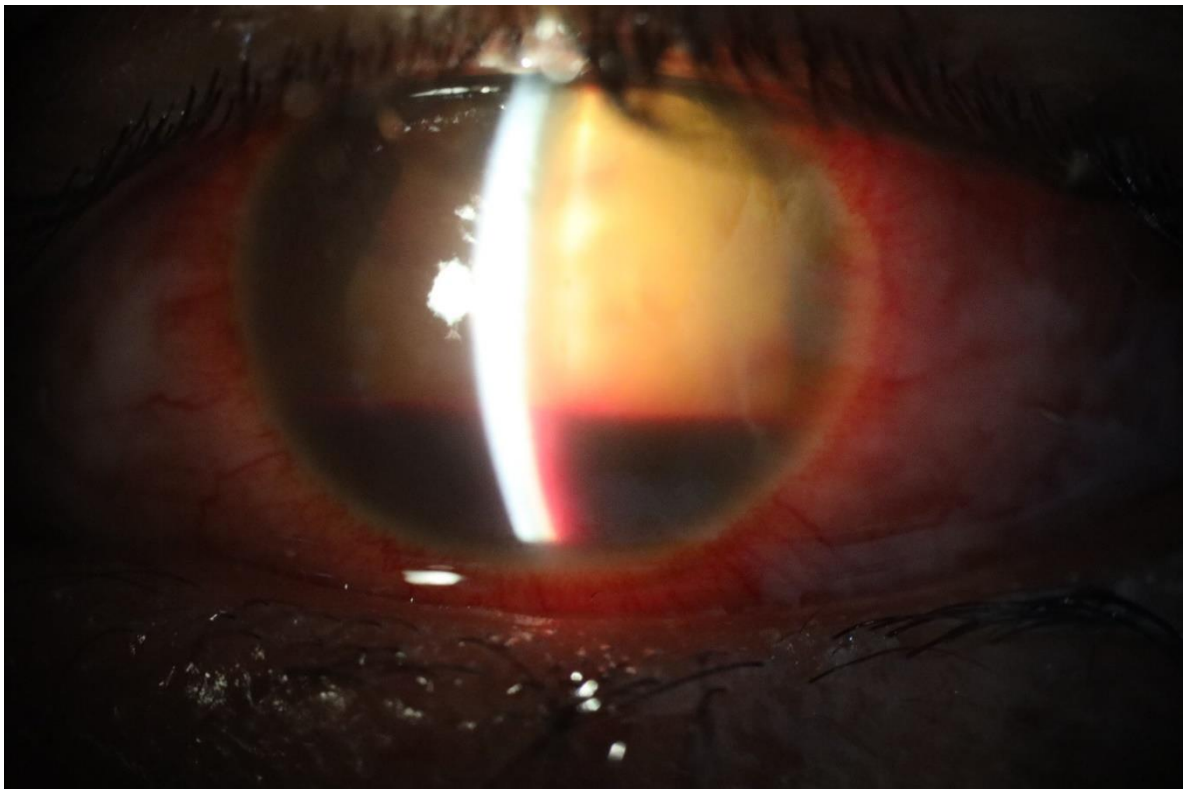

Figure 10. The treatment was based on maintaining the dissociation of water pharmacologically, through the administration of QIAPI 1™, at a dose of three drops every hour. As the days went by, the blood began to dissolve and be reabsorbed, being able to prevent hematic impregnation of the cornea. The iris is seen covered with a layer of fibrin.

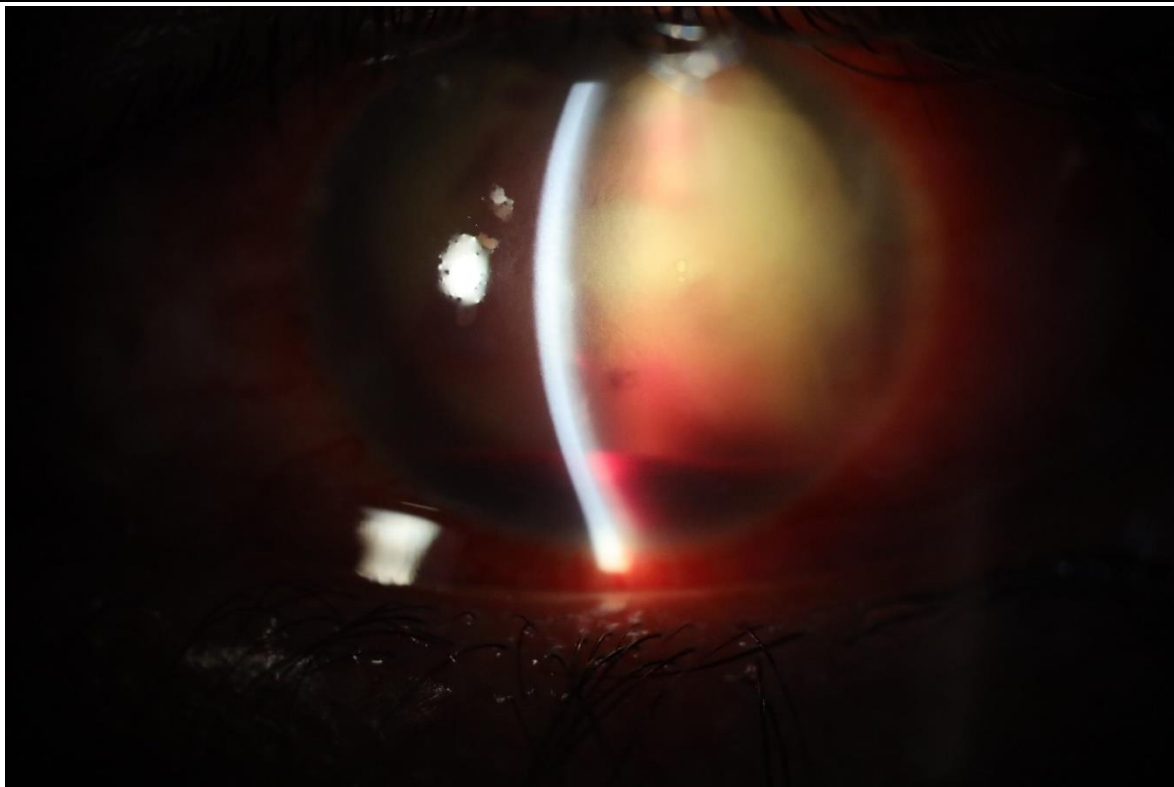

Figure 11. The photograph, taken 11 days after the initial examination, shows an already small blood level, and the corneal edema in clear improvement.

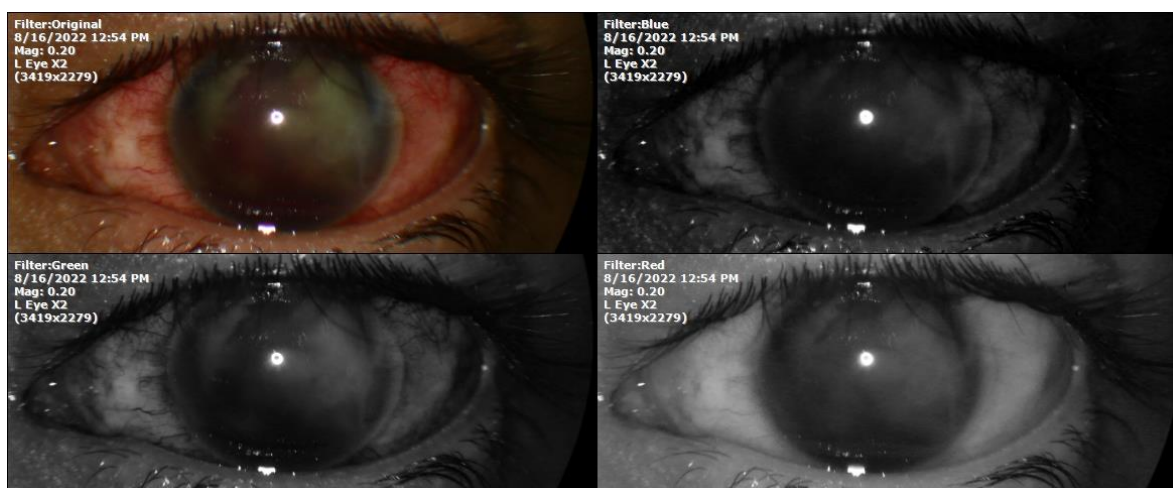

Figure 12. These photographs, taken with different wavelengths, show faint blood remains on the whitish layer that covers the surface of the iris.

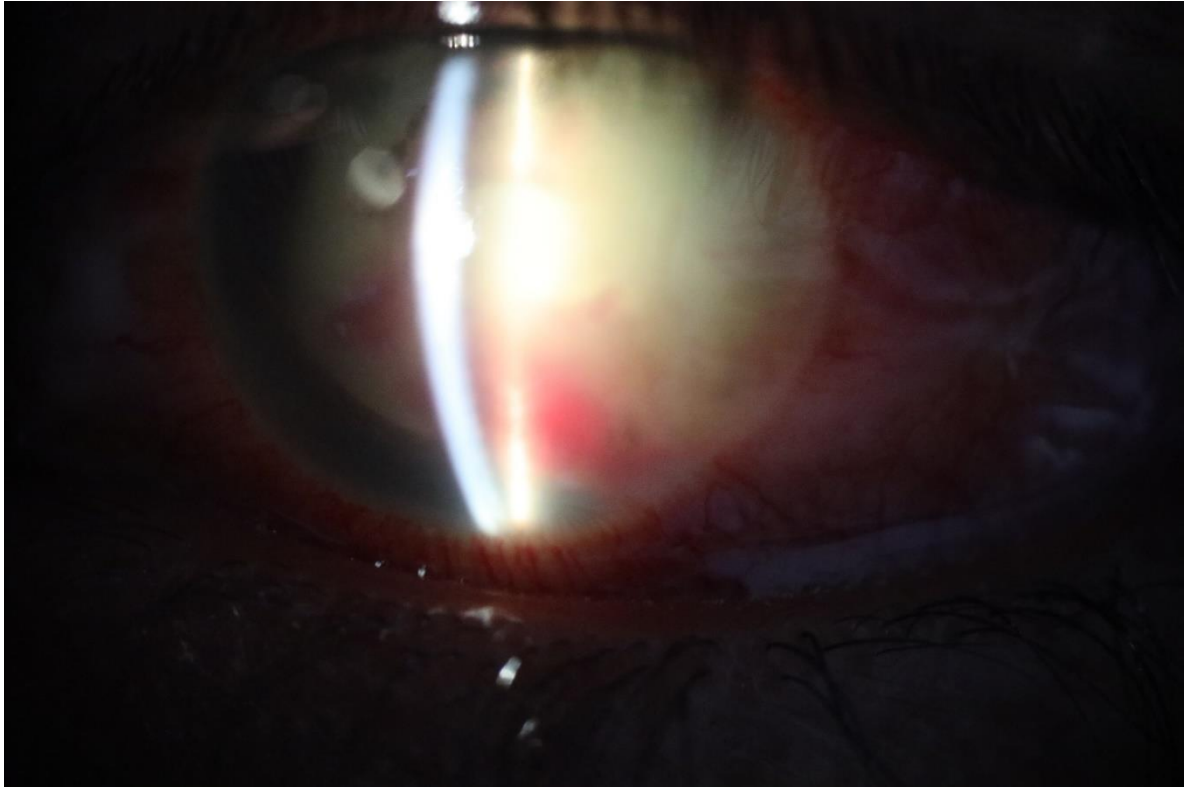

Figure 13. This photograph taken 22 days after the initial examination, already shows that the blood has mostly disappeared, leaving faint blood remains covering the fibrin layer. The cornea appears clear, with minimal edema.

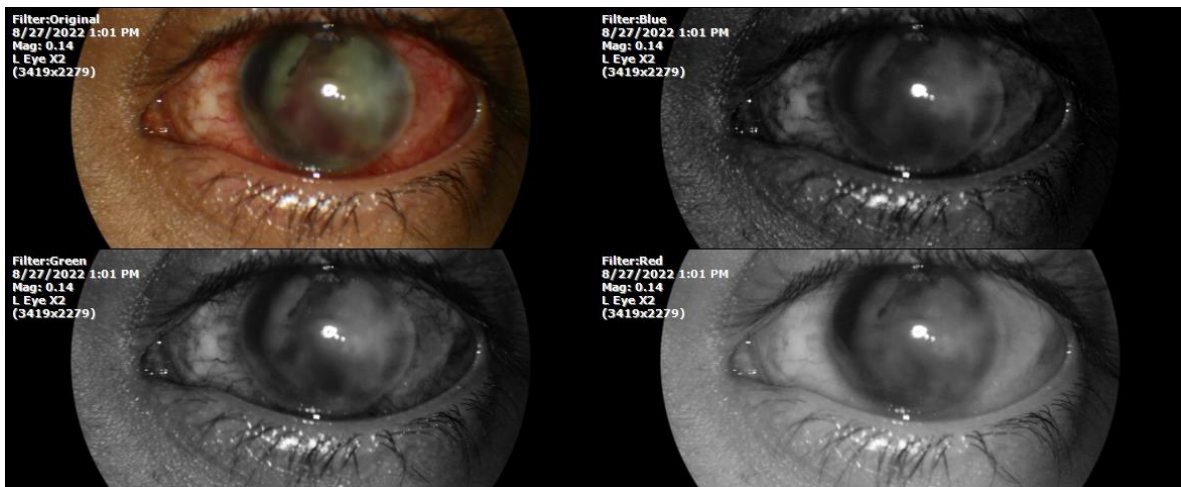

Figure 14.

Photographs taken with different wavelengths show a transparent cornea with increasingly less blood remains.

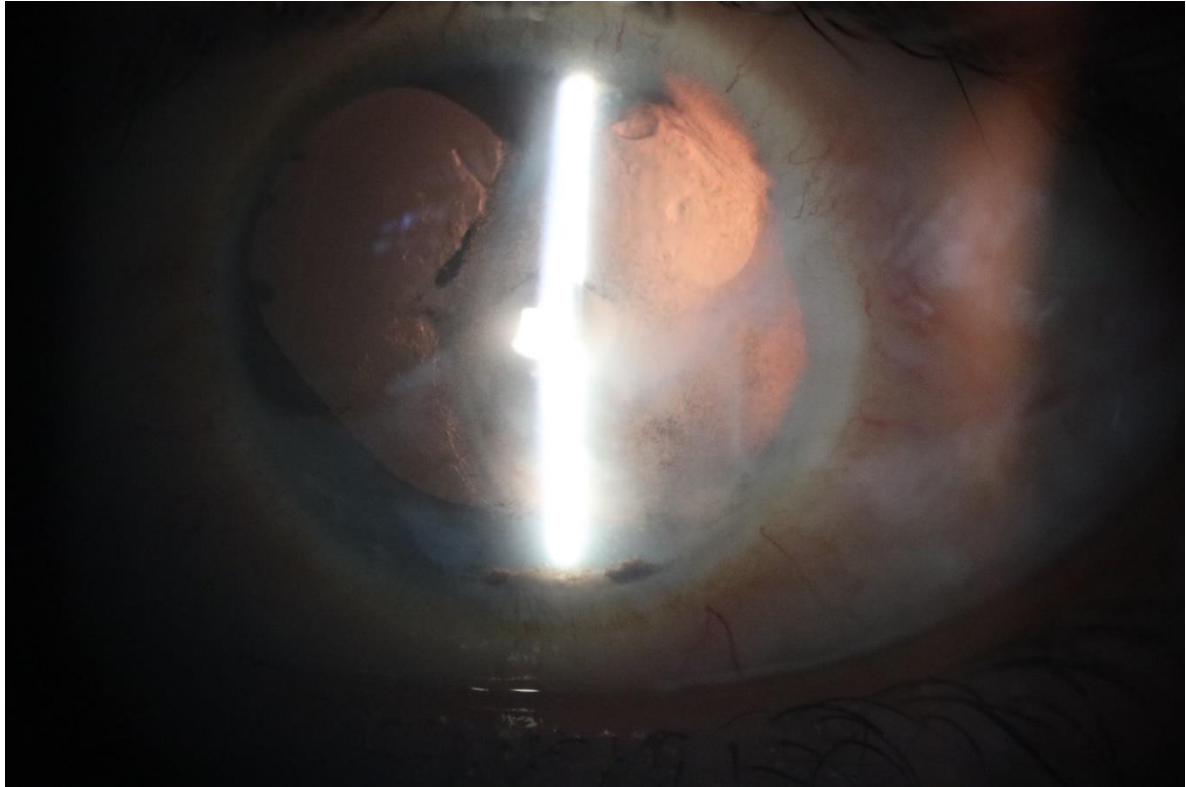

Figure 15. 4 months later, areas can be seen where the iris has disappeared, the whitish membrane that covered the surface of the iris has decreased considerably and allows the specular reflection of the back of the eye to be captured.

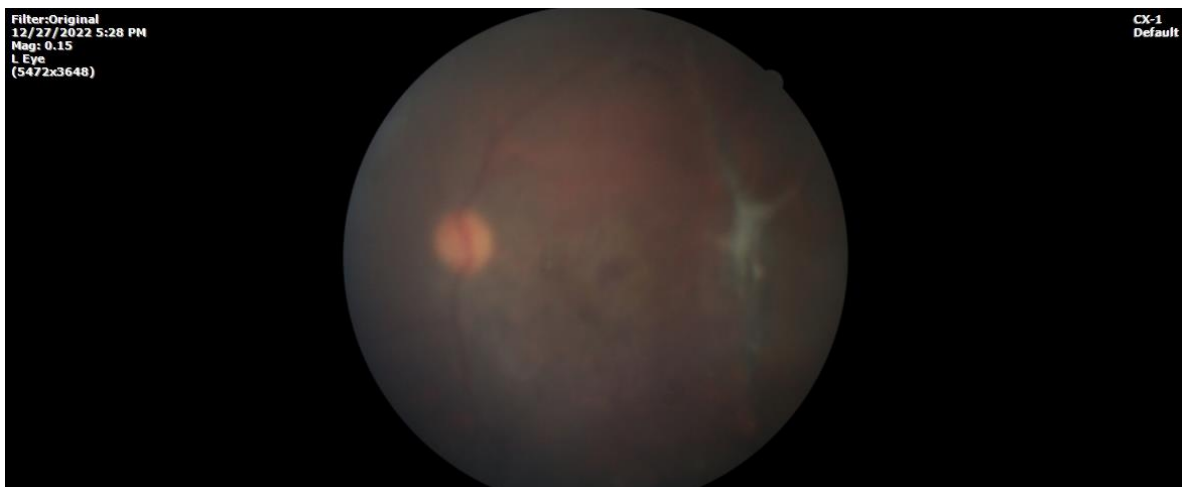

Figure 16. The fundus image, 4 months after the initial examination, is surprisingly preserved, despite the severe trauma that induced the hyphema. And curiously, despite having had high intraocular pressure, sometimes more than 40 mm Hg, the papilla is not excavated.

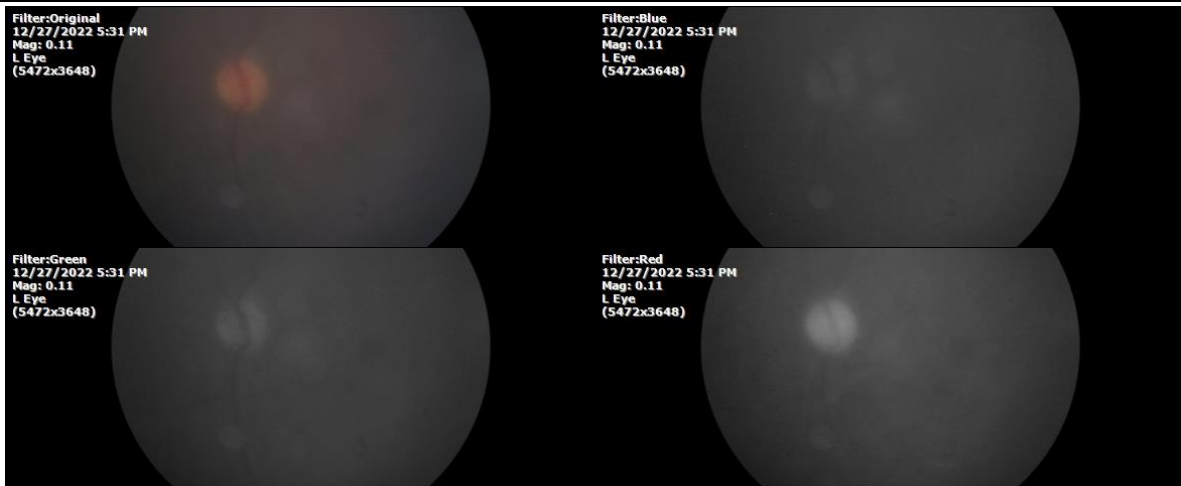

Figure 17. The fundus images, taken with different wavelengths, show a surprising anatomical integrity, given the background, and the optic disc is not excavated, which calls into question that the increase in intraocular pressure pushes the head back. of the optic nerve.

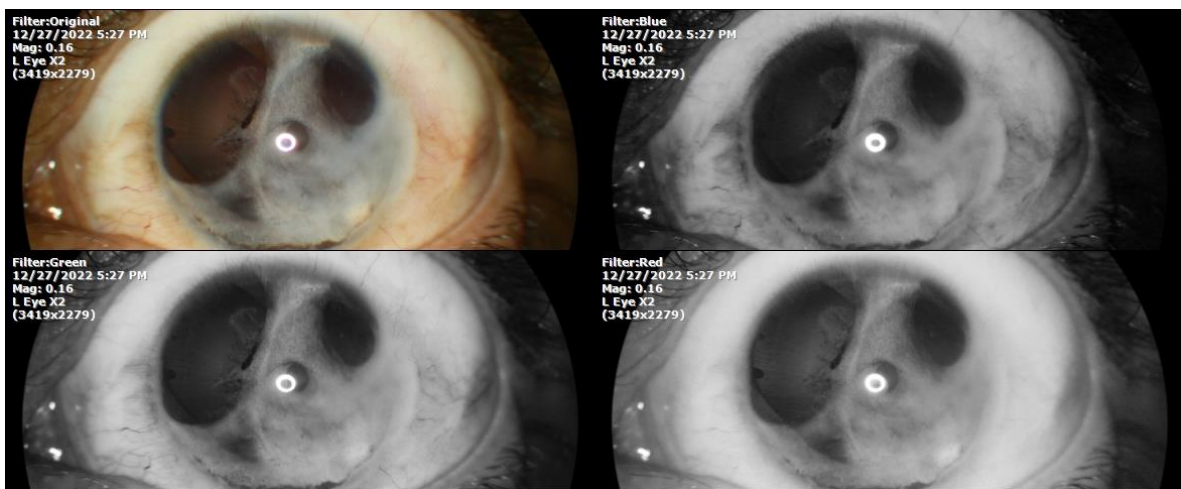

Figure 18. The anatomical integrity of the anterior segment is remarkable and allows us to predict a good prognosis in terms of vision. The patient was managed all this time with QIAPI 1™, every hour. To date, no surgery has been performed.

Conclusions

At least in two clinical studies investigating the prevalence of primary open-angle glaucoma (POAG) in patients with AD, the results show an increased occurrence of POAG in patients with AD [19]. 50 % of the patients in the first study had normal tension glaucoma (NTG), and almost all in the second study [20].

Since 1980, it was proposed that Age-related macular degeneration is the equivalent of the Alzheimer's Disease of the eye [21], and in 2003 some experimental results support the view of glaucoma as an ocular AD [22]. Thereby, the cellular mechanism underlying neuronal degeneration in glaucoma has parallels with Alzheimer's disease [23].

However, the results in clinical trials have been conflicting since the treatments used in AD do not work in POAG or LPG nor in ARMD [24] and vice versa. But the parallels observed support the idea that with treatment alone we can improve the three diseases mentioned [25]. And if clinical trials have failed to date, it is probably because the etiopathogenesis of these diseases has not been adequately understood.

In the case of hyphema that we present, the administration of a medication (QIAPI 1™), which maintains the dissociation of water inside the cell at adequate levels, allowing the levels of oxygen, hydrogen, and high-energy electrons to be conserved at optimal levels, it allows a surprising recovery of the tissues, as well as protecting the optic nerve from excavation due to high intraocular pressure.

The results of our research point to the fact that we must rethink the biology of both the central nervous system [26] and the human eye [27].

Acknowledgements: This work was supported by an unrestricted grant from Human Photosynthesis™ Research Center, Aguascalientes 20000, México.

Public disclaimer: The finding of the unsuspected capacity of several molecules presents in eukaryotic cell, capable of dissociating the water molecule, as the development of QIAPI 1™, was done at our facilities in Aguascalientes, México.

All authors contributed to the writing of the article.

References

1. Dietze J, Blair K, Havens SJ. Glaucoma. 2022 Jun 27. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2023 Jan-. PMID: 30855805.
2. Gauthier AC, Liu J. Neurodegeneration and Neuroprotection in Glaucoma. *Yale J Biol Med*. 2016

Mar 24;89(1):73-9. PMID: 27505018; PMCID: PMC4797839.

3. Yucel YH, Zhang Q, Weinreb RN, Kaufman PL, Gupta N. Effects of retinal ganglion cell loss on magno-, parvo-, koniocellular pathways in the lateral geniculate nucleus and visual cortex in glaucoma. *Prog Retin Eye Res*. 2003;22(4):465–481.

4. Gupta N, Ang L, de Tilly LN, Bidaisee L, Yücel YH. Human glaucoma and neural degeneration in intracranial optic nerve, lateral geniculate nucleus, and visual cortex. *Br J Ophthalmol*. 2006;90(6):674–678.

5. Chaturvedi N, Hedley-Whyte ET, Dreyer EB. Lateral geniculate nucleus in glaucoma. *Am J Ophthalmol*. 1993;116(2):182–188.

6. Ekström C, Puhto I, Kilander L. Association between open-angle glaucoma and Alzheimer's disease in Sweden: a long-term population-based follow-up study. *Ups J Med Sci*. 2021 Jun 21;126. doi: 10.48101/ujms.v126.7819. PMID: 34349887; PMCID: PMC8276346.

7. Diaz-Torres S, He W, Thorp J, Seddighi S, Mullany S; IGGC International Glaucoma Genetics Consortium; Hammond CJ, Hysi PG, Pasquale LR, Khawaja AP, Hewitt AW, Craig JE, Mackey DA, Wiggs JL, van Duijn C, Lupton MK, Ong JS, MacGregor S, Gharahkhani P. Disentangling the genetic overlap and causal relationships between primary open-angle glaucoma, brain morphology and four major neurodegenerative disorders. *EBioMedicine*. 2023 Jun;92:104615. doi: 10.1016/j.ebiom.2023.104615. Epub 2023 May 16. PMID: 37201334; PMCID: PMC10206164.

8. Fiedorowicz M, Dyda W, Rejdak R, Grieb P. Magnetic resonance in studies of glaucoma. *Med Sci Monit*. 2011;17(10):RA227–RA232. Available from: <https://doi.org/10.12659/msm.881973>.

9. Wang J, Li T, Sabel BA, et al. Structural brain alterations in primary open angle glaucoma: a 3T MRI study. *Sci Rep*. 2016;6:18969. Available from: <https://doi.org/10.1038/srep18969>.

10. : Arturo Solís Herrera, María del Carmen Arias Esparza (2022) Oxygen from the Atmosphere Cannot Pass Through the Lung Tissues and Reach the Bloodstream. The Unexpected Capacity of Human Body to Dissociate the Water Molecule. *Journal of Pulmonology Research & Reports*. SRC/JPRR-133. DOI: [doi.org/10.47363/JPRR/2022\(4\)124](https://doi.org/10.47363/JPRR/2022(4)124)

11. Lamprey, R.N.L.; Chaulagain, B.; Trivedi, R.; Gothwal, A.; Layek, B.; Singh, J. A Review of the

¹⁹ Bayer AU, Keller ON, Ferrari F & Maag KP (2002): Association of glaucoma with neurodegenerative diseases with apoptotic cell death: Alzheimer's disease and Parkinson's disease. *Am J Ophthalmol* **133**: 135–137.

²⁰ Tamura H, Kawakami H, Kanamoto T et al. (2006): High frequency of open-angle glaucoma in Japanese patients with Alzheimer's disease. *J Neurol Sci* **246**: 79–83.

²¹ Kaarniranta K, Salminen A, Haapasalo A, Soininen H, Hiltunen M. Age-related macular degeneration (AMD): Alzheimer's disease in the eye? *J Alzheimers Dis*. 2011;24(4):615–31. doi: 10.3233/JAD-2011-101908. PMID: 21297256.

²² McKinnon SJ (2003): Glaucoma: ocular Alzheimer's disease? *Front Biosci* **8**: s1140–s1156.

²³ Vickers JC (1997): The cellular mechanism underlying neuronal degeneration in glaucoma: parallels with Alzheimer's disease. *Aust N Z J Ophthalmol* **25**: 105–109.

²⁴ Krupin T (2007): A clinical trial studying neuroprotection in low-pressure glaucoma. *Eye* **21**: S51–S54.

²⁵ Osborne NN (2009): Recent clinical findings with memantine should not mean that the idea of neuroprotection in glaucoma is abandoned. *Acta Ophthalmol* **87**: 450–454.

²⁶ Arturo Solís Herrera, et al. "The Relationship between Low Tension Glaucoma, CSF, the Size of the Ventricles, and Neurodegenerative Diseases". *EC Neurology* **12.8** (2020): 183-222

²⁷ Herrera AS, Del C A Esparza M, Md Ashraf G, Zamyatnin AA, Aliev G. Beyond mitochondria, what would be the energy source of the cell? *Cent Nerv Syst Agents Med Chem*. 2015;15(1):32-41. doi: 10.2174/1871524915666150203093656. PMID: 25645910.

Common Neurodegenerative Disorders: Current Therapeutic Approaches and the Potential Role of Nanotherapeutics. *Int. J. Mol. Sci.* 2022, 23, 1851. <https://doi.org/10.3390/ijms23031851>

12. Przedborski, S.; Vila, M.; Jackson-Lewis, V. Series Introduction: Neurodegeneration: What is it and where are we? *J. Clin. Invest.* 2003, 111, 3–10.

13. Hoover, B.R.; Reed, M.N.; Su, J.; Penrod, R.D.; Kotilinek, L.A.; Grant, M.K.; Pitstick, R.; Carlson, G.A.; Lanier, L.M.; Yuan, L.-L. Tau mislocalization to dendritic spines mediates synaptic dysfunction independently of neurodegeneration. *Neuron* 2010, 68, 1067–1081.

14. Hague, S.; Klaffke, S.; Bandmann, O. Neurodegenerative disorders: Parkinson's disease and Huntington's disease. *J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry* 2005, 76, 1058–1063.

15. Bayer AU, Keller ON, Ferrari F & Maag KP (2002): Association of glaucoma with neurodegenerative diseases with apoptotic cell death: Alzheimer's disease and Parkinson's disease. *Am J Ophthalmol* 133: 135–137.

16. Tamura H, Kawakami H, Kanamoto T et al. (2006): High frequency of open-angle glaucoma in Japanese patients with Alzheimer's disease. *J Neurol Sci* 246: 79–83.

17. Kaarniranta K, Salminen A, Haapasalo A, Soininen H, Hiltunen M. Age-related macular degeneration (AMD): Alzheimer's disease in the eye? *J Alzheimers Dis.* 2011;24(4):615-31. doi: 10.3233/JAD-2011-101908. PMID: 21297256.

18. McKinnon SJ (2003): Glaucoma: ocular Alzheimer's disease? *Front Biosci* 8: s1140–s1156.

19. Vickers JC (1997): The cellular mechanism underlying neuronal degeneration in glaucoma: parallels with Alzheimer's disease. *Aust N Z J Ophthalmol* 25: 105–109.

20. Krupin T (2007): A clinical trial studying neuroprotection in low-pressure glaucoma. *Eye* 21: S51–S54.

21. Osborne NN (2009): Recent clinical findings with memantine should not mean that the idea of neuroprotection in glaucoma is abandoned. *Acta Ophthalmol* 87: 450–454.

22. Arturo Solís Herrera., et al. “The Relationship between Low Tension Glaucoma, CSF, the Size of the Ventricles, and Neurodegenerative Diseases”. *EC Neurology* 12.8 (2020): 183-222

23. Herrera AS, Del C A Esparza M, Md Ashraf G, Zamyatnin AA, Aliev G. Beyond mitochondria, what would be the energy source of the cell? *Cent Nerv Syst Agents Med Chem.* 2015;15(1):32-41. doi: 10.2174/1871524915666150203093656. PMID: 25645910.

AUTOTRANSPLANTATION OF TEETH IN ADULT PATIENTS AS PART OF COMPREHENSIVE DENTAL REHABILITATION**Uzunyan Narine Adolfovna***D.M.Sc. Professor of the Department of Orthopedic Dentistry,
RUDN University,
Moscow*[DOI: 10.5281/zenodo.10034775](https://doi.org/10.5281/zenodo.10034775)**АУТОТРАНСПЛАНТАЦИЯ ЗУБОВ У ВЗРОСЛЫХ ПАЦИЕНТОВ В РАМКАХ КОМПЛЕКСНОЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ****Узунян Наринэ Адольфовна***д.м.н., профессор кафедры ортопедической стоматологии
Медицинского Института Российского Университета Дружбы Народов,
Москва***Abstract**

A modern view of complex dental rehabilitation with the use of dental-preserving surgery - autotransplantation.

Аннотация

Современный взгляд на комплексную стоматологическую реабилитацию с применением зубосохраняющей операции – аутотрансплантации.

Keywords: Autotransplantation of teeth, dental surgery, treatment planning.

Ключевые слова: Аутотрансплантация зубов, зубосохраняющая операция, планирование лечения.

В современной практике врачей - стоматологов вопросы комплексной реабилитации пациентов становятся все более актуальными. Связанно это с развитием, и распространением технических аппаратов и программных продуктов, которые облегчают практику врачей-стоматологов. В связи с тем, что накоплен богатый опыт работы с имплантологическими методами реабилитации, появился более адекватный и рациональный взгляд, как на собственно операцию имплантации и костной пластики, так и на возможные осложнения после данных манипуляций. В связи с чем увеличивается актуальность зубосохраняющих операций.

Таким образом, в настоящее время, в арсенале врача-стоматолога, появился обширный выбор методов восстановления утраченных зубов. На данный момент времени, в литературе, недостаточно представлены тактики применения аутотрансплантологического лечения в рамках комплексной стоматологической реабилитации взрослых пациентов.

В клинику обратилась пациентка М. с жалобами на разрушение коронковой части нижних жевательных зубов, наличие трем между зубами, периодически возникающие щелчки в области правого ВНЧС (Рис. 1 – Рис. 6).

Рис. 1

*Puc. 2**Puc. 3**Puc. 4*

*Рис. 5**Рис. 6*

Диагноз: Частичное вторичное отсутствие зубов на верхней и нижней челюстях, 3 класс 1 подкласс с горизонтальным феноменом Попова зубов 1.7 и 2.7.

Лечение: Проведена ревизия зубов 3.6 и 4.6, с целью выяснения возможности сохранения этих зубов. Коронковая часть зуба 4.6 разрушена более чем на 90%, кариес цемента корня, в связи с чем, принято решение зуб 4.6 удалить (Рис. 7). Зуб 3.6 решено сохранить.

Рис. 7

На снимке мы видим разрушение зуба 4.6. Отсутствие зуба 4.7. Зуб 4.8 смещён мезиально, имеет пародонтальный карман (Рис. 8).

Рис. 8

Перед клиницистом встает выбор тактики лечения относительно зубов 4.6 и 4.8.

Рассмотрим возможные планы лечения:

1 - Удаление зуба 4.6 с последующей имплантацией, зуб 4.8 сохраняется. Это самый неблагоприятный и компромиссный метод. Наличие пародонтального и костного кармана, а также мезиальный наклон зуба 4.8, не позволит выстроить правильную окклюзионную схему и апроксимальные контакты между зубом 4.8 и будущей коронкой на имплантате в области зуба 4.6.

В результате, это может приводить к застреванию пищи, скоплению налёта и повлиять на продолжительность службы имплантата.

Решать проблему ортодонтическим методом, за счет перемещения зуба 4.8, а затем его корпусным перемещением мезиально - абсолютно не прогнозируемо, учитывая высокую плотность кости на нижней челюсти в этом сегменте.

2 - Удаление зуба 4.6, 4.8 с последующей имплантацией в области 4.7, 4.6 зубов. Самый простой и надежный вариант, но, в таком случае, пациент лишается сразу двух зубов, что не желательно с точки зрения биологических факторов.

3 - Аутотрансплантация зуба 4.8 на место удаленного зуба 4.6. Установка имплантата в позицию зуба 4.7. Мы посчитали, что данный метод является самым биологическим и зубосохраняющим в данном клиническом случае. Благодаря ему, мы сохраняем собственный здоровый зуб 4.8, без костных и пародонтальных карманов.

С учетом того, что, план №1 является менее прогнозируемым, а план №2 не соответствует современному малоинвазивному подходу и не устраивает пациентку и врача, был принят и согласован план лечения №3.

После реализации лечения относительно зубов 4.6 и 4.8, пациентке будет проведена имплантация в области зубов 4.7, 1.6, 2.6, ортодонтическое лечение с последующей окклюзионной доорганизацией ортопедическими конструкциями.

Предварительно проведена сегментация КТ челюсти и зубов с помощью искусственного интеллекта Diagnocat и создана stl модель зуба 4.8 для фрезеровки (так же возможна печать) (Рис. 9 – Рис. 10).

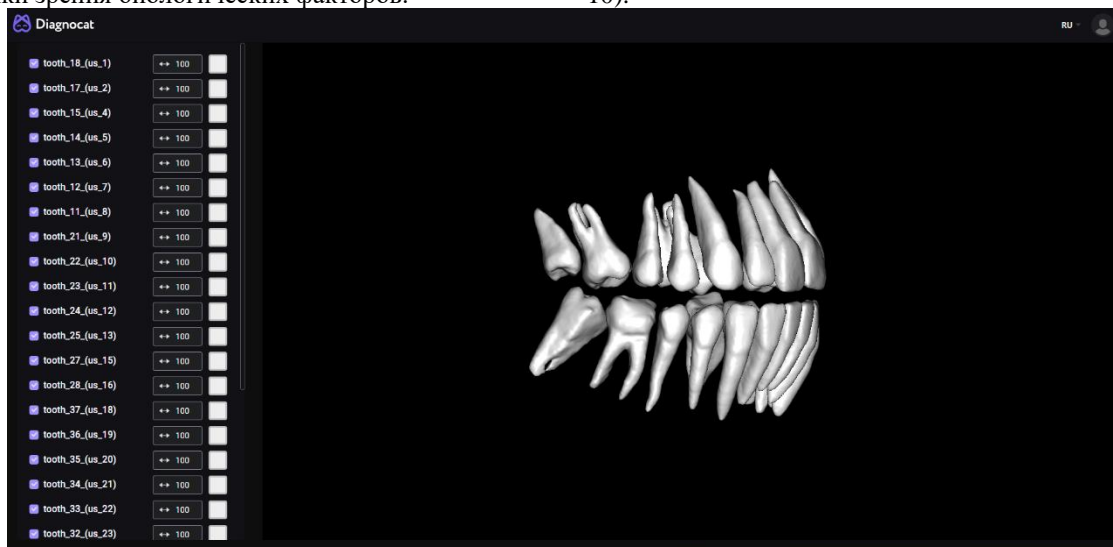
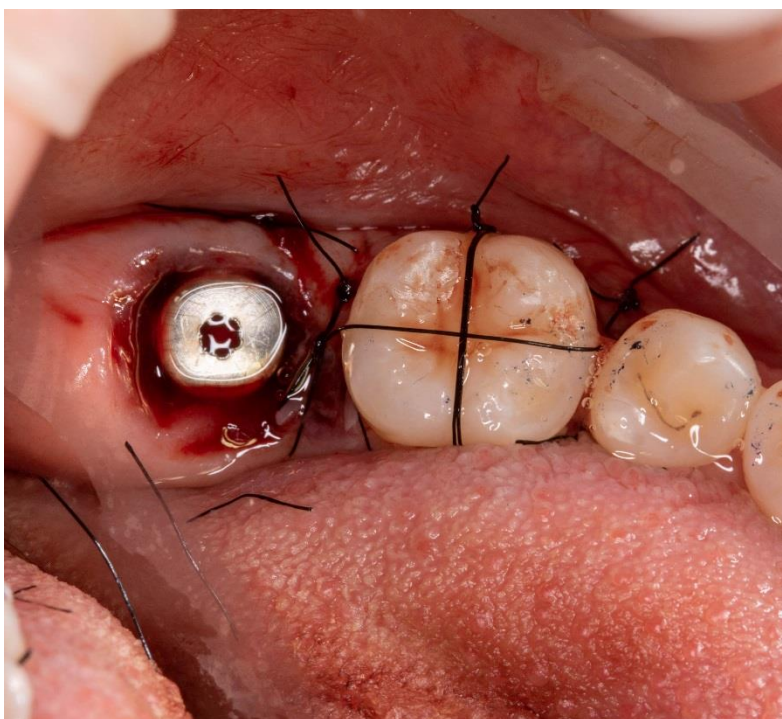

Рис. 9

Рис. 10

Проведено: удаление зуба 4.6, кюретаж лунки, адаптация фрезерованного прототипа зуба 4.8 к лунке зуба 4.6, экстракция зуба 4.8, позиционирование его в лунку 4.6, фиксация швами. Так же проведена имплантация в области зуба 4.7 с пересадкой свободного деэпителизированного трансплантата с бугра верхней челюсти (Рис. 11 – Рис. 17). Хирургический этап выполнил врач стоматолог-хирург Ильясов Т.И.

*Рис. 11**Рис. 12*

*Puc. 13**Puc. 14**Puc. 15*

*Рис. 16**Рис. 17*

Через 2 недели для избегания асептического воспалительного процесса, проведено эндодонтическое лечение зуба 4.8, с последующей реставрацией (Рис. 18 – Рис. 20).

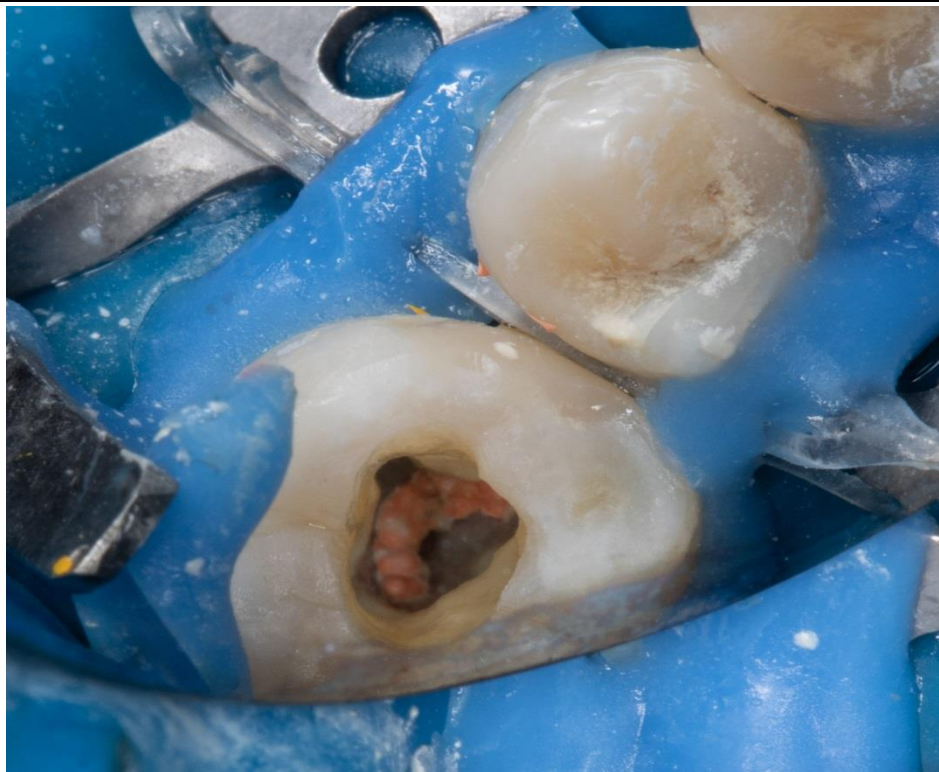

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Контрольный осмотр через 3 месяца (Рис. 21 – Рис. 24).

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Список литературы

1. Tsukiboshi 2001, Autotransplantation of teeth January 2010.
2. Бадалян В.А. Факторы успеха при аутотрансплантации зубов / В.А. Бадалян, А.М. Зедгенидзе // Стоматология. - 2020;99(4):81-85.
3. Зедгенидзе А.М / Аутотрансплантация зубов у взрослых пациентов/ Диссертация. Москва 2021.

PEDAGOGICAL SCIENCES

ISSUES IN ASSIMILATING TECHNICAL TERMS IN FOREIGN LANGUAGES

Anjeza Brahja,

Doctor of Philosophy

*Polytechnic University of Tirana, Faculty of Mathematical Engineering
and Physical Engineering, Foreign Language Center, Albania*

Albana Avrami

Doctor of Philosophy

*Polytechnic University of Tirana, Faculty of Mathematical Engineering
and Physical Engineering, Foreign Language Center, Albania*

[DOI: 10.5281/zenodo.10035049](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035049)

Abstract

The process of learning a language is infinite. Students have different attitudes towards embracing new knowledge, enlarging vocabulary, practicing skills, and using the right strategies when it comes to facing challenges and dealing with issues they encounter in assimilating new technical and specific terms.

Thus, when the teachers know the strengths and weaknesses of their students, the process of assimilating the new terms is facilitated. For this reason, an open-ended questionnaire was given to first year engineering students about the issue that they encounter in learning ESP (English for Specific Purposes) terms. Then, a survey was conducted on more students to find out the aspects of word usage that they consider as the main barrier that makes it difficult for them to assimilate the terms fast and properly.

Four main alternatives were given to them to find out the main issue, and suggestions are given to help teachers and students facilitate the process of assimilating the new ESP terms at best.

Keywords: technical terms, issue, students, strategy, challenge, assimilate

Literature Review

From the very start, difficulty has been explained in linguistic terms, and by controlling the difficulty of linguistic input to learners, levels of difficulty can be specified. (Nunan, 1992).

Progress refers to general growth not focused on a specific task. It serves as a long-term goal and tends to facilitate the growth of educators' perspective of teaching and of themselves as educators.

Richards and Farrel (2005) listed some examples of goals from a performance perspective:

- To understand how the process of second language development occurs.
- To understand how our roles change in relation to the type of students we are teaching.
- To understand the types of decision-making that arise during the learning process.
- To review the theories and principles of language teaching.
- To develop an understanding of different teaching styles.
- To determine students' perceptions of classroom activities.

Professional progress must go beyond personal and individual reflection.

Unlike teaching English as a foreign language or as a second language, there is a mismatch between the pedagogy and the research field, meaning that there is a gap between textbooks and pedagogical practice on the one hand and research findings on the other. Harwood (2005) states that there is a difference between how academic writers write and what textbooks teach about writing.

Robinson (1991) states that the main role that an ESP teacher should have is flexibility. For Robinson (1991), flexibility means changing from being a general English teacher to a purposeful English teacher. This flexible lecturer must deal with different groups of students, often at short notice. However, Robinson may imply that it is precisely the responsibility of the general English teacher to teach ESP classes.

For Widdowson (1998), the notion of authenticity has been the subject of controversy for several decades and there may still be researchers who may not yet agree with today's definition accepted by the majority.

Haloçi et al (2008), emphasize that creative tasks promote independence, are more challenging, and also require the participation of students to solve them.

Belcher (2016) recognized that ESP teachers are specialists who analyse needs, but they are designers of the specialized curricula at the same time.

Harding (2007) writes that the ESP educator should emphasize to their students that ESP is transferable in nature, so they will not face the reaction: "What does this have to do with my profession?"

In relation to this issue, there are several main steps that the lecturer can follow:

- Explain the objectives clearly.
- Explain that even if a document or activity is not from the students' particular field of study, it contains language structures, vocabulary and language approaches that can be transferred to their field of study in the same way.
- In any document or material, set out the terms and language that may be transferred.
- Always make sure there is a "transfer" phase for the activities, when the content is directly related to their work situations.

Material and method

An open-ended questionnaire was conducted to a class of 22 civil engineering students who study at the Faculty of Civil Engineering, Polytechnic University of Tirana. The purpose was to collect as many opinions as possible regarding the issues that they mostly encounter when it comes to assimilating new technical terms. Students were advised to brainstorm and list randomly every difficulty related to learning technical terms.

Another survey then was conducted using the four most mentioned alternatives given by students. The survey was extended to 214 students studying at the Faculty of Civil Engineering in four fields of study, (civil engineering, geodetic engineering, hydro-technical engineering and environmental engineering) Polytechnic University of Tirana. They study ESP first year, 14 week course, and they deal with the specific textbook "Civil Engineering".

The purpose of the study was to highlight:

- Problems when it comes to learning technical terms

- The issue students most often face:

- a) rare usage
- b) difficulty in translation
- c) difficulty in pronunciation
- d) difficulty using ESP in other contexts

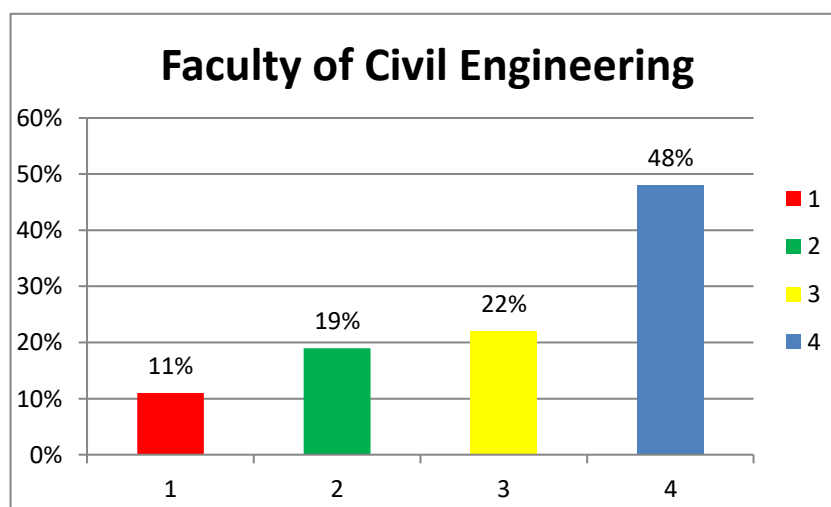
Results and discussion

The question put forward to students made them brainstorm and be aware of the difficulties they encounter. By listing challenges faced, will help students find and use the right strategies to overcome the difficulties.

The list shows the most given alternatives related to difficulties encountered:

- Short time dealing with ESP (one semester only)
- The rare usage
- Difficult words to pronounce
- No Albanian equivalent
- No grammar
- Difficulty in using the words in other contexts
- Little usage of words in everyday speech
- Difficult to memorize
- Difficult to explain
- Lots of practice needed
- Short reading passages
- Specific terms not often used from one lesson to another

In order to find out which is the barrier that engineering students mostly come across when considering assimilating technical terms, the graph below is presented with the given issues (the four most common issues given by students were chosen):

Graph 1. Results for research question:

Which is the problem you mostly encounter when learning ESP vocabulary? a) its rare usage
b) difficulty in translation
c) difficulty in pronunciation
d) difficulty using it in other contexts

The problem that Civil Engineering students mostly encounter when learning ESP vocabulary is the difficulty they have in using the words in other contexts (48%). This stands true as they are at the first steps of their studies. Students outside school use general English, but soon enough they will realize that ESP will be used not only in classroom contexts, in supplementary materials they have to read in order to enlarge knowledge and get more information, but in their professional medium. Most students start internships or

part time jobs, even prior to finishing their studies. Students' emotional well-being is relevant to their career choice (Zhou, 2013). Students have to have a good proficiency level at general English first, so they can succeed in ESP as well.

Overcoming the problems students have is not simply a matter of learning specialist language because more often the general use of language causes the great problem. Sometimes students have problems in under-

standing specialist texts. These are not due to the technical terminology, but mostly because of poor general vocabulary.

Students have difficulty in ESP rare usage (11%), in translation (19%), in pronunciation (22%). In fact students studying at the Faculty of Civil Engineering face more difficulties in even finding the meanings or the Albanian equivalent of ESP vocabulary. This is even due to the fact that there aren't many dictionaries available. Nevertheless in cases where the Albanian equivalent is not found, images, photos, pictures must be displayed during the learning process, so that students have a long memorization of the terms and know how to associate it with the usage and other specific terms related to it.

The attitudes that foreign language teachers have towards the use of the mother tongue by students in the classroom at different levels have undergone significant changes; from a total denial to an unwilling acceptance. If students don't use Albanian language during the classes, they will practice English and pronunciation more and will be able to use the terms in other contexts too.

Brahja et al, (2023) points out that lecturers use ESP to enrich students with additional information, so students feel more self-confident when they start their career.

Conclusions

Students must be aware that a foreign language has to be used outside the classroom medium in order to assimilate the terms learned, memorize them longer, enlarge vocabulary more, and practice pronunciation.

It's a must to read and consult other supplementary materials in ESP, use the internet, watch documentaries related to their field of study, so they not only learn more about issues in their profession and how to solve them, but at the same time they see how technical terms relate to one-another, how they are presented and used in different contexts.

Visual aids shall be used as much as possible, but when it comes to cases when students find it impossible

to memorize the ESP terms, even though the definition is given, and the Albanian equivalent is not found, then visual aid usage is indispensable.

References

1. Belcher, D. English for specific purposes: teaching to the perceived needs and imagined futures in worlds of work, study and everyday life. *TESOL Quarterly*, 40(1), (2006), pp. 133-156. <https://doi.org/10.2307/40264514>
2. Brahja, A, Stojani, E. The use of English for Specific Purposes by Lecturers/Specialists of different fields of study- a case study, *German International Journal of Modern Science* No.65, DOI:10.5281/zenodo.8414843, ISSN 2701-8377, (2023), pp. 25-29
3. Haloçi, A, Delija, Sh, Tabaku, E, Sula, A. *Didaktika e Gjuhëve të Huaja, Shtëpia Botuese e Librit Universitar* (2008), pp.136-137.
4. Harding, K. English for Specific Purposes. *Resource Books for Teachers*, (2007), pp. 10
5. Harwood, N. What do we want EAP teaching materials for?, *Journal of English for Academic Purposes* (4) 2: (2005), pp. 150
6. Jack C. Richards and Thomas. S. C. Farrel. *Professional Development for Language Teachers. Strategies for Teacher Learning*, (2005), pp. 4
7. Nunan, D. *The learner-centred curriculum. A study in second language teaching*. Cambridge University Press, (1992). pp. 102
8. Robinson, P. (1991) *ESP Today: A Practitioner's Guide*, Hertfordshire: Prentice Hall
9. Widdowson, H.G. *Communication and community: The pragmatics of ESP, English for Specific Purposes* (17) 1: (1998), pp. 19
10. Zhou, M, Xu, Y, *University Students' Career Choice and Emotional Well-Being*, *Journal of Educational and Social Research. Special Issue. Vol.3, No.7. MCSER Publishing, Rome-Italy. ISSN 2239-978X (print). ISSN 2240-0524 (online), (2013), pp. 243.*

APPLICATION OF BUSINESS GAMES IN TEACHING TECHNICAL DISCIPLINES

Zinaida Yegorova

Doctor of Philosophy,

Belarusian State Technological University

[DOI: 10.5281/zenodo.10035063](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035063)**Abstract**

The paper presents the results of the theoretical justification and practical implementation of a business game for the development of professional competencies of technical university students when they study technical disciplines. Using the example of the curriculum for the specialty “Physical and chemical methods and instruments for product quality control” (qualification – certification engineer), the predominance of disciplines that form hard skills in future specialists is shown. It was also found that in two disciplines of the specialty there are more than 30% of topics for better assimilation of which business games can be used. Examples of two business games are given.

Keywords: technical university, specialty curriculum, competencies, forms of training, business game

Introduction. Among the many ways to motivate learning, one of the most effective is the organization of gaming activities. Currently, several variants of the business game have been developed (simulation, operational, role-playing, organizational and activity, organizational and communicative, etc.) [1]. Modern pedagogical science has determined the basic principles of the organization of games and the purpose of their application in the educational process [2]. The principles should include the following:

- 1) the game should be based on the free creativity and independence of students;
- 2) there must be an element of competition either between teams or between individual participants in the business game;
- 3) the game should take into account the age characteristics of students.

The goals of a business game can be didactic (improving the methodological components of the action competence, in particular when resolving decision-making situations in the performance of an activity) and methodical (training skills and experimenting with decision-making and their consequences, as well as finding strategies for solving a problem). It should also be noted that in addition to educational activities, the business game is widely used to assess the competence and improve the skills of internal auditors in organizations that use management systems [3].

Thus, we can conclude that business games are a pedagogical tool and an active form of learning that intensifies learning activities by modeling managerial, economic, psychological, pedagogical situations and makes it possible to analyze them and develop optimal actions in the future. However, it should be noted that there are no universal business games, and for each specific task related to improving the assimilation of theoretical knowledge and mastering practical skills within

a particular academic discipline, its own methodological approach and practical material is needed. Therefore, the theoretical substantiation and practical implementation of a business game for the development of professional competencies of students of a technical university in the study of technical disciplines is relevant and practically important.

Aim. Determine the place and role of business games in the formation of professional competencies among students of a technical university and develop guidelines for their organization (on the example of students studying at the Belarusian State Technological University (BSTU) in the specialty 1-54 01 03 Physical and chemical methods and instruments for product quality control).

Materials and methods. The objects of research were the curriculum and the matrix of competencies of the specialty 1-54 01 03 Physical and chemical methods and instruments for product quality control. In the work, such research methods as analysis, assessment, modeling of professional situations and their validation were used.

Results and discussion. According to the standard curriculum of specialty 1-54 01 03 Physical and chemical methods and instruments for product quality control, a graduate who has successfully completed training in this specialty must have universal (total – 15), basic (total – 16) and special competencies (total – 19). An analysis of the content of the competency matrix for this specialty is presented in Fig. 1, from which it is clear that the vast majority of competencies relate to hard skills and consist in the fact that a graduate must possess a variety of special and technical skills to successfully begin his career. It was also concluded that almost half of the modules provided by the state component and higher education institution component are aimed at developing professional competencies.

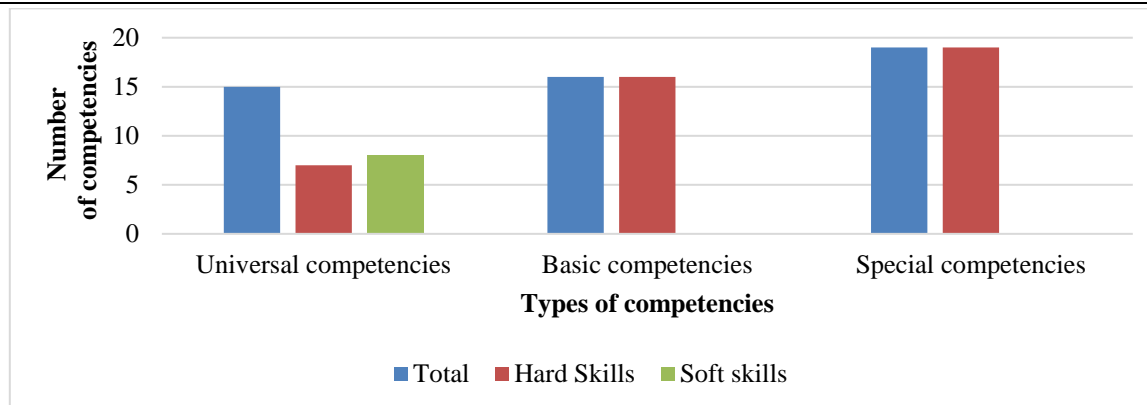

Fig. 1. Composition of competencies that a graduate of BSTU with specialty 1-54 01 03 must master

As for the specialization disciplines, they are combined into three modules, namely: two modules “Methods and means of testing and control” and the module “Technology” – and form in students the special and technical skills necessary for a specific specialization. Features of the formation of professional competencies among students studying in the specialty under consideration, regardless of specialization, consist in a combination of classroom lessons (laboratory and practical)

and independent work in the form of course design. Analyzing this information (Fig. 2), it is obvious that the contribution of different forms of classes to the mastery of professional competencies can be arranged in the following order: practical classes, laboratory workshop, course design. Obviously, practical classes are the form of training where the technology of business games will be most appropriate and in demand.

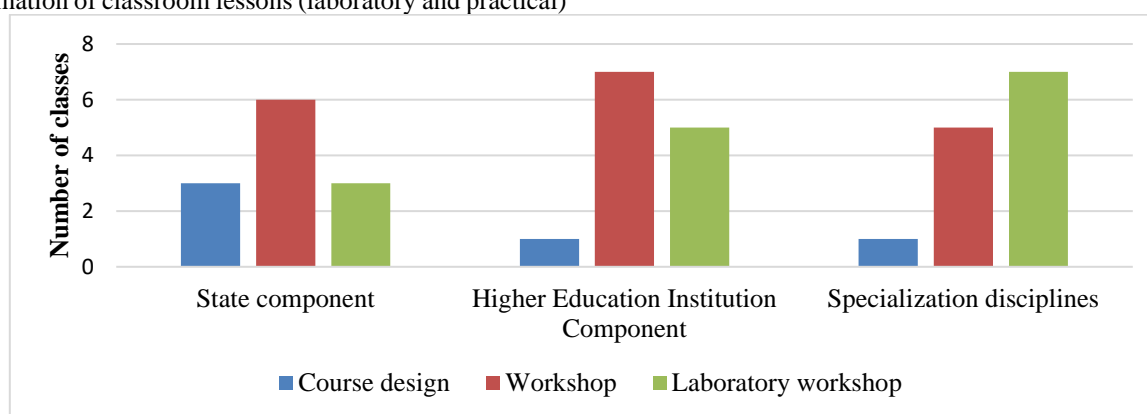

Fig. 2. Forms of classes for the formation of professional competencies

Based on the results of the analysis of the matrix of competencies given in the standard curriculum of specialty 1-54 01 03, to develop methodological recommendations for organizing business games that contribute to the development of future professional activities of graduates of a technical university, we selected two academic disciplines from two modules, namely:

- “Conformity assessment and accreditation” (module “Conformity assessment”, state component);
- “Quality Management Systems” (module “Quality Management”, component of a higher education institution).

The study of these disciplines includes classes such as lectures, practical exercises and coursework. As a result of mastering the educational material in the discipline “Conformity Assessment and Accreditation”, the student must “Know national and international legislation in the field of conformity assessment, as well as be able to perform work in the field of conformity

assessment” (BPC-15), respectively, in the discipline “Quality Management Systems” – “Know the main international and national standards in the field of quality management systems, be able to develop quality management system documents” (SC-9). Analysis of the content of the educational material of the educational disciplines under consideration made it possible to determine that the technology of business games is applicable in 35% of the topics in the discipline “Conformity Assessment and Accreditation” and in 25% of the topics in the discipline “Quality Management Systems”.

To develop a business game for the discipline “Conformity Assessment and Accreditation”, the topic “Law of the Republic of Belarus “On Protection of Consumer Rights” was chosen, for the discipline “Quality Management Systems” - “Internal Audit of the Quality Management System”. The structures of business games are shown in Tables 1 and 2.

Table 1

Structure of the business game "Purchase of goods (works, services)"

Game elements	Characteristics
Pedagogical goal	Understand national legislation in the field of conformity assessment
Subject game (3 scenarios)	1) ham was purchased in a hypermarket. At home, upon careful study of the information on the label, it was discovered that the spices contain coriander, which causes allergies in the consumer.
	2) the dry cleaner ruined my winter down coat.
	3) a glass partition for the shower stall was purchased from an individual entrepreneur. After its installation, a manufacturing defect was discovered (extraneous black inclusions in the glass).
Scenario	Actions of the buyer, seller and lawyer
Game rules	Do not create a conflict situation, do not bring the matter to court
The final stage	Expert opinion, assessment of the actions of each group of participants by the teacher

Table 2

Structure of the business game "Internal audit of the quality management system"

Game elements	Characteristics
Pedagogical goal	Master the basic international standards in the field of quality management systems (QMS)
Subject game	Carry out an internal audit of certain QMS requirements
Scenario	Actions of the audited unit and the auditor
Game rule	Determine the level of compliance of the QMS of a particular organization with the requirements of ISO 9001
The final stage	Expert opinion, assessment of the actions of each group of participants by the teacher

It should be noted that one or more students act as experts in these business games, and the teacher evaluates both the participants in the business game and the experts. The teacher's assessment consists, first of all, in indicating the positive (successful) actions of the participants and experts, and then in jointly analyzing what failed (or erroneous actions) by representatives of different sides of the business game. Based on the results of testing these business games, methodological materials were developed for practical classes in the disciplines "Conformity Assessment and Accreditation" and "Quality Management Systems", which were included in electronic educational and methodological complexes in the disciplines of the same name [4, 5].

Conclusions. As a result of our research, we can draw the following conclusion.

1. The vast majority of competencies that graduates of BSTU in the specialty 1-54 01 03 Physical and chemical methods and instruments for product quality control must possess are classified as hard skills.

2. The professional competencies required for a graduate are varied: from knowledge in the field of properties and characteristics of various environmental objects to the ability to work with measuring devices and complex research equipment; from knowledge of legislation in the field of technical regulation to the ability to develop procedural and systemic documents of the organization.

3. The contribution of different forms of classes to the mastery of professional competencies (in order of importance) can be arranged in the following order: practical classes, laboratory workshop, course design. Practical classes are the form of training where the technology of business games is most appropriate and in demand.

4. A selective analysis of the content of the educational material of the disciplines of the standard curriculum of specialty 1-54 01 03 showed that the technology of business games is applicable when conducting

practical classes. At the same time, the number of educational topics, the assimilation of which is more effective through the use of business games, can reach 35% of their total number.

5. When developing a business game, it is necessary to determine the following structural elements: pedagogical goal, subject of the game, scenario, rules of the game and the final stage. It is also advisable to involve students as experts to assess the correctness of the participants' actions in the proposed situational task. It is advisable to include the developed business games in the electronic educational and methodological complex, open access to which allows students, future participants in the business game, to become familiar with its purpose and scenario in advance.

References

1. Babanova I.A. Business games in the educational process / I.A. Babanova. – Text: direct // Scientific communications. – 2012. – P.1–7 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovye-igry-v-uchebnom-protsesse/viewer/> (Access date 21.03.2023).
2. Boltaeva, M. L. Business game in teaching / M. L. Boltaeva. – Text: direct // Young scientist. – 2012. – No. 2 (37). — P. 252–254 [Electronic resource]. – URL: <https://moluch.ru/archive/37/4267/> (Access date: 21.03.2023).
3. ISO 19011:2018. Guidelines for auditing management systems.
4. Electronic educational and methodological complex "Quality Management Systems" reg. No. 821/2020 от 30.01.2020, registration certificate No.1142022136 от 17.03.2020.
5. Electronic educational and methodological complex «Conformity assessment», reg. No. 22-1/2014, registration certificate № 114173347 от 08.11.2017.

PHILOLOGICAL SCIENCES

STRUCTURE, SEMANTICS, ETYMOLOGY OF THE LEXEMES “PERMANENT GUEST / NON-PERMANENT GUEST IN THE KOREAN LANGUAGE

The research is carried out under a grant from the Academy of Korean Studies of the Republic of Korea (Research Project No. AKS – 2021-INC-2230010)

Kim Olga Anatolievna,

*Research Center for Korean Studies
at the Uzbek State University World Languages,
Ph.D. in Philology, expert*

Lvova Irina Semyonovna,

*Research Center for Korean Studies
at the Uzbek State University World Languages,
Associate Professor, scientific researcher*

Elkin Denis Yurievich

*Research Center for Korean Studies
at the Uzbek State University World Languages,
PhD, scientific researcher*

[DOI: 10.5281/zenodo.10035075](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035075)

СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ ЛЕКСЕМ «ПОСТОЯННЫЙ ГОСТЬ / НЕПОСТОЯННЫЙ ГОСТЬ» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование проводится в рамках гранта Академии корееведения Республики Корея (Исследовательский проект № AKS – 2021-INC-2230010)

Ким Ольга Анатольевна

*Исследовательский центр корееведения
при Узбекском государственном университете мировых языков,
к.филол.н., эксперт*

Львова Ирина Семеновна

*Исследовательский центр корееведения
при Узбекском государственном университете мировых языков,
доцент, научный исследователь*

Елькин Денис Юрьевич

*Исследовательский центр корееведения
при Узбекском государственном университете мировых языков,
PhD, научный исследователь*

Abstract

The article is devoted to the study of the semantic opposition of the lexemes “regular guest / infrequent guest” in the Korean language, analysis of extra-linguistic arguments that influenced their formation on the basis of pre-existing words, further use and change in meaning. *Goals and objectives of the study.* The purpose of the work is to identify linguistic and cultural processes determined by the peculiarities of the Korean mentality. Research objectives: to determine the etymology of the lexemes “regular guest / infrequent guest”, to analyze the extralinguistic processes that influenced their transformation, changes in meaning, structure and sound composition. *Materials and methods.* The research material was the monument “Samguk Yusa” (Kor. 삼국유사/三國遺事/Samguk yusa), cultural material from the Encyclopedia of National Culture of Korea, paremiological units from the NAVER국어사전 dictionary. The research is complex in nature, which led to the use of semantic analysis, comparative method, as well as the traditional descriptive method, consisting of selection, characterization and classification of factual material. *Results.* The article makes an attempt to determine the causes of special cases of semantic oppositions, and the study of the interaction of semantic and word-formation processes retains some interest. *Conclusions.* The content of the constant “guest” in the Korean language is determined by a set of national-cultural linguistic means that reflect the characteristics of the mentality. The lexemes **뜨내기손**[tteunaegison] infrequent guest / **뜨내기손님**[tteunaegisonnim] infrequent guest (respectfully) have a connotation of disdainful attitude towards the guest/client, while **단골손**[dangolson] regular guest/regular / **단골손님**[dangolsonnim] permanent guest/regular (respectful) have a connotation of courtesy and respect, along with this there is a confrontation between situational and cultural contexts.

Аннотация

Статья посвящена исследованию семантической оппозиции форм «*постоянный гость / несчастный гость*» в корейском языке, анализу внелингвистических аргументов, повлиявших на их образование на базе ранее существовавших слов, дальнейшее употребление и изменение значения. *Цели и задачи исследования.* Цель работы – выявление лингвокультурных процессов, обусловленных особенностями корейского менталитета. Задачи исследования: определить этимологию лексем «постоянный гость / несчастный гость», осуществить анализ экстралингвистических процессов, повлиявших на их трансформацию, изменение значения, структуры и звукового состава. *Материалы и методы.* Материалом исследования послужили памятник «Самгук Юса» (кор. 삼국유사/三國遺事/Samguk yusa), культурологический материал из Энциклопедии национальной культуры Кореи, паремиологические единицы из словаря NAVER 국어사전. Исследование носит комплексный характер, что обусловило применение семантического анализа, сопоставительного метода, а также традиционного описательного метода, состоящего в отборе, характеристике и классификации фактического материала. *Результаты.* В статье предпринята попытка определения причин частных случаев семантических оппозиций, причём определённый интерес сохраняет исследование взаимодействия семантических и словообразовательных процессов. *Выводы.* Содержание константы «гость» в корейском языке определяется набором национально-культурных языковых средств, отражающих особенности менталитета. Лексемы 뜨내기손[tteunaegison] *несчастный гость* / 뜨내기손님[tteunaegisonnim] *несчастный гость* (уважительно) имеют оттенок пренебрежительного отношения к гостю/клиенту, тогда как 단골손[dangolson] *постоянный гость/завсегдашай* / 단골손님[dangolsonnim] *постоянный гость/завсегдашай* (уважительно) имеют оттенок обходительности и уважения, наряду с этим прослеживается противостояние ситуативного и культурного контекстов.

Keywords: constant “guest”, semantic oppositions, word-formation processes, extralinguistic processes, monument “Samguk Yusa”

Ключевые слова: константа «гость», семантические оппозиции, словообразовательные процессы, экстралингвистические процессы, памятник «Самгук Юса»

Анализ значения слов – это та область, где этимологическое исследование особенно часто обращается к реалиям, к внелингвистическим аргументам, используя данные самых различных областей знания. Изучая языковые единицы, лингвист приобретает возможность через язык «проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре», [6, с.114], так как «именно в лексико-семантической сфере языка наиболее заметно отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Появление новых понятий, предметов... обуславливает возникновение новых слов или новых значений у ряда слов» [12, с.85]. «В язык проецируются обыденные знания человека о мире, которые могут существенно отличаться от научных, но и такие знания имеют право на специальный анализ и на объяснение их происхождения... Интересы людей могут касаться разных сторон строения мира, в фокусе их внимания оказываются разные аспекты бытия. Вполне естественно, что язык отражает эту способность человека видеть мир и осмыслять его в разных ипостасях и проявлениях» [6, с. 16–17], в том числе в противопоставлении, контрасте. «Контраст позволяет ... вовлекать ... речевые средства, которые обретают необходимую экспрессивность и образность, связанные с рельефным изображением ... действительности» [8, с. 117]. В изучении системы контраста, базирующейся на антонимии, существенную роль играют особенности употребления антонимов. Антонимия выступает главным средством выражения контраста на лексическом уровне, однако, «наблюдается определенное смещение акцентов в изучении антонимии - от

общеязыкового плана к конкретно-речевому воплощению антонимии, в связи с чем расширяется предметная область исследований» [3], а Ю.Д. Апресян, характеризуя антонимы с точки зрения их семантики, отметил, что есть достаточное основание полагать, что большое разнообразие антонимических отношений можно свести к ограниченному числу исходных противопоставлений [1].

В однокоренных антонимиях противоположность значения обусловлена присоединением семантически оппозиционных корней-префиксов, которые, как и слова, могут вступать в антонимические отношения: ср., например, значение 신-[sin] *новый* и 고-[go] *древний*, 다-[da] *единичный* и 단-[dan] *множественный*, 백-[baek] *белый* и 흑-[heuk] *черный* и др. в словах 신시대[sinsidae] и 고시대[gosidae] (*новая эпоха* и *старая эпоха*), 다민족성[daminjokseong] и 단민족성[danminjokseong] (*многонациональность* и *моноэтничность*), 백색[baeksaek] и 흑색[heuksaek] (*белый цвет* и *чёрный цвет*). В данном случае лексическая антонимия является следствием словообразовательных процессов. В корейском языке обращает на себя внимание тот факт, что система антонимии включает собственно лексическую и словообразовательную части. Специфику корейской антонимии ученые видят в том, что и разнокоренные, и однокоренные антонимические парадигмы представлены в языке словами большинства частей речи. Однокорневые антонимы встречаются среди всех лексико-грамматических разрядов слов.

Необходимо отметить, что «языковая семантика открывает путь из мира собственно языка в

мир реальности. Она связана с культурными представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности» [10, с. 47], в нашей работе антонимическая парадигма представлена в виде совокупности словообразовательных и семантических свойств языковых единиц, репрезентирующих отношение противоположности в рамках определенного контекста.

В. В. Виноградов акцентирует внимание на том, что «значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: движение, развитие, язык, общество, закон и т.д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова» [3].

Е. Урысон дополняет: «Выяснение того, какие факторы влияют на выбор исходного вида значения, представляет собой отдельную задачу. Можно предположить, что это, в частности, статистика, т.е. количество контекстов с тем или иным видом значения: в качестве исходного вида (при прочих равных условиях) выбирается тот, который реально чаще встречается, чаще употребляется. Любая модификация лексемы может иметь свои собственные парадигматические связи; ср. небо «купол» – небосвод, небосклон; небо «пространство» – поднебесье. Наличие таких парадигматических связей и может служить основанием для того, чтобы усматривать в данной лексеме дизъюнкцию...» [11].

Тем самым, антонимическая парадигма представляет собой центр противоположности высказывания, обладающий закономерными связями своих компонентов и характеризующийся определенной целостностью. Каждый компонент антонимической парадигмы существует не изолированно, а лишь в корреляции с другим членом и в контексте, так как антонимическая парадигма выполняет функцию минимальной антонимической структуры.

Во многих герменевтических концепциях язык объявляется средоточием всех культурных про-

блем, поскольку именно слово выполняет культурологическую функцию, представая в качестве системообразующего элемента культуры. Отсюда вывод: если слово есть принцип и архетип культуры, то принципы анализа слова должны быть последовательно распространены на анализ культуры [5]. В формировании и дальнейшей судьбе каждого слова сочетаются многообразные, в целом закономерные явления и процессы (фонетические изменения, изменения значения, включение в определенное словообразовательное гнездо или изоляция вследствие утраты родственных слов и т.п.), но в каждом отдельном случае это сочетание индивидуально. Можно сказать, что нет двух слов с одинаковой историей, и поэтому бесконечно варьируются от слова к слову пути этимологического анализа. В этом смысле этимология, пожалуй, самая частная из всех лингвистических дисциплин [2].

Слова 단골손[dangolson] *постоянный гость* / 뜨내기손[teunaegison] *нечастый гость* и 단골손님[dangolsonnim] *постоянный гость* (уважительно) / 뜨내기손님[teunaegisonnim] *нечастый гость* (уважительно) образованы путем сложения (Табл. 1): 단골[dangol] + 손[son] / 뜨내기[teunaegi] + 손[son] и 단골[dangol] + 손[son] + 님[nim] / 뜨내기[teunaegi] + 손[son] + 님[nim]. В словообразовании использованы корни 단골[dangol] *постоянный*, 뜨내기[teunaegi] *нечастый, редкий*, 손[son] *гость*, именной уважительный суффикс 님[nim], который перешел из разряда зависимых существительных. В функции зависимого существительного 님[nim], наряду с другими (씨[ssi], 군[gun], 양[yang], 웅[ong]) используется после имен собственных в значении «уважаемый(ая) господин(госпожа)» и пишется раздельно, например, 이민수 님{씨, 군, 웅} *уважаемый господин Ли Минсу*; 김유진 님{씨, 양} *уважаемая госпожа Ким Юджин*. В функции именного суффикса 님[nim] используется после нарицательных имен в значении «уважаемый(ая)» и пишется слитно, например, 사장님[sajangnim] *уважаемый генеральный директор*, 교수님[gyosunim] *уважаемый профессор*. В современном интернет пространстве 님[nim] используется в качестве местоимения второго лица, для обозначения малознакомого человека, например, 이번 모임에 참여하고 싶은 님들은 게시판에 글을 올려 주세요. *Если вы хотите принять участие в этой встрече, пожалуйста, оставьте сообщение на доске объявлений.*

Таблица 1.

Структура лексем «постоянный гость / непостоянный гость в корейском языке»			
Лексема	Корень	Корень	Именной суффикс
단골손[dangolson]	단골[dangol]	손[son]	
단골손님[dangolsonnim]	단골 [dangol]	손 [son]	님[nim]
뜨내기손[teunaegison]	뜨내기[teunaegi]	손 [son]	
뜨내기손님[teunaegisonnim]	뜨내기[teunaegi]	손 [son]	님[nim]

С точки зрения происхождения данных слов,

весьма интересным оказалась этимология существительного 단골[dangol] в значениях: 1) постоянное место (например, 그 빵집은 아이들이 자주 가는 단골이다 [Geu ppangjipeun aideuli jaju ganeun dangolida]. *Та булочная – постоянное место, куда ходят дети.*); 2) постоянные клиенты (например, 그의 친절은 처음 오는 손님도 단골로 만들었다 [Geuui chinjeoleun cheoeum oneun sonnindo dangolro mandeuleotda]. *Его доброжелательность даже новых покупателей делала постоянными.*; 3) шаман, которого постоянно приглашают для проведения разного вида ритуалов, например, 단골들은 무속상의 제도적 조직인 단골판을 가지고 있다 [Dangoldeuleun musoksangui jedojeok jojikin dangolpaneul gajigo itda]. *У шаманов есть постоянный совет, который является институциональной организацией шаманизма.* В современном корейском шаманизме 단골[dangol] – это и *потомственный шаман* и *дух*, с которым он связан [14].

Корейские исследователи, [13] изучавшие происхождение лексемы «данголь» (단골[dangol]), выдвинули теорию происхождения синокорейского слова «Дангун» (단군/檀君/[Dangun]) от исконного «данголь» (단골[dangol]).

Дангун (단군/檀君/[Dangun]) – первый правитель, которого корейцы считают прародителем корейской нации. «Легенда о Дангуне» (단군 신화 / 檀君神話 / [Dangun sinhwa]) была отражена в нескольких источниках, таких как «Самгук Юса» (삼국유사/三國遺事/ [Samguk Yusa]), «Джевангунги» (제왕운기 / 帝王韻紀 / [Jewangungi]), «Седжонг Сильрок Джеириджи» (세종실록지리지 / 世宗實錄地理 / [Sejongsilrokjiriji]), «Тонгукдэджисунграм» (동국여지승람 / 東國輿地勝覽 / [Donggukyeojiseungram]) и др. Согласно легенде, Дангун (단군/檀君/[Dangun]) был рожден от Хвануна (환웅/桓雄) – сына небесного бога, и Уннэ (웅녀/熊女) – девушки, которая будучи медведицей стала человеком.

«В древних записях сказано: был когда-то Хванун, сын Хванина (а Хванином звался у нас Индра, Повелитель Небес). И задумал Хванун жить среди людей, и не раз хотел он опуститься с небес на землю. Узнал о его замысле отец и решил, что много пользы принесёт Хванун людям. Он высмотрел на земле высокую гору о трех вершинах по имени Тхэбэк, вручил сыну три небесные печати и послал его управлять людьми. Спустился Хванун на самую высокую вершину горы Тхэбэка с трехтысячной дружиной – там, где священное древо – жертвенник духам. С тех самых пор и называют это место Обителью духов и величают Хвануна владыкой Небесным. Хванун повелевал духами Ветра, Дождя и Туч, указывал сроки всякому злаку, ведал людскими судьбами, исцелял болезни, придуывал наказания, учил различать добро от зла. Словом, вершил он делами каждого из трехсот шестидесяти дней годовых, наставляя людей на истинный путь в этом мире. Обитали тогда в одной пещере

медведь и тигр. Они часто молились Хвануну, чтобы он превратил их в людей. Дал им Хванун по стебельку полыни и по двадцать чесночин каждому и говорит: «Съешьте это! Только смотрите не показывайтесь на солнце, пока не пройдет сто дней. Тогда и превратитесь в людей. Съели они полынь и чеснок, и стали прятаться от лучей солнца. Но на тридцать седьмой день не сдержал тигр обета так и не стал человеком. А медведь в положенный срок оборотился женщиной. Долго не было у женщины мужа. Приходила она каждый день к священному древу и молилась духам послать ей дитя. Хванун обернулся тогда человеком и взял ее в жены. Она вскоре забеременела и родила сына, а назвали его Дангун-Вангом» [9, с. 137 – 158] Отсюда его полное имя Дангунвангом / «Данунгчонванг» (단군왕검 [Dangunwanggeom] / 단웅천왕 [Danungcheonwang] / 檀君王儉), дословно Дангун-небесный король. Дангун основал государство Древний Чосон (고조선 / 古朝鮮 / [Gojoseon]) со столицей Асадаль (아사달 / 阿斯達 / [Asadal]) в 2333 г. до н.э., правил страной около 2000 лет.

С развитием языка слово 왕검[wanggeom] король претерпело фонетическое изменение: 왕검[wanggeom] → 임검[imgeom] → 임금[imgum]. Ученые считают, что в древности слово «данголь» использовалось в качестве нарицательного, обозначая и титул монарха, и титул человека, занимавшегося шаманскими ритуалами. Фонетическое изменение «данголь» в «дангун», по мнению Ким Тхегона [13], – результат ошибки, которая произошла при фонетической иероглифической записи слова «данголь» (단골[dangol]) в виде 단군천/檀君天/[Danguncheon] с семантикой «Дангун + небо». Вероятность истинности этой гипотезы высока, так как до наших дней сохранились места, например в регионе Хонам (호남지방 [Honamjibang]), где говоря о шаманах, используют конструкции: семья шаманов 당골네[dangolne], мать шамана 당골어멈 / 당골애미 [dangol-eomeong / dangol-aemi], отец шамана 당골아범 / 당골애비 [dangol-abeom/dangol-aebi].

В регионе Чолла-Пукто шаманок, унаследовавших свой статус от свекрови (세습무 / 世襲巫 / [seseupmu]) называли «данголь/дангголь» (단골/당골[dangol/danggol]). Этимология «данголь/дангголь» восходит к «단/당을 모시는 고을/[dan/dangeul mosineun goeul]» «деревня, в которой поклоняются дан/данг». В свою очередь, «дан/данг» (단/당/堂) – это «алтарь» для проведения ритуалов в честь божеств, оберегавших деревню. Шаманку, которая управляла этим алтарем называли «дангольне/данггольне» (단골네[dangolne] / 당골네[danggolne]). В деревнях, где не было отдельного дома для алтаря, статус «дан/данг» закреплялся за домом шаманки «дан-

гольджип» (단골집[dangoljip]), в котором находился «алтарь» (신단/신당[sindan/sindang]) [14]. В другом регионе также было отмечено обращение «дангольмуданг» (단골무당 [dangalmudang], досл. *данголь-шаман*), которые словом «дангольджип» (단골집[dangoljip], досл. *данголь-дом*) обозначают дом (семью), в которой разделяют его веру. В деревне шаман отвечал за масштабные мероприятия, такие как деревенские обряды на хороший улов, церемонии на призыв дождя и т.п. Теперь такие обряды можно увидеть лишь в исторических фильмах. А лексема «данголь» (단골[dangol]) в современном корейском языке приобрела значения «постоянный клиент», используемое в отношении человека, который регулярно посещает какое-либо место/заведение, и «постоянное место/заведение», используемое в отношении постоянно посещаемого места [13].

В слове 뜨내기[*tteunaegi*] с семантикой «нечастый» описывается «действие, которое воспроизводится время от времени». Слово образовано путем сложения трёх морфем, где 뜨[*tteu*] – корень в значении «зазор», 내[*nae*] – корень глагола 내다[*naeda*], -기[*-gi*] – конверсионный аффикс. Глагол 내다[*naeda*] образован от глагола 나다[*nada*] «появиться» + страдательный залоговый аффикс -이[*-i*]. В русском языке глагол «появиться» относится к отложительным глаголам, не имеющим страдательную форму. Тем самым, на русский язык одним словом перевести глагол 내다[*naeda*] невозможно. Семантика передается словосочетанием «сделать так, чтобы появился».

Семантика слова 뜨내기[*tteunaegi*] 그는 뜨내기가 아니라 우리 가게 단골이다 имеет уничижительную окраску: 1) уничижительно о человеке, который не остепенился и не имеет постоянного места (работы, жилья и т.п.); 2) уничижительно о работе или деле, которое случается делать время от времени. С помощью слова 뜨내기[*tteunaegi*] образованы такие слова как 뜨내기장사[*tteunaegijangsa*] *временный бизнес* или *кочевой бизнес*, 뜨내기장수[*tteunaegijangsu*] *временный бизнесмен*, *кочевой бизнесмен*, 뜨내기꾼[*tteunaegikkun*] *бесплезный бродяга*, 뜨내기살이[*tteunaegisali*] *бесполезная, бродячая жизнь*, 뜨내기살이하다[*tteunaegisalihada*] *жить бесполезно*.

Таким образом, слова 뜨내기손/뜨내기손님[*tteunaegison/tteunaegisonnim*] *нечастый гость* несут в себе окраску пренебрежительного отношения к гостю/клиенту, тогда как слова 단골손/단골손님[*dangolson/dangolsonnim*] *постоянный гость/завсегдатая* по своей семантике заключают в себе обходительность и уважение

по отношению к гостю/клиенту. В данном случае также прослеживается противостояние ситуативного и культурного контекстов, а также собственно лингвистический / экстралингвистический контексты.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды том I Лексическая семантика. синонимические средства языка. Монография. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 475 с. – URL: http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/ssfp/apresjan_lexsem.pdf.
2. Варбот Ж.Ж. Этимология. Журнал «ГРАМОТЫ.РУ». 2001. – [http://gramota.ru/Варбот.Большая Российская энциклопедия.https://old.bigenc.ru/literature/text/1900835](http://gramota.ru/Варбот.Большая%20Российская%20энциклопедия.https://old.bigenc.ru/literature/text/1900835).
3. Вежбиньски Я. Теоретические проблемы антонимии (взгляд с рубежа веков): Лодзинский университет, Институт русистики. URL: <http://www.filologija.vukhf.lt/4-9/Wierzbinski.doc>
4. Виноградов В. Основные типы лексических значений слова. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.
5. Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 27 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Петрова Р.В. Явления контраста в структуре художественной речи : (На материале романа К.А. Федина «Костер») : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : (10.02.01). - М., 1983. - 15 с
9. Пострелова М.Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды //Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 137 – 158
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд. «Слово», 2000. – 146 с. – URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf>.
11. Урысон Е. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы, – М.: Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998. – С. 226–262.
12. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002, с 85
13. 김태곤. 단골 (丹骨). 한국민족문화대백과사전. [Ким Тхегон. Данголь. Энциклопедия национальной культуры Кореи: <http://encykorea.aks.ac.kr.>]
14. 박진화. 당골. 한국학중앙연구원 – 향토문화전자대전. [Пак Джинхва. Шаман. Академия корееведения – Электронная энциклопедия местной культуры].
15. NAVER국어사전: <https://ko.dict.naver.com/>

IMPACT OF GENDER FACTOR IN LANGUAGE ACQUISITION

Fatima Ismayilli

Junior lecturer, Nakhchivan State University

DOI: [10.5281/zenodo.10035087](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035087)

Abstract

All the findings in this article conclude that the neurobiological basis for the development of such a complex communication system is weaker and that boys are more prone to disorders.

In this review, we have presented a number of studies in the field of neuroimaging that offer components that can help to address the gender gap mentioned.

Numerous studies have clearly shown a link between sex hormones and developmental outcomes. In addition, the anatomical, histological, and brain activation differences of the word and language brain have been documented.

Overall, the functioning of the female brain seems to give women a special advantage in acquiring more communication and language systems than men. The specific mechanisms that lead to and contribute to the development of this advantage have yet to be fully revealed.

Keywords: gender, language acquisition, language development, femininity, masculinity

Masculinity and femininity are represented in a number of different ways in our surrounding. The way people dress and how they do their hair convey how sex determines them according to the social structure or the male and female categories of a person. Gender is very dependent on how we describe ourselves, and may even affect the words we use in our everyday life.

Although sex may not seem to be related to language, unexpectedly it is. There are innumerable studies showing a strong link between gender and language

acquisition, development, and its use. Gender seems to have an undeniable influence on the development of language, even from a variety of historical and cultural perspectives.

Gender may play an important role in sex education or in learning the mother tongue of young children. In many societies, infants and young children spend more time with female educators, so early language is often imitated by female speakers [1, 44].

In most language groups, young girls learn the language a little faster than boys, but this is the case in middle childhood. Gender differences in language use occur early; Girls are more likely to use language as part of emotional relationships with others, while boys use language to describe things and events.

On average, girls also learn to read a little earlier than boys, but this is the same as middle childhood. However, women perform slightly higher than average men in tests that measure speech acuity and productivity throughout their lives [2, 98].

There are some important differences in the development of language and how people express themselves on the basis of gender as well.

For example, women generally use the language more closely or in close contact with others. Women have a greater vocabulary, using language more easily to express their feelings and emotional states.

Men, on the other hand, use language more confidently and are more likely to suppress or retain their emotions. As a result, men do not express their feelings verbally. It should be noted that this is generalized and applies to all men and women in the world.

The way men and women use the language also varies according to the language in question. For example, some research states that female speakers of Chinese speak in a quieter and more passive voice than male speakers [4]. These differences have not been consistently documented in other languages.

Some kind of database was needed to explore the differences in college foreign language preferences of men and women. Initially, the idea was to collect data using master databases declared from universities in the United States.

But with this idea, more than one problem arose. In a few universities with up-to-date databases, there were many errors, such as defining a Spanish major and a Spanish Literature major in two different departments, both not in the foreign languages department.

Another inconsistency is that universities often have different requirements for what constitutes a major. For example, the same requirements for a Russian minor at Yale University are accepted as a Russian major at the University of New Hampshire. Additionally, some databases count students twice for different categories, meaning that a German major will also fall under a Germanic Languages major.

Because of this wide range of issues, it made more sense to rely on a comprehensive database rather than separate databases from different universities [4]. The website of the National Center for Education Statistics provided this comprehensive database.

From this website, which analyzes educational data from all schools in the United States, I was able to find a database of degrees awarded, put together by the Institute of Educational Sciences. This database consists of accredited universities and their degrees reported after graduation.

Among all the forms on Earth's face, humans have a unique ability to communicate using the symbolic communication system, that is, verbal and written language. This ability has contributed to the prosperity

of mankind and has given more benefits than any other species.

The very complex language allowed people to establish a very precise and complex communication within the tribe [5]. The complexity of the human language can be explained by a dictionary of about 42,000 words for an average 20-year-old child.

Such a complex system of communication is the backbone of our ever-changing public relations. The Social Brain Hypothesis emphasizes the importance of social connections for the development of the general phylogenetic brain, as well as for the development of multi-complex cognitive abilities that allow the use of symbolic communication systems.

This hypothesis suggests that the "cognitive demands of living in complex social groups" are the driving force behind the growth of the human brain and the development of complex functions. In addition, the hierarchy within social groups led to members of the group taking on different social roles.

Typically, female primates were engaged in raising children, collecting food, and building household utensils, while men were hunting. "Women's work" is believed to have contributed to the functional evolution of speech spaces, and "men's work" has contributed to men's visual and spatial advantages.

Numerous studies have confirmed higher levels of speech in women [5]. The differences between men and women were confirmed not only for the study of the first language, but also for the acquisition of a foreign language.

Research in other primates suggests that gender differences in human communication and language skills may stem from differences between men and women in social tendencies that are "fundamentally rooted in our biological and evolutionary heritage". For example, gender differences in social trends are documented in wild baby chimpanzees.

Likewise, newborn female articles look at faces more clearly than men, and in 4-5 weeks show more effective behaviors such as gestures, gestures, and intimacy with familiar and unfamiliar human educators.

Free-size rhetorical articles have highlighted gender-related differences in the level of production of social voices, reaffirming that women are more reliant on voice communication, which can play an important role in language evolutionary theories.

However, it is important to note that the differences in a person's verbal performance are not very subtle and are not consistently found in different linguistic issues, with varying results in different age groups.

It has long been known that boys and girls differ in the pace of language development. More than 60 years ago, McCarthy said, "These differences are statistically significant, but a careful observer cannot ignore the remarkable sequence of these small differences that are consistently analyzed, each conducted by a different tester, and different methods are used, and different methods are used [4].

"A recent literature review has confirmed that there are gender differences, but they are limited and are often influenced by various factors, such as age and

function. emphasizes that their influence depends largely on their age and language.

Boys seem to have “weaker” or “slower” abilities to learn a language. Boys represent more than 70% of late speakers and only 30% of early speakers. Research on the development of early language (the first three years of life) finds consistent differences between boys and girls in the process of developing early communication and language learning.

These differences are seen not only in the development of the language system, but also in the development of general social communication skills. In the development of many communication features, boys lag behind girls - eye contact, gesture use, gesture imitation, joint attention, social reference, and so on [4].

However, differences in language development can be the product of differences in the development of society as a whole. communication systems, early gender differences, and speaking skills have been studied in more detail.

In the early years of life, girls learn the language faster than the average boy and have vocabulary. For example, in 16 months, girls have 95 dictionaries and boys have 25 dictionaries. A similar pattern is confirmed in the acquisition, understanding and production of different languages, in lexical and grammatical development [3].

For example, boys produce girl combinations after an average of 3 months. The biggest differences between the sexes are at the developmental points when children develop new communication and language skills.

The pathologies of communication, speech, and language vary in etiology, prediction, and presentation. In clinical settings, it is important to first distinguish between communication, speech, and speech disorders.

Although these terms seem to be similar and interchangeable, communication skills (communication knowledge, verbal and non-verbal) are important for language acquisition (a system of symbolic symbols used for complex communication).

Dialogue refers to the language system engine (acoustic signal production) as the last “connection” of

the development chain, and is one of the possible ways to express the language (the other is to write, sign, etc.).

One of the most interesting phenomena in the regulation of communication, language and speech disorders is the strong risk factor for the mentioned pathologies of the male genitalia and the protective factor for the female genitalia.

Speaking, language and communication skills vary greatly among the general population. Given the many areas of the brain and the complexity of cognitive and motor movements, how many years it takes to develop language or communication skills, and the important role that the environment plays in developing these skills, it is clear. that we are dealing with multifaceted systems that take years to build.

Nonetheless, despite the enormous differences that exist regardless of gender; men and women, as a group, show consistent differences in communication and speaking skills.

Numerous epidemiological studies have found that boys have significantly higher levels of communication, language, and speech disorders than girls. Similarly, the process of developing normal communication and language skills is faster and more developed in girls than in boys.

References

1. Brysbaert M.P (2018) How many words do we know? Practical estimates of vocabulary size dependent on word definition, the degree of language input and the participant's age. London, TT, 566 p.
2. Dunbar A.A. (2017) The social brain: mind, language, and society in evolutionary perspective. London, B2B press, 299 p.
3. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6509633/> - Gender and language 2021.
4. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4965448/> - How many language do we know? 2021.
5. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6509633/> - Gender differences in communication 2021.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

UDC 179.8

ON THE QUESTION OF ISLAM'S ATTITUDE TO ADULTERY

Tatyana Dorofeeva*Candidate of Philosophical Sciences, associate professor***Natalia Pugacheva***Doctor of Philosophy, associate professor**Penza State Agrarian University, Penza, Russia*[DOI: 10.5281/zenodo.10035103](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035103)

УДК 179.8

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА К ПРЕЛЮБОДЕЯНИЮ

Татьяна Геннадьевна Дорофеева*Кандидат философских наук, доцент***Наталья Петровна Пугачева***Доктор философских наук, доцент**Пензенский государственный аграрный университет, г. Пенза, Россия*

Abstract

The article reveals the attitude of Islam to adultery. The author, relying on the works of Muslim scholars, examines the purpose of Muslim marriage, types of adultery, various degrees of severity of adultery, Muslim prohibitions in the field of intimate relations between spouses, attitudes towards intersex people, how Islam prevents the adultery of its adherents.

Аннотация

Статья раскрывает отношение ислама к прелюбодеянию. Автор, опираясь на труды мусульманских ученых, рассматривает цель мусульманского брака, виды прелюбодеяния, различные степени тяжести прелюбодеяния, мусульманские запреты в области интимных отношений между супругами, отношение к интерсексуалам, о том, как ислам предотвращает прелюбодеяние своих адептов.

Keywords: marriage, sin, prohibition, Islam, the Koran, adultery.**Ключевые слова:** брак, грех, запрет, ислам, Коран, прелюбодеяние.

Прелюбодеяние в исламе называется «зина» (синоним «сифах»). Этот термин обозначает половой акт на добровольных началах между мужчиной и женщиной, которые не состоят в браке друг с другом [3].

Мусульманские ученые обеспокоены тем, что распушенность стала восприниматься в современном мире как естественное явление. Это во многом связано с непрерывающейся рекламой вседозволенности средствами массовой информации [2].

В исламе провозглашается институт брака как разрешенный союз между мужчиной и женщиной, цель которого деторождение. Доктор М.А. Рауф в своей книге «Брак в исламе» пишет, что в браке есть и другие преимущества: удовлетворение естественных побуждений, общение, комфорт и облегчение для души и т.д. Фактически все преимущества или выгоды рассматриваются как вторичная цель брака [4].

Посредством деторождения достигаются следующие задачи:

- увеличение человечества;
- распространение ислама путем роста числа последователей Мухаммеда;
- родители надеются оставить детей, которые будут молиться за них;

- согласно исламской вере, если ребенок умрет раньше родителей, молитвы ребенка в раю будут очень полезны для родителей [4].

Во многих культурах различают понятия «прелюбодеяние» и «блуд». Ислам этого различия не делает. Оба случая считаются большим грехом, но отличаются степенью наказания.

Муфтий Сухайл Тармахомед отмечает, что в Коране и в хадисах осуждается не только само прелюбодеяние, но и все действия, которые к нему могут привести. К таким деяниям и ситуациям относятся встречи и взгляды, поцелуи и объятия, комплименты и др. [5]. В Коране сказано: «Не приближайтесь к прелюбодеянию, ибо оно является мерзостью и скверным путем» (Коран, 17:32); «Вы не приближайтесь к мерзостям, явными из которых является зина, и к скрытым, которыми являются страстные прикосновения и поцелуи» (Коран, 6:151).

В исламе различают два вида зина: физический и эмоциональный. К физическому относят прелюбодеяние, совершенное:

- с близкими родственниками;
- с соседкой;
- с женщиной, у которой муж находится на войне;
- пожилыми мусульманами;
- женатыми людьми;

- неженатыми мужчинами;
- незамужними девушками [5].

Эмоциональный зина относится к внутренним чувствам и эмоциональным связям между лицами противоположного пола, которые превышают нормы дружбы и допустимые отношения между не состоящими в браке людьми.

В исламе запретными считаются также следующие действия:

- изучение или распространение порнографического материала;
- прослушивание запретного;
- неприемлемые разговоры или взаимодействие между мужчиной и женщиной, которые не являются близкими родственниками;
- прикосновение к половым органам другого лица;
- посещение борделей или клубов со стриптизом;
- гомосексуализм и лесбиянство;
- групповой секс;
- проституция;
- зоофилия;
- педофилия;
- некрофилия;
- садомазохизм;
- кастрация как средство воздержания от секса;
- изнасилование (насильственное прелюбодеяние).

Ислам запрещает интимные отношения между мужем и женой:

- во время критических дней;
- в течение сорока дней после родов (послеродовой период);
- в светлое время суток месяца Рамадан (т.е. во время поста);
- в период хаджа и умры;
- в виде анального секса.

Оральный секс не запрещен, но не рекомендован мусульманам, так как рот и язык используются для чтения Корана и для поминания Аллаха (зикр) [6]. Супругам запрещено разглашать кому-либо подробности интимных отношений, за исключением врача [1].

В исламе зина различается по степени тяжести:

- самый грех лежит на мужчине, вступающий в интимные отношения с замужней женщиной, нежели со свободной;
- увеличивается во много раз грех мужчины вступившего в связь с родственницей, которая не могла стать ему женой;
- зина пожилого человека является более тяжелым, чем зина молодого человека;
- степень тяжести греха больше у прелюбодеев, состоящих в браке (им назначается смертная казнь) по сравнению с теми, кто не состоит в браке (их наказывают публичным побиванием палками) [7].

Ислам установил средства защиты от прелюбодеяния в виде требования необходимого вступления в брак (при наличии для этого определенных условий) и разрешением на многоженство. Муж

обязан содержать жену и детей, давая все необходимое для жизни в достаточном количестве, поскольку бедность может спровоцировать совершение прелюбодеяния.

Защищает мусульман от прелюбодеяния и следующие запреты на:

- любые заигрывания с представителями противоположного пола;
- алкоголь;
- нахождение мужчин и женщин один на один, т.е. без свидетелей;
- путешествия женщин в одиночку;
- совместную деятельность мужчин и женщин, не состоящих в браке [7].

В исламе поднимается вопрос и о интерсексуалах – людях, имеющих смешанное проявление половых органов, их называют «кхунтха».

Они бывают трех видов:

1. человек оправляется только из мужского органа; он включается в число мужчин;
2. мочеиспускание у человека происходит из женского органа; на него возлагаются женские законы до периода половой зрелости. Если у человека разовьется грудь и появятся другие признаки женственности, она включается в число женщин. Если эти признаки не появятся, такой человек объявляется мужчиной;
3. когда мужской и женский знаки равны и невозможно определить, является ли человек больше мужчиной или женщиной, тогда такого человека называют кхунтха мушкил. Ему не разрешается носить шелк и украшения, путешествовать без махрама (близкого родственника). Когда такой человек умирает, над ним совершают не гусль (обрядовое омовение), а тайаммум (ритуальное очищение песком или камнем).

Что касается брака интерсексуалов, то в зависимости от того, как они классифицируются, могут жениться на представителе противоположного пола.

Таким образом, ислам определяет «прелюбодеяние» и «блуд» как большой грех, при этом различает их по степени наказания. Осуждается не только само прелюбодеяние, но и все действия, которые к нему могут привести (встречи и взгляды, поцелуи и объятия, комплименты и др.) Разрешаются интимные связи только в браке между супругами, но и здесь определены нормы. Ислам установил средства защиты от прелюбодеяния в виде требования необходимого вступления в брак и разрешением на многоженство, а также различными запретами (на алкоголь, нахождение мужчин и женщин наедине, путешествия женщин в одиночку и др.).

Список источников

1. Аляутдинов Ш. Оральный секс в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://umma.ru/oral-nuj-seks-v-islame> (дата обращения 12.09.2023).
2. Аляутдинов Ш. Прелюбодеяние в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://um-ma.ru/prelyubodeyanie-zina-vremya-iskupleniya-vsya-zhizn/> (дата обращения 12.09.2023).

3. Боголюбов А.С. Зина // Ислам. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/islam/d_i_slam_1991_164_bogolyubov.pdf (дата обращения 15.09.2023).

4. Исламская сексуальная юриспруденция [Электронный ресурс]. URL: https://alphare-dia.ru/w/Islamic_sexual_jurisprudence (дата обращения 17.09.2023).

5. Муфтий Сухайл Тармахомед Прелюбодеяние и блуд [Электронный ресурс]. URL: [https://askimam.ru/article/semeynye-](https://askimam.ru/article/semeynye-otnosheniya/zina-prelyubodeyanie-i-blud)

[otnosheniya/zina-prelyubodeyanie-i-blud](https://askimam.ru/article/semeynye-otnosheniya/zina-prelyubodeyanie-i-blud) (дата обращения 20.09.2023).

6. Нормы интимных отношений в исламе [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нормы_интимных_отношений_в_исламе#cite_note-51 (дата обращения 12.09.2023).

7. Что такое прелюбодеяние в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://obrazovanie-gid.ru/voprosy/chto-takoe-prelyubodeyanie-v-islame-opredelenie-prostymi-slovami-kratko.html> (дата обращения 12.09.2023).

UDC 179.8

ORTHODOXY ABOUT THE SIN OF LYING

Dorofeeva Tatyana

PhD, associate professor

Penza State Agrarian University, Penza, Russia

DOI: [10.5281/zenodo.10035121](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035121)

УДК 179.8

ПРАВОСЛАВИЕ О ГРЕХЕ ЛЖИ

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Канд. философских наук, доцент

Пензенский государственный аграрный университет, г. Пенза, Россия

Abstract

The article is devoted to the Orthodox view of the prohibition of lying. The author, relying on the works of Orthodox priests, reveals the concept of «lying» as a sin, shows the way to combat it and raises the question of punishment for lying in earthly and eternal life.

Аннотация

Статья посвящена православному взгляду о запрете на ложь. Автор, опираясь на труды православных священников, раскрывает понятие «ложь» как грех, показывает путь борьбы с ней и поднимает вопрос о наказании за ложь в жизни земной и вечной.

Keywords: God, sin, lies, punishment, Orthodoxy.

Ключевые слова: Бог, грех, ложь, наказание, православие.

В православной литературе отмечается, что ложь – одна из страшных примет современности. Ложью опутаны практически все сферы жизнедеятельности людей. Священник Дмитрий Смирнов пишет, что страшнее всего то, что существование лжи в нашей жизни уже не воспринимается как грех, а принимается как неизбежность и даже как двигатель жизни [5]. Православие стоит на позиции – любая ложь: и большая, и малая – грех: «всякая неправда есть грех» (1Ин 5:17). Согласно православию, ложь разрушает все, что связано с человеком. Из-за лжи распадаются семьи, общество, организации и даже целые государства.

В девятой заповеди сказано – «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». В православной литературе эта заповедь трактуется широко как запрет на всякую ложь во всех ее разновидностях. Определение грехов по девятой заповеди:

- осуждение близких;
- сочинение сплетен;
- слушание пересудов;
- празднословие;
- издевательство;
- непристойные шутки и розыгрыши;
- клевета на суде, начальству, на родных и знакомых;
- разглашение чужих грехов и пороков;
- подслушивание, подсматривание, наушничество;
- наговор, чтобы рассорить;
- перетолковывание слов и поступков в худую сторону;
- резкое высказывание о чьих-либо недостатках;

- лицемерие и лесть;
- заискивание перед начальством и сильными людьми мира сего;
- обман государства, начальства, родителей;
- раскрытие доверенных тайн;
- свершение добрых дел напоказ, чтобы заслужить добрую славу между людьми, а не из любви к Богу и ближнему [2].

Протоиерей Евгений Попов дает следующую характеристику лживому человеку:

- сообщает информацию заведомо не соответствующую действительности;
- обещает то, что и не собирается делать;
- опровергает правдивые сведения;
- скрывает свои действительные цели;
- сам желает знать всю правду;
- объявляет ложью то, что его не устраивает;
- не отвечает конкретно на поставленные вопросы, пускается в пространные, отвлеченные рассуждения;
- для прикрытия своей лживости много говорит о своих добродетелях;
- оспаривает обличения в грехах.

Отец Евгений считает, что со временем ложь становится самоцелью, приводящей человека к большим несчастьям по сравнению с теми, которые первоначально удалось избежать с помощью обмана. Отец Евгений отмечает, что к категории лжецов нельзя относить людей, которые по простоте основывают свое поведение на лжи, но воспринимают ложь как правду. Обманутые люди становятся лжецами, как только узнают правду, но не признают ее [4].

Патриарх Кирилл считает, что лживый человек непоправимо повреждает свою внутреннюю целостность, он как бы проводит границу между своими мыслями и своими делами, когда думает одно, а говорит другое. Такой человек неизбежно начинает жить двумя жизнями, одна из которых совершенно не совпадает с другой. Это греховное состояние, когда человек в своих отношениях с внешним миром предстает иным, чем является на самом деле по внутренней своей сути, называется лицемерием, лукавством или лезью. Эта двойственность вредит здоровью человека и разрушает его целостность [1].

Священник Михаил Шполянский отмечает, что с ложью можно бороться только в рамках религиозной жизни. Без этого практически невозможно вырваться из ловушки самообмана – сущность, которого заключается в непризнании своей вины, осуждении окружающих, превозношении своими мнимыми достоинствами. Все это разрушает отношения человека с Богом и ближними [6].

В православии определен следующий путь борьбы с ложью:

- покаяться во лжи и во вреде, который нанесен словами и поступками;
- уверовать в искупительную жертву Иисуса Христа и в то, что грех побежден на кресте, принять победу Иисуса Христа;
- всегда помнить, что при принятии Иисуса Христа Спасителем, Бог дает силу побеждать любой грех, в том числе и ложь;
- пребывать с Богом, посещать церковь, жить по Духу;
- просить у Бога силы Духа Святого для того, чтобы хранить себя в чистоте;
- читать Священное Писание и Священное Предание, где на примерах жизни людей, в притчах и заповедях проповедуется правильное отношение ко лжи;
- молиться и просить у Бога силы и мудрости говорить и поступать правильно и честно, а также отличать ложь от правды;
- если же все-таки солгали, преднамеренно или случайно, нужно просить у Бога прощения и верить в то, что Он простит;
- причащаться Дарами Христовыми [3].

Наказание за ложь. Лжецы часто подвергаются суровому суду Божию: лжецов ожидает гибель: «Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь» (Притч. 5:7).

1. В земной жизни лжецов после совершенного греха постоянно преследуют жизненные неудачи, либо они сами, неожиданно для всех, подвергаются тому наказанию, до которого хотели довести ближнего: «Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется» (Притч. 19:5); «Кто говорит ложь – погибнет» (Притч. 19:9).

Священник Михаил Шполянский пишет, что урон в земной жизни от нарушения девятой заповеди очевиден: вруну не верят; к лживому человеку

отношение в лучшем случае настороженное, а, как правило – презрительное; у лжеца не может быть настоящих друзей; у обманщика не может быть полноценной любви; у лгуна не может быть надежных деловых партнеров [5].

2. В вечной жизни:

- доступ в Царство Божие для лжецов закрыт: «И не войдет в него [в Небесный Иерусалим] ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21:27);

- лжецы будут низвергнуты в огненное озеро: «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Откр. 21:8).

Согласно православию, после смерти души лжецов даже за незначительную ложь и вынужденную ложь будут истязаться на мытарствах. По словам святителя Игнатия (Брянчанинов) на мытарстве лжи проходит испытание всякая нераскаянная ложь.

Итак, в православии любая ложь считается грехом. Лжецы наказываются и в земной жизни, и в вечной. Выход из греха лжи существует только в русле религиозной жизни: духовным усилием и благодатной помощью Божией через молитву, покаяние, причащение, чтение Священного Писания и Священного Предания.

Список источников

1. Кирилл (Гундяев) патриарх. О лжи [Электронный ресурс]. URL: http://odinblago.ru/taina_pokaiania/15 (дата обращения 10.09.2023).
2. О девятой заповеди Закона Божия [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/194608> (дата обращения 12.09.2023).
3. О лжи [Электронный ресурс]. URL: <http://cgazeta.ru/2017/4/1347-o-lzhi.html> (дата обращения 10.09.2023).
4. Протоиерей Евгений Попов Нравственное богословие для мирян [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Popov/nravstvennoe-bogoslovie-dlja-mirjan/ (дата обращения 10.09.2023).
5. Священник Дмитрий Смирнов. Грех лжи в аспекте христианской педагогики [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/deti/grekh-lzhi-v-aspekte-khristianskojj-pedagogiki-svyashh-dimitrijj-smirnov> (дата обращения 12.09.2023).
6. Священник Михаил Шполянский. Десять Заповедей Закона Божьего: их практическое применение в жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/desyat-zapovedej-zakona-bozhego-ih-prakticheskoe-primenenie-v-zhizni> (дата обращения 15.09.2023).

BUDDHISM ABOUT ADULTERY

Dorofeeva Tatyana,*Candidate of Philosophical Sciences, associate professor***Pugacheva Natalia***Doctor of Philosophy, associate professor**Penza State Agrarian University, Penza, Russia*[DOI: 10.5281/zenodo.10035149](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035149)

БУДДИЗМ О ПРЕЛЮБОДЕЯНИИ

Татьяна Геннадьевна Дорофеева*Кандидат философских наук, доцент***Наталья Петровна Пугачева***Доктор философских наук, доцент**Пензенский государственный аграрный университет, г. Пенза, Россия***Abstract**

The article reveals the attitude of Buddhism to adultery. The author, relying on the works of Buddhist teachers, reveals the concepts: «adultery», «unacceptable partner». The article describes the conditions that indicate a violation of moral rules in the area of intimate relationships and the origins of adultery.

Аннотация

Статья раскрывает отношение буддизма к прелюбодеянию. Автор, опираясь на труды буддийских учителей, раскрывает понятия: «прелюбодеяние», «недопустимый партнер». В статье описываются условия, свидетельствующие о нарушении нравственных правил в области интимных отношений и истоки прелюбодеяния.

Keywords: Buddhism, Buddhist morality, unacceptable partner, moral rules, adultery.

Ключевые слова: буддизм, буддийская мораль, недопустимый партнер, нравственные правила, прелюбодеяние.

Буддизм, как и другие традиционные религии отвергает супружескую неверность. В буддизме запрет на прелюбодеяние содержится в:

- Панча-шила;
- Восьми правилах;
- Восьмеричном благородном пути;
- Десяти заповедях буддизма;
- Десяти черных грехах (ламаизм).

В Панча-шила запрет на прелюбодеяние содержится в виде третьего правила. Его буквальный перевод: «Я принимаю правило воздерживаться от недопустимого поведения в отношении чувственных удовольствий» [3].

Американский буддийский монах Бхиккху Бодхи в труде «Принятие прибежища и этических правил буддиста-мирянина» дает характеристику недопустимому поведению следующим образом: «намерение вступить в половую связь, реализующееся через тело и приводящее к связи с недопустимым партнером» [3].

Согласно буддизму для мужчин непозволительными женщинами являются:

- находящиеся под опекой;
- родственницы;
- монахини и другие женщины, которые приняли обет безбрачия;
- замужние;
- помолвленные.

Для замужних женщин не допустима связь с любыми мужчинами, помимо мужа.

Бхиккху Бодхи в труде «Принятие правил обучения» отмечает, что в буддийских текстах упоминается четыре условия, наличие которых свидетельствует о нарушении третьего правила:

- партнер, половые отношения с которым запрещены по одной из вышеупомянутых причин;
- мысль или намерение вступить с ним в половой контакт;
- совершение самого полового акта;
- вовлечение против воли человека в недозволенные сексуальные отношения [2].

Восемь правил в буддизме – нормы поведения более высокого уровня. Данный комплекс правил имеет важное отличие – воздержание от половой распущенности заменяется на полное сексуальное воздержание: «Я принимаю правило воздерживаться от нецеломудрия» [3].

Данный свод может соблюдаться как временно, так и постоянно. Ко второму варианту, как правило, правило обращаются пожилые люди, вставшие на путь духовного совершенствования. К временному соблюдению восьми правил, миряне прибегают в течение медитативных ретритов (духовная практика; правила принимают на все время его проведения от нескольких дней до нескольких месяцев), а также в особые дни, называемые «Упосатха» (пребывание в монастыре; соблюдение Восьми правил длится в течение одного дня и ночи).

Бхиккху Бодхи отмечает, что два разных свода правил отвечают двум важным целям буддийской морали:

- создать барьер для безнравственных поступков, которые причиняют вред окружающим. Соблюдение Панча-шила предупреждает их совершение;
- направленность на духовный рост. Этому способствует следование Восьми правилами, которые учат сдерживать желания. Перемена в третьем правиле к полному половому воздержанию подчиняет сексуальное влечение, которое само по себе не считается безнравственным, но является сильным проявлением вожделения, которое следует держать под контролем для продвижения к более высоким уровням медитации [2].

Учитель тибетского буддизма А. Берзин в труде «Буддийская сексуальная этика: основные вопросы» отмечает, что буддисты стараются следовать срединному пути, пытаясь избежать двух крайностей. Это относится и к сексуальности:

- первая крайность – рассматривать интимные отношения как нечто грязное и нехорошее;
- вторая крайность – считать, что в половых отношениях допустимо все.

Буддийская мораль по отношению к сексуальным связям избегает этих крайностей [1].

Буддийский учитель Шри Дхаммананда в книге «Во что верят буддисты» отмечает, что в человеческой жизни секс должен занимать свое определенное место, и здесь не следует допускать как противоестественных запретов, так и нездорового раздувания. Секс также должен подчиняться контролю со стороны силы воли, и это возможно, если относиться к нему разумно и отвести в жизни должное место [5].

Постепенно в буддийской литературе стал расширяться круг сексуальных действий, которые стали относить к разрушительным – т.е. запрещенным. Среди них:

- оральный и анальный секс даже со своей собственной женой;
- интимные отношения в период беременности, кормления и день, время, когда один из супругов добровольно придерживается обета воздержания;
- половые отношения в общественных местах и там, где могут быть свидетели;
- гомосексуальность и мастурбация;
- изнасилование;
- половые отношения с несовершеннолетним (или лицом, «находящимся под защитой любого родственника»);
- добрачное сожительство со своей объявленной невестой [4].

Буддизм запрещает принуждение, психологическое давление, использование физической силы для вступления в половую связь даже если нет нарушения вышеизложенных норм.

Буддизм отрицательно относится к профессиям, связанным с сексуальной эксплуатацией и популяризацией интимных отношений.

Буддийские учителя, не поощряя проституцию, как правило, не вводят на нее активного запрета. Проститутки относятся к неподходящим партнерам для женатых мужчин, только если они не оплатили ее услуги.

Буддизм призывает к отказу от случайной половой связи под воздействием одержимости сексом. Добродетельной провозглашается удовлетворенность партнером в браке. Вдова или вдовец, а также разведенные люди вправе заключить брак с другим человеком.

Шри Дхаммананда отмечает, что:

- люди – это единственные существа, у которых нет заложенных природой периодов отсутствия сексуальной активности, во время которых организм может восстановить свои жизненные силы;

- сексуальное желание – это самая активная сила в человеческой природе, контролировать которую необходимо даже в повседневной жизни;

- эту мощную силу в человеческом существе можно обуздать только контролем – добровольным самоограничением; люди должны контролировать свое половое влечение, в противном случае они начинают вести себя хуже, чем животные, когда опьянены страстью;

- тем, кто хочет достичь высокого духовного уровня, рекомендуется безбрачие;

- мирские последователи буддизма могут себе позволить себе секс, который разрешен законом; причина здесь в том, что в законных половых отношениях ни у кого не возникает чувства вины и не имеет место эксплуатация одного партнера другим;

- секс не следует считать наиболее важной частью счастливой супружеской жизни; те, кто чрезмерно злоупотребляют собственными удовольствиями, могут стать рабами секса и это, в конце концов, разрушит любовь и уважительные отношения в браке. Нужно придерживаться умеренности и рациональности в сексуальных потребностях, учитывая личные чувства и темперамент партнера [5].

В буддизме считается, что истоки прелюбодеяния лежат в:

- алчности;
- невежестве;
- жадности;
- ненависти.

Таким образом, прелюбодеяние в буддизме определяется как интимная связь с недопустимым партнером. Таковыми для мужчин являются женщины: находящиеся под опекой, родственницы, монахини и другие женщины, которые приняли обет безбрачия; замужние; помолвленные. Для замужних женщин не допустима связь с любыми мужчинами, помимо мужа. В браке запретными для интимных отношений являются: анальный и оральный секс, интимные отношения в неподходящее время (периоды беременности, лактации, когда один из супругов добровольно придерживается обета воздержания) и недопустимом месте (в общественных местах и там, где могут быть свидетели). Буддизм также запрещает: гомосексуальность и мастурбацию, изнасилование, половые отношения с

несовершеннолетним, добрачное сожительство со своей объявленной невестой, принуждение, психологическое давление, использование физической силы для вступления в половую связь даже если нет нарушения вышеизложенных норм. Буддизм отрицательно относится к профессиям, связанных с сексуальной эксплуатацией и популяризацией интимных отношений. Согласно буддизму, в человеческой жизни секс должен занимать свое определенное место, и здесь не следует допускать как противоестественных запретов, так и нездорового раздувания.

Список источников

1. Берзин А. Буддийская сексуальная этика: основные вопросы [Электронный ресурс]. URL: [https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/putk-prosvetleniyu/karma-i-pererozhdenie-/buddiyskaya-](https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/putk-prosvetleniyu/karma-i-pererozhdenie-/buddiyskaya-seksualnaya-etika-osnovnye-voprosy)

[seksualnaya-etika-osnovnye-voprosy](https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/putk-prosvetleniyu/karma-i-pererozhdenie-/buddiyskaya-seksualnaya-etika-osnovnye-voprosy) (дата обращения 5.09.2023).

2. Бхиккху Бодхи. Принятие правил обучения [Электронный ресурс]. URL: <https://dhamma.ru/lib/authors/bodhi/wheel282b.htm?ysclid=llpb8jfbvf884558413> (дата обращения 12.09.2023).

3. Бхиккху Бодхи. Принятие прибежища и этических правил буддиста-мирянина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theravada.su/node/547> (дата обращения 17.09.2023).

4. Ермакова Т. Классический буддизм [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/religion-/religion-rel/309601-t-ermakova-klassicheskiy-buddizm.html> (дата обращения 15.09.2023).

5. Шри Дхаммананда. Во что верят буддисты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theravada.su/node/681> (дата обращения 15.09.2023).

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

DETERMINANTS OF ETHNIC BELONGING IN ADOLESCENTS. CROSS-CULTURAL INVESTIGATION

Roșca Tatiana

*assistant professor, PhD student,
Free International University of Moldova
[DOI: 10.5281/zenodo.10035163](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035163)*

Abstract

The sense of belonging is the expression of a fundamental need of each individual. It allows a person to feel fully a member of the community and it expresses the need for recognition and to have a role with associated expectations. In this sense, conformity with the perceptions, values, principles, patterns of behavior, norms and obligations arising from the institutions of a community, as well as respect for certain traditions, customs and concrete relational arrangements, is an essential condition for the recognition of belonging. Thus, the goal of this research work is to highlight the loyalty of young generations, Moldovan adolescents, to their community, which is translated into the sense of belonging. Particularly, we refer, here, to that attitude with which trust and unconditional attachment to the community and its institutions are expressed, whether this trust and attachment are supported and motivated by a conscious experience of reality, or whether they are based only on a representation of it, or on an idealization resulting from ideological conditioning.

Keywords: sense of belonging, identity, identification process, immigrant adolescents, ethnic identification, loyalty.

Introduction

The term *belonging* is used to denote an individual's affiliation with a community that can be defined by social, cultural, legal or territorial criteria. It can be a group, an association, a community, a socio-professional category or a social class. In this first sense, the term *belonging* indicates a condition for the inclusion of an individual in a community or his/her recognition as a member of it (Hobsbawn, 1983). Thus, the issues related to this use of the term refer to the modalities of inclusion (or exclusion) and the presuppositions of recognition (non-recognition or disavowal) on which both the constitution and the composition depend, as well as the social limits of the community taken into account and the relations between its members.

The second meaning of the term *belonging*, closely linked to the first one, is used to describe the feeling of identity, which is the expression of an adherence, of a cultural, ideological or emotional nature, to the distinctive and founding contents of a community. When speaking about belonging in this context, we refer to the process of identifying people with the community they belong to. Therefore, this identification implies a self-recognition in the prevailing and characteristic values, norms, lifestyles and behaviors of a community or sharing its history and traditions, as long as these distinctive features or historical-cultural matrix are socially recognized (Wallerstein, 1991).

In the same line, the concept of belonging is attributed to specific ways of social relations between individuals. We are talking about *belonging relationships*, alluding to various forms of exchange, cooperation or protection, which are established between individuals, when they assign each other a connection, a common goal or interest, the same faith, a common family, a social and cultural origin. Problems related to this meaning of the term relate in particular to the processes of setting up and reproducing social groups or

networks, in which similar privileged relationships are created and the recognition of individuals as components of these groups, where the rules of access (or exclusion) depend on one's position or role, the advantages, but also the constraints of being part of it.

Similarly, the term *belonging* is used to describe a fundamental human psychological need, which manifests itself since childhood and whose satisfaction depends on emotional balance, self-esteem and motivational processes, sense of acceptance, self-acceptance, sense of security and self-perception. In this sense, the term refers both to the dimension that has to do with the need to care for the other and to entrust oneself to the care of another. In other words, we refer to a need which is expressed in those emotional connections of understanding and intimacy which characterize interpersonal relationships and which acquire special importance in the construction and reproduction of the identity (Blau, Schwartz, 1985).

Therefore, the meanings of the notion obviously refer to different dimensions of belonging, thematized in the social sciences, appealing to specific aspects and referring to the conditions of recognition of individuals as members of a social group or category.

In this context, as a constitutive element, we can highlight first of all the family bond (Hobsbawn, 1983). Although the foundations of belonging are diversified and multiplied as well as the dimensions and spaces of identity expression, the family bond continues to take the form of the primary foundation of the sense of belonging, which is established in interpersonal relationships and which is projected onto forms of organization of social life. Thus, the character attributed to family belonging acts on the process of establishing the same social identity of individuals. The strength and persistence of this connection can be traced to the social importance attributed to the relations of consanguinity and affinity, as discriminatory criteria: both for establishing

emotional relationships and mutual care, which are functional to physical reproduction and satisfaction of the basic psychological needs of each individual in the different phases of his life, as well as to the cooperative relations, characterized by a high degree of trust and loyalty. Cooperative relationships, which can be activated according to different needs and purposes, are related to everyday life as well as to social relations, economic and political activity, which take place within any community.

A second basis of belonging can be identified in the socio-cultural matrix of a community, or rather in that set of distinctive elements such as history, traditions, language, religion, customs and lifestyles, social and economic patterns and organization (Held, 1989, p. 192). In other words, we refer to those elements on which the collective identity of a people, a community or even a generation is built. The recognition of a common socio-cultural matrix, which can also be summarized in a pre-eminent or distinctive factor (of a religious, ideological, historical and ethno-linguistic nature), is the foundation of that type of belonging, which is expressed in the form of a sense of collective identity and which is symbolically evoked by socially codified cultural images or patterns that are sufficiently shared both within and outside the community in question. This feeling manifests itself in the social representations which are nurtured by historical memory, cultural production, institutions and the normative and value frameworks of a people or a community, as well as in all those events and symbolic modalities that perform a supporting function for the complex process of contemporary identity maintenance and redefinition.

Sharing the same social status can also act as a basis for bonds and feelings of belonging, namely the recognition of a common condition, which derives from the social role which is covered and the position in the social stratification with all which follows from it. Thus, the more social importance is given to the status, the more effective it is in determining a sense of identity and belonging (Held, 1989, p. 201). This meaning can also have a negative connotation and therefore be at the origin of forms of prejudice, exclusion or social marginalization.

Another foundation of belonging can be identified in sharing common goals (Mouffe, 1992). This refers to belonging to a group, to an association, which pursues objectives that can be of an economic, political, religious, cultural, ideological or territorial control nature. These goals can be embedded in the cultural and regulatory framework of a society, where the organizations pursuing them enjoy social legitimacy. In some cases, they may also be an expression of some forms of social deviance, as organizations which operate more or less covertly, according to illegal methods, subversives of the institutions of a society, or whose actions cause widespread social disapproval, even if they do not explicitly conflict with any rule sanctioned by the regulations in force.

Finally, belonging can be based on common experience, shared experiences and life situations, whether they are current or from the past (Featherstone, 1991). Particularly, we refer to the founding elements of that

type of belonging, which are expressed in the field of interpersonal relationships, from those established within the so-called primary groups to those which are built in spaces and opportunities of everyday life. The most diverse feelings of belonging range from those that arise from privileged interpersonal relationships, to those that unite people of the same generation who feel that they have shared life conditions, ideals or crucial historical events. Those feelings which connect fellow soldiers with a dramatic war experience on the same front, as well as those that establish among members of a small community, are included, too. The more significant life experiences are in an individual's biography, the stronger their sense of belonging is. This is established with those who have shared or share such experiences and with those who are perceived as a significant presence in one's existence and memory (Robertson, 1992).

Referring to Moldovan adolescents in the diaspora, loyalty to their belonging can be the disposition to assume the position of protection and defense of the image and good name of the community to which they belong, or that mental attitude, often unconscious, but sometimes instrumental, for which they are inclined to justify and legitimize their actions. It can be an internalized identity content as a result of a „natural” identification with the community of belonging induced by socialization processes or by the fact that one has an already sedimented experience of this belonging from childhood, or it can be an identity content that emerges and manifests itself at a certain moment of the individual biographical path, as a result of choices which were made, activities which were undertaken, intellectual development, relationships which begun (or were broken), vicissitudes in the personal sphere or events occurring in the social and environmental context in which people are currently embedded. This content can be added to pre-existing content, creating a new identity structure and with it a new sense of belonging to (or redefinition of) a community, or it can manifest itself as a substitute effect of other identity content, which for some reason lost its meaning.

The purpose of this work is therefore to capture the sense of belonging to an ethnic identity in order to see the importance of ethnic belonging and to assess the interrelations between majority and minority ethnic groups as parameters of ethnic identity in the case of Moldovan adolescents who are immigrants in Italy and Moldovan adolescents who live in the Republic of Moldova.

Research hypothesis: The parameters of ethnic identification in Moldovan adolescents are determined by status and place of living.

Methodology and methods

In order to study the determinants of ethnic belonging, both in the case of Moldovan immigrant adolescents in Italy and Moldovan adolescents in the Republic of Moldova, we used O. L. Romanova questionnaire, which is designed to measure the parameters of ethnic identification: *the sense of belonging to an ethnic identity* (questions: -5, -7, +8, +9, -11, -13, +21), *the importance of ethnic identity* (questions: +1, +3, +4, +6,

+10, +12, -14) and *the assessment of interrelations between the majority and minority ethnic groups* (questions: +2, +15, +16, -17, +18, -19, +20). The questionnaire is made up of 21 statements, which reflect different points of view. As for the answers, they contain a degree of agreement or disagreement according to the following scale: 1 - *absolutely agree*; 2 - *agree rather than disagree*; 0 - *cannot answer*; -1 - *rather disagree than agree*; -2 - *absolutely disagree*. Direct and indirect questions are taken into account in the evaluation.

Thus, the importance of the evaluation should be changed to a reflective one in the case of questions marked with a "minus" sign. For instance, the answer: *absolutely agree* will be given 5 points, but by changing the importance to a reflective one, the respondent will be given 1 point, the answer: *agree rather than disagree* will be given 4 points (reflective - 2 points), the answer: *cannot answer* - 3 points, the answer: *rather disagree than agree* - 2 points (reflective - 4 points) and the answer: *absolutely disagree* - 1 point (reflective - 5 points). As a result, the mean values (M) were calculated for each scale and group of respondents, and the

extent to which the presented parameters characterize the evaluation of Moldovan adolescents was determined, as well as the standard deviation (Стефаненко, 1999, p. 48).

Subsequently, the empirical data comparison procedure was carried out with regard to the parameters of ethnic identification among Moldovan adolescents in Italy and Moldovan adolescents in the Republic of Moldova, using the T-Test for independent samples.

The investigation took place between December 2018 and October 2019, the research sample being made up of 215 teenagers (110 from the Republic of Moldova, Chisinau and Florești and 105 from Italy, regions: Lombardy, Emilia-Romagna, Liguria and Veneto), aged between 14 and 18.

Results and discussions

In order to reveal statistically significant differences between Moldovan adolescents in the Republic of Moldova and Moldovan adolescents in Italy, we used the independent samples T-Test.

The following data was highlighted after the results were obtained:

Table 1.

Comparison of ethnic identification parameters between Moldovan adolescents in the Republic of Moldova and Moldovan adolescents in Italy

	The mean of Moldovan adolescents in the Republic of Moldova + / - The Standard deviation	The mean of Moldovan adolescents in Italy +/- The Standard deviation	T-Test	Significance of the difference between the means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	25,40 +/- 4,86	17,90 +/- 6,85	9,210	p < 0,001	p < 0,001
The importance of ethnic belonging	25,59 +/- 4,75	18,15 +/- 6,93	9,139	p < 0,001	p < 0,001
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	27,25 +/- 5,76	16,01 +/- 7,51	12,282	p < 0,001	p < 0,001

We observed statistically significant differences for all scales as a result of comparing data on the parameters of expressing a sense of ethnic identification: *the sense of belonging to an ethnic identity* (T=9,210, p<0,001), *the importance of ethnic belonging* (T=9,139, p<0,001), *the interrelations between the majority and minority ethnic groups* (T=12,282, p<0,001). In all cases, Moldovan adolescents from the Republic of Moldova obtained significantly higher results compared to Moldovan immigrant adolescents from Italy, which in our opinion can be explained by the awareness of being part of a stable community, which is an important reference in the ethnic identification pathway and it has an influence on their perception associated with culture, ethnicity, religion, customs and traditions, which leads directly to the establishment of a deep sense of national pride and a sense of inclusion and perception of their own personal values in the context of their daily lives, feeling themselves as full members of the Moldovan community.

However, when we refer to the results of Moldovan adolescents in Italy, regarding the ethnic identification parameters, we can observe *the fingerprint* of the context in which they currently live, the minority position they hold in their host country, along with the idea of being suspended between two worlds, which feeds their state of non-acceptance and „inadequacy” to both contexts, since „there has not been that integral and total adherence to their own world, culture, society”, which would develop their sentimental, psychological bond with the Republic of Moldova, an identity value which is an exclusive reference for a people.

Furthermore, in order to obtain a more complex picture regarding the ethnic identification parameters, we made several comparisons between Moldovan adolescents in the Republic of Moldova and Moldovan adolescents in Italy, according to gender and place of living. The results are reflected in the following tables:

Table 2.

Comparison of ethnic identification parameters between Moldovan adolescents in the Republic of Moldova and Moldovan adolescents in Italy, according to gender

	The mean of male adolescents +/- The Standard deviation	The mean of female adolescents +/- The Standard deviation	T-Test	Significance of the difference between means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	21,27 +/- 6,42	22,19 +/- 7,51	- 0,968	p = 0,334	
The importance of ethnic belonging	21,24 +/- 6,71	22,65 +/- 7,20	- 1,482	p = 0,140	
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	20,78 +/- 8,71	22,70 +/- 8,67	- 1,619	p = 0,107	

The received results did not reveal any statistically significant differences.

Table 3.

Comparison of ethnic identification parameters between male adolescents in Italy and female adolescents in Italy, according to gender and place of living

	The mean of male adolescents in Italy +/- The Standard deviation	The mean of female adolescents in Italy +/- The Standard deviation	T-Test	Significance of the difference between means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	18,66 +/- 6,15	16,81 +/- 7,70	1,310	p = 0,194	
The importance of ethnic belonging	18,71 +/- 6,47	17,35 +/- 7,54	0,963	p = 0,339	
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	16,85 +/- 8,00	14,79 +/- 6,63	1,440	p = 0,153	

Once the results have been processed, in terms of expressing a sense of ethnic identification, among male adolescents and female adolescents in Italy, no statistically significant differences were found in any of the given scales: *the sense of belonging to an ethnic identity* (T = 1,310, p = 0,194), *the importance of ethnic belonging* (T = 0,963, p = 0,339), *the interrelations between the majority and minority ethnic groups* (T = 1,440, p = 0,153).

the sense of belonging to an ethnic identity (T = 1,310, p = 0,194), *the importance of ethnic belonging* (T = 0,963, p = 0,339), *the interrelations between the majority and minority ethnic groups* (T = 1,440, p = 0,153).

Table 3.1.

Comparison of ethnic identification parameters between male adolescents in the Republic of Moldova and female adolescents in the Republic of Moldova, according to gender and place of living

	The mean of male adolescents in the Republic of Moldova +/- The Standard deviation	The mean of female adolescents in the Republic of Moldova +/- The Standard deviation	T-Test	Significance of the difference between means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	25,02 +/- 4,76	25,64 +/- 4,94	-0,649	p = 0,517	
The importance of ethnic belonging	24,88 +/- 5,24	26,04 +/- 4,40	-1,253	p = 0,213	
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	26,44 +/- 6,25	27,78 +/- 5,40	-1,188	p = 0,237	

Similarly, as in the case of adolescents in Italy, we observe that there are no significant differences between male adolescents and female adolescents in the Republic of Moldova in any of the given scales: *the*

sense of belonging to an ethnic identity (T=-0,649, p=0,517), *the importance of ethnic belonging* (T=-1,253, p=0,213), *the interrelations between majority and minority ethnic groups* (T=-1,188, p=0,237).

Table 3.1.2.

Comparison of ethnic identification parameters between female adolescents in Italy and female adolescents in the Republic of Moldova, according to gender and place of living

	The mean of female adolescents in the Republic of Moldova +/- The Standard deviation	The mean of female adolescents in Italy +/- The Standard deviation	T- Test	Significance of the difference between means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	25,64 +/- 4,94	16,81 +/- 7,70	6,685	p < 0,001	p < 0,001
The importance of ethnic belonging	26,04 +/- 4,40	17,35 +/- 7,54	6,850	p < 0,001	p < 0,001
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	27,78 +/- 5,40	14,79 +/- 6,63	11,241	p < 0,001	p < 0,001

Comparing the obtained results regarding the parameters of expression of the sense of ethnic identification, we can find significant differences between the two groups of subjects on all scales: *the sense of belonging to an ethnic identity* (T=6,685, p<0,001), *the importance of ethnic belonging* (T=6,850, p<0,001),

the interrelations between majority and minority ethnic groups (T=11,241, p<0,001). In this sense, female adolescents in the Republic of Moldova obtained statistically significantly higher results than Moldovan female adolescents in Italy in all cases.

Table 3.1.3.

Comparison of ethnic identification parameters between male adolescents in Italy and male adolescents in the Republic of Moldova, according to gender and place of living

	The mean of male adolescents in the Republic of Moldova +/- The Standard deviation	The mean of male adolescents in Italy +/- The Standard deviation	T- Test	Significance of the difference between means (p)	The significance level
The sense of belonging to an ethnic identity	25,02 +/- 4,76	18,66 +/- 6,15	5,964	p < 0,001	p < 0,001
The importance of ethnic belonging	24,88 +/- 5,24	18,71 +/- 6,47	5,186	p < 0,001	p < 0,001
The interrelations between the majority and minority ethnic groups	26,44 +/- 6,25	16,85 +/- 8,00	6,881	p < 0,001	p < 0,001

After analyzing the received results, as in the case of female adolescents, we can see significant differences between the two groups of subjects on all scales: *the sense of belonging to an ethnic identity* (T=5,964, p<0,001), *the importance of ethnic belonging* (T=5,186, p<0,001), *the interrelations between majority and minority ethnic groups* (T=6,881, p<0,001). At the same time, male adolescents in the Republic of Moldova obtained statistically significantly higher results than Moldovan male adolescents in Italy in all cases.

Conclusions

1. Based on the results mentioned above, we can clearly notice that the importance of the parameters concerning the expression of the sense of ethnic identification was different among the adolescents in the Republic of Moldova and Moldovan adolescents in Italy. Therefore, compared to Moldovan adolescents in Italy, adolescents in the Republic of Moldova obtained statistically significant higher scores on all scales: *the sense of belonging to an ethnic identity*, *the importance of*

ethnic belonging, *the interrelations between the majority and minority ethnic groups*.

2. The results of comparisons between adolescents from the Republic of Moldova and Moldovan adolescents from Italy with regard to the ethnic identification parameters highlighted the following:

- In terms of gender (in the case of adolescents in the Republic of Moldova and adolescents in Italy), no statistically significant differences were found.

- In terms of gender and place of living, we remark that female adolescents in the Republic of Moldova show statistically significant results on all parameters of ethnic identification compared to Moldovan adolescents in Italy.

The same situation was revealed in the case of male adolescents, where male adolescents in the Republic of Moldova obtained statistically significant results at all scales, with respect to Moldovan adolescents in Italy.

Thus, in the light of the interpreted data, we can conclude that Moldovan adolescents in the Republic of Moldova manifest an ingrained sense of belonging,

fuelled by a lot of emotional involvement, recognized as an essential reference of their identity: „*Moldova and I are like mother and son. I feel part of it, because I was born from the dust of this land*” (A., 18 years old).

However, regarding Moldovan adolescents who are immigrants in Italy, we can observe that the importance of the sense of belonging bifurcates into double belonging, since over time adolescents establish close ties with both the country of origin and the host country. And it is not excluded that the relationship with the current place of living, in time, becomes much more significant in relation to the place of origin. In this sense, one adolescent affirms that Italy, for him, is like „*a nest and he is like a cuckoo*”, attributing a lot of importance to his origin. Of course, this requires further research to clarify the genesis of this feeling, which certainly influences their perception of belonging on the background of migration.

References

1. Blau, P., Schwartz, J. *Crosscutting Social/ Circles. Testing a Macrostructural Theory of Inter-group Relations*, New York: Academic Press, 1985.
2. Featherstone, M. *Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity*, London: Sage, 1991.
3. Held, D. *Citizenship and Autonomy*. In: *Political/ Theory and the Modern State*, Stanford: Stanford University Press, 1989, pp. 189-213.
4. Hobsbawn, E., Ranger, T. *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
5. Mouffe, C. *Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community*, London: Verso, 1992.
6. Robertson, R. *Globalization. Social/ Theory and Global Culture*, London: Sage, 1992.
7. Wallerstein, I. *Unthinking Social/ Sciences: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*, Cambridge: Polity Press, 1991.
8. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности. Диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук, Москва: Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, 1999, 48 с.

SOCIAL SCIENCES

THE DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY AFTER THE 40S IN ALBANIAN LANGUAGE

Edita Stojani,

*Dr., Polytechnic University of Tirana,
Faculty of Mathematics Engineering and Physics Engineering
Centre of Foreign Languages,
Albania*

Isida Shehu

*Dr., Polytechnic University of Tirana,
Faculty of Mathematics Engineering and Physics Engineering,
Centre of Foreign Languages,
Albania*

[DOI: 10.5281/zenodo.10035177](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035177)

Abstract

The purpose of this article is to treat and highlight one of the ways that has been followed for the enrichment of the terminology in the Albanian language. This lexicon has been enriched by using different linguistic tools such as linguistic calques, composites, derived words, neologisms. The methodology used is analytical, analyzing derived words based on grammatical categories.

Keywords: derived word, lexicon of the Albanian language, borrowings, lexicon of mechanics

Introduction

In contrast to general language, terminology requires regular proportions in the same amount of terms and concepts in the terminological lexicon. In this context, the purifying process must maintain the correct understanding of the concept - term rather than the lexical sign. According to Duro A. (1995), if the meaning of the general word can vary with synonyms, the concept expressed by the term in Albanian should be given only with a sign or the synonyms should be absolute synonyms.

One of the main characteristics of the mechanics lexicon for example is the diverse use of suffixes for derived formations, which has been conditioned by the tendency to cover technical concepts with Albanian words as well as by the attempt to differentiate different concepts on the linguistic level.

Duro (1995) distinguishes six groups of important factors for the pronunciation of Albanian terminology:

- 1) Intra-terminological factors.
- 2) Extra-terminological factors.
- 3) Inter-terminological factors.
- 4) Historical factors.
- 5) Social and political factors.

6) Organizational - planning factors are a logical consequence of the influence on them of social and political factors, of language policy in the field of terminology. They are closely related to the treatment of terminology as a practical social activity, where organized and planned work by the organisms that deal with it occupies an important place. So here it is necessary to establish the relevant structures to create a terminological data bank and the drafting of terminological dictionaries.

In this field there are many studies by Albanian researchers such as Dodbiba L. (1972), Samara M. (1972), Papa A, Leka F (1988), Sima K., Keta B (1989) Cipuri H. (1989) etc. .

Results and discussion

Relying on the existing models of word formation in the Albanian language, many nouns, adjectives and verbs and less adverbs have been built in this lexicon through derivation.

We will analyze the derived words according to the grammatical categories they represent:

Noun

Derived formations Noun+Noun

These formations are mainly based on the relationships that exist between the derived noun and the basic noun form itself. A prominent place in these derived formations is occupied by the relationship of diminution, for the expression of which the elements such as *th* - *topth* (Eng. *ball*), *nyjth* (Eng. *knot*), etc. *zë*- *urëzë*, *kokërrzë*, *dorzë*, *gjuhzë*, *sharrzë*, *gojëz*, *thikëzë*, *fyellzë*, *arkëzë* (Eng. *bridge*, *grain*, *hand*, *tongue*, *saw*, *mouth*, *knife*, *flute*, *crate*) etc.; *kë*, for example, *rrotkë*, *unazkë*, *govatkë* (Eng. *wheels*, *rings*, *washtub*), etc. Many formations are realized based on the relationship between the object represented by the basic noun form and the place or device expressed by the derived form, in which this object functions, in this case the suffix *or*; *tor* for example: *avulllore*, *farkore*, *fijetore*, *kullestore*, *vizatore*, *zjarrtore*, *tymore* (*steamer*, *forge*, *threader*, *colander*, *workers*, *rafters*, *furnace*), etc. served here. Another relationship encountered in many derived noun formations is that between the object and its producer or user. To realize this type of relationship, have served the suffix like *ar*, for example, *tajar*, *timonar*, *tymtar*, *kthistar*, *hekurtar*, *furrëtar* (Eng. *carpenter*, *a helmsman*, *a smoker*, *a turner*, *an ironworker*, *a baker*) etc.; *xhi* such as *motorxhi*, *teneqexhi*, *kazanxhi*, *kallajxhi* (Eng. *motorcyclist*, *tinsmith*, *boilermaker*, *tinker*) etc.; The suffixes *inë*, *isht* are mainly used to realize the relationship between the object and its remains, such as *limurinë*, *hekurishte*, *hekurinë*, *qelqurinë* etc.

The relationship between the object and its condition is expressed by means of suffixes that appear productively in formations such as *dellsi*, *vishkullsi*, *rrafshësi*, *zjarrësi*, *ndryshkësi*, *largësi* etc. The object in these formations is represented by the nominal productive subject.

To express some technical concepts, words from the general lexicon of the language have been used, which have been modified by being equipped with additional elements, for example, the element *(ë)s* has been added to a few words with general use to differentiate these from their use special, for example *tymsi*, *hovsi*, *gishtsi* etc. This element appears quite productive for the formation of nouns derived from the nominal subject.

Derived Verb+Noun formations

For the formation of the names of this group, a number of suffixes with a more or less specialized meaning are used, for example *(m)je* and *im* for the process of action, such as *rrëshqitmje*, *ndemje*, *kalitmja*, *ngru\imja*, *tretje*, *presje*, *merentim*, *trazim* etc. (Eng. *sliding*, *stirring*, *tempering*, *freezing*, *digestion* etc.); *esë* for the result of the action such as *shkëlqesë*, *meremetesë*, *gërresë* etc. *(ë)* as without the condition as *bartësi*, *ngritësi*, *përkulesë*, *depërtsi*, *përshkrimsi* etc. (Eng. *carrier*, *lifter*, *bending*, *penetration*, *description*, etc.) / *ore* or *tore* for the place where the implied action is performed in the verbal subject, e.g. *dredhtore*, *shkrinjëtore*, *kullore* etc.

Some other suffixes are used to form verb nouns or that mark the tool that performs the action of the verbal subject, for example, *dëftak*, *dëftues*, *përdasi*, *mbështjellës*, *këthyes*, *kollojse*, *notues*, *fluturonjës*, *ngrehse* etc.

Most of these nouns are formed based on an indeterminable verb such as *notues*, *shkelsor*, *kollor* etc. The rest are formations whose origin is motivated according to the structure (Noun Verb) Noun, so they are realized on a noun subject. Here are introduced the formations with the suffixes like *im* *sheshim*, *gëlqerim*, *pikëzim*, *prodhim*, *kryqëzim*, *qëndrim* etc.; *ues* as *pluhurues*, *birues*, *shenjues*, *rregullues*, *depozitues* etc.; *onjës* *trajtonjës*, *daltonjës* etc.; *osës* *vijosës* etc. The third subgroup consists of terms that express the initial concept with an adjectival term, such as *drejtues*, *shtremsinat*, *rrallim* etc.

Derived formations Adjective+Noun

A good number of these formations are realized based on a non-motivative adjectival subject, mainly marking the state or property of the corresponding adjective. Here are entered the formations with *(ë)si* such as *ftohtësi*, *matësi*, *shtangësi*, *tërthorësi*, *gjanësi*, *gjatësi*, *plotësi*, *ngurtësi*, *rendësi*, *pingulsi* etc. (Eng. *coldness*, *measure*, *heaviness*, *transversality*, *similarity*, *length*, *fullness*, *hardness*, *importance*, *perpendicularity*), etc.

The second group consists of formations with structure (Verb+Noun)Noun, that is, the initial concept is represented by a verbal subject as the basic forms of these formations such as *ndjenjëshmësi*, *qëndrueshmësi*

etc. (Eng. *emotionality*, *stability*), etc. The third group consists of terms with the structure (Noun+Adjective)Noun where the initial concept is expressed with a name such as *llastikësi*, *qartësi* etc. (Eng. *elasticity*, *clarity*), etc. For the formation of derived nouns in the lexicon of mechanics in this period, the suffixes *im*, *je*, *as*, *or*, *tor*, *ues* are the most popular.

Adjective

Derived formation Noun+Adjective

The main suffixes that serve to form compound adjectives with a noun base are *or* such as *hekuror*, *lëndor*, *pluhuror*, *qelqor* (Eng. *iron*, *materially*, *dusty*, *glassy*), etc.; *shëm* like, for example, *brylshëm*, *i pjatshëm*, *i ajrshëm*, *i paralelshëm*, *i yndyrshëm*, *i ujshëm*, *i magnetshëm* etc.; *at-ak* such as *fluturak*, *lojtak*, *pluhnak*, *veshtullak* etc.; *ues* such as *pjatues*, *konues* etc.; *(ë)se* such as *ujse*, *zjarrse*, *motorëse*, *thëngjillëse* etc.; *ik-* *magnetik*, *metalik* etc.;

Derived formation Verb+Adjective

Derived adjectives formed from verbs are divided into three groups:

- Adjectives in which the initial concept is represented by a noun such as *e dhëmbëzue*-e, *të forcue*-e, *frenues*, *e fuqizue*-e, *transmissionues*-e, *të kallajisura*, *i kokrrizum* etc. In general, the suffix *ues-e* is used in an active sense, that is, the qualified object performs the action implied by the productive subject of the adjective, e.g. *inhibitory*, but in some cases this suffix is used with different modifying meanings, such as in the formations (note) *shkallëzuese*, *dhëmbëzues*, *cilindruese*, *lakuese* etc.

- Adjectives in which the initial concept is represented by a verb, e.g. *i ngritshëm*, *i depërtueshëm*, *depërtues*, *i djegshëm*, *i rrëshqitshëm*, *rrëshqitës*, *rrjedhës*, *i rrjedhshëm*, *veçuese*, *i tretshëm* etc. (Eng. *elevating*, *permeable*, *penetrating*, *combustible*, *slippery*, *sliding*, *flowing*, *flowing*, *separating*, *soluble*), etc.

- Adjectives in which the initial concept is expressed by an adjective, as in the case of *te vjetëruar*, *i praktikueshem* etc., (*outdated material*, *practicable*), etc.

Derived formations Adjective+Adjective

Both the adjective representing the initial concept and the derived adjective formed with the help of the adverbial element mark the same concept, so the suffix here conceptually represents a pleonastic element, for example *elektrikore*, *i normalshëm*, *i automatikshëm*, *i paralelshëm* etc.

Verb

Derived formations Noun+Verb

The relationships that exist in these formations between the basic noun subject and the derived verbal form are among the most diverse, based on which these resulting concepts are motivated as:

- Return something in the form or state of the object represented by the noun subject, for *çelikos*, *dhëmbëzonz*, *sheshoj*, etc.

- To wear something with the metal of the object represented by the noun subject, such as *remtue*, *mezinkue*, *celikonj* etc.

- To work something by means of the object expressed by the noun subject, for example *daltue, tajue, trinue*, etc.

Derived formations Adjective+Verb

The formations of this group are few, where you can mention *ngurtoj, naltosej*, etc.

Adverb

Verb-derived formations can be divided into two groups:

Those that are formed on a noun subject.

Those that are formed on an adjectival subject, for example automatically, hermetically, technically, indirectly, etc.

Among these formations are also some derived adverbs of the noun type (i) **sht**, the use of which was limited within that period.

Conclusions

Terminology, as an interdisciplinary science that studies the formation and systematization of concepts of different fields of science and technology, has as its main object the concept and the term. It uses the concepts that it borrows from some other fields such as logic, information, etc. to implement its terminological analysis, which differs from linguistic analysis. The latter can be word formation analysis, semantic analysis, syntactic analysis, etc. while the terminological analysis consists in the identification of concepts and the definition of relationships between concepts based on which the construction of the conceptual system in a certain subject area is realized.

Starting from the linguistic point of view, any sound form that expresses a lexical meaning is treated as a word and is subject to linguistic laws both in terms of expression and content. While starting from the terminological point of view, every sound form representing a concept is treated as a term and is subject to certain terminological laws both in terms of expression and content.

References

1. Cipuri H., 1989, Zhvillimi i terminologjisë ushtarake pas Çlirimit, Studime mbi leksikun dhe formimin e fjalëve në gjuhën shqipe III, Tirane, p. 691
2. Dodbiba L., 1972 Leksiku i sotëm detar i shqipes dhe elementet e tij të pahuazuara, Studime mbi leksikun dhe formimin e fjalëve në gjuhën shqipe II, Tirane, p. 239 - 264
3. Duro A. 1995, Probleme të shqipërimit të terminologjisë në kohën tonë, Studime Filologjie 1-4, Tirane, p. 83-90
4. Fjalor i termave themelorë të mekanikës, Tiranë, 2002
5. Lafe E., 1989, Lufta për pastërtinë e gjuhës në kohën tonë, Studime mbi leksikun, III, Tirane, p. 243
6. Lafe E., 2009, Leksiku terminologjik si problem gjuhësor dhe kombëtar, Gjuha Jonë Qendra e Studimeve Albanologjike, Instituti i Historisë dhe i Letërsisë, Tirane, p. 29 - 35
7. Leka F. 1989, Terminologjia tekniko shkencore dhe gjuha e sotme letrare shqipe, Studime mbi leksikun dhe mbi formimin e fjalëve në gjuhën shqipe III, Tirane, p. 646
8. Leka F., 1980 Vëzhgime gjuhësore dhe leksikografike mbi termat në shkronjat N dhe S të FGJSSH, Monografi, Tirane, p. 48
9. Omari A., 2009, Vëzhgime rreth zhvillimeve të shqipes së sotme nën ndikimin e gjuhëve të huaja, Gjuha Jonë, Qendra e Studimeve Albanologjike, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, Tirane, p. 186
10. Papa A, Leka F, Fjalor i termave të gjeologjisë, Tiranë 1988
11. Samara M., 1972, Mbi leksikun politik – shoqëror të shqipes dhe mbi zhvillimin e tij pas çlirimit, Studime mbi leksikun dhe formimin e fjalëve në gjuhën shqipe, II, Tirane, p. 275 - 293
12. Sima K., Keta B., 1989, Mbi disa prirje të zhvillimit të terminologjisë së gjeometrisë që nga Rilindja gjer në ditët e sotme, Studime mbi leksikun dhe formimin e fjalëve në gjuhën shqipe III, Tirane, p. 757 - 776

AN OVERVIEW OF INTERCULTURAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Jola Bojaxhi,

Dr., Polytechnic University of Tirana

Edita Stojani

Dr., Polytechnic University of Tirana

[DOI: 10.5281/zenodo.10035192](https://doi.org/10.5281/zenodo.10035192)

Abstract

In recent years we as teachers are expected to prepare our students for the challenges of the 21st century, as we are aware of many changes taking place globally. Population movement continues to occur throughout the world, bringing about cross-cultural contact between groups who speak different languages and carry different cultures. Forecasts focus on an increasingly interconnected world through global travel and international communications that are instant and available to more and more people. Businesses and professions require employees who speak more than one foreign language fluently, to participate in the international labor market as well as to serve the ethnolinguistic minorities who come and grow. This change, affects not only sectors of society, industry, health, politics or business, but also education. In various parts of Europe as elsewhere in the world, school curriculum designers include intercultural objectives in school curricula and teachers find themselves faced with the challenge of promoting and supporting the acquisition of intercultural competence through teaching. This is true for teachers of various subjects, but mostly for those of foreign languages. Foreign language teaching is cross-cultural in nature. Introducing the foreign language into a classroom means connecting students to a world that is different from their own.

Keywords: foreign language, intercultural competence, international communication, education.

Introduction

The dynamics of globalization have brought about changes in the concept of learning foreign languages: learning one or several languages is no longer (or not only) an ascertainable fact of this or that individual, otherwise called cultured, but a professional obligation that is related to the exercise of different professions. Technology development as well as the growth of cultural, economic and political exchanges has made linguists and professionals talk about specialized communication as well as learning a foreign language for specific purposes. People feel the need to learn many foreign languages to exchange technical and professional experiences, to be informed at any moment, to adapt to different situations where different activities take place.

The views of Wilhelm von Humboldt²⁸ had a great influence on the development of many areas in linguistics. According to the scientist, "the division of humanity into peoples and tribes and the change in its languages and dialects are closely related and depend on a third phenomenon of a higher order - the action of the human spiritual force, which always appears in new and often the most perfect forms ... Each specific language is associated with a spiritual people. With all the thinnest threads of its roots, it has grown together ... with the strength of the national spirit and the stronger it is the influence of the spirit on the language, the more natural and richer is the development of the latter." The spirit of men and the language of men are inseparable: "The spiritual peculiarity and the structure of the language of men are in such close fusion with each other so that as soon as one exists, then another must flow

from it ... Language is, so to speak, an external manifestation of the soul of nations: the language of the people is its spirit, and the spirit of the people is the language theirs, and it is difficult to imagine anything more identical"²⁹

Ideas of intercultural communication have attracted more and more attention in the field of education.

In the 1960s the subject "Intercultural Communication" was taught in a number of American universities. In the 1970s the purely practical nature of the course was supplemented by the necessary theoretical generalizations and took the form of a classic university course, combining both theoretical provisions and practical aspects of intercultural communication.

In Europe, the formation of intercultural communication as an academic discipline developed somewhat later than in the United States. In some European universities at the turn of the 70-80s of the twentieth century, intercultural communication departments were opened (Munich, Jena).

In Munich, curricula for intercultural communication were developed, based on materials from folklore, ethnology and linguistics.

According to Spolsky (2004), "Language-management efforts may go beyond or

contradict the set of beliefs and values that underlie a community's use of a language and the actual practice of language use" (p. 14);

In the last ten years, new professions have appeared. Logically, this has led to the spread of new special language practices oriented towards professional

²⁸ Humboldt. On Language, On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species. Edited by Michael Losonsky, CUP 1999,

needs. These ideas are an expression of what Richterich³⁰ first called "partial competence": "Today no one aims for a complete ability to communicate in a foreign language, to practice it like a native". This is also observed in students who have defined goals and therefore the main value of teaching and learning is usefulness.

The general trend in Europe is to give foreign languages an ever greater place and importance than before and this is related to the growing social demands for languages.

According to Spolsky (2004), "Language-management efforts may go beyond or contradict the set of beliefs and values that underlie a community's use of a language and the actual practice of language use" (p. 14);

Multilingualism is one of the basic principles of language policies in Europe. This is one of the reasons that the Council of Europe and the European Union have drawn up the "Common European Framework of Reference for Languages", the basic document to which all European educational institutions refer. On the basis of this document, all Higher Education institutions in Europe have built their plans and teaching programs for foreign languages, achieving a transparency and measurement of the real level of students' knowledge. This document is the main tool for creating a compact within the education system.

At the same time, there is a mismatch between the general needs of the political-social, economic-social system and the specific needs of young people, between the formation and obtaining of a tool. So there are contradictions between the social demand, the possibilities of the institution and issues related to the peculiarities of the subject. In fact, each actor tries to defend his position in the social field, pursues his objectives without worrying about the real conditions in which a language can be explained or taught in school. Although public opinion has serious doubts about the validity of the school system in the field of language teaching, society expects the school to overcome this challenge.

At the center of a professionally oriented foreign language training is often a double problem: a student who is not a language specialist, but who has good reference knowledge of his field of activity and manages the conceptual instruments used, is faced with a specialist pedagogue of language and didactics but who has limited knowledge of the student's field of activity and does not manage the conceptual instruments very well. The ESP (English for Specific Purposes) teacher, who has to weave together the learning objectives and the needs of the students according to a personal view of the specialist area of his audience, generally faces great difficulties. Moreover, ascertaining the many parameters that must be taken into account (needs, student profile, level of language skills, training context, training objectives, etc.), presents difficulties in the field in terms of developing programs.

The last point we want to address in our overview is that of the cultural dimension of communication. Often, the methods present recipes and advice to follow during contact rituals and are mainly interested in the

linguistic translation of cultural codes (use of the second person plural, linguistic forms appropriate to the context) limiting themselves to these aspects.

For us and our experience in the field, it confirms that the recognition of the other, and the opposite, is done through confronting the stereotypes of the students towards those representatives of the marked culture, from a reflection on the multiplicity of communication and on the codes that define it in a culture of determined by a questionnaire on the mechanisms of interculturalization. Sensitizing students to this notion is of fundamental importance for the public of professionals, who encounter many problems thanks to their ethnocentric reflexes in foreign professional contexts.

As products of social interaction, linguistic activities are materialized and organized in texts, thus becoming part of time and space, that is, part of a productivity context. The text has a close connection with its context of creation and also carries characteristics such as: the way of organizing its content, the pronunciation of sentences connected to each other, the presence of mechanisms of textuality and expressive load. The speaker of any language must be able to distinguish these, whether in the mother tongue or in a foreign language. Learning a foreign language would be envisaged, in this perspective, as the development of the ability to understand and produce different types of texts in a foreign language, according to situations of linguistic interaction. The same applies to professional language teaching.

This inventory of linguistic interaction situations belonging to the professional field in question and the description of their linguistic forms can be done through a classification of text types, organized in the form of a didactic sequence, with the aim of developing a community of linguistic skills of the student.

We think that in learning a professional foreign language, we can focus (but not only) on the analysis of texts as well as on the realization of projects related to the profession where discourse and professional skills can be combined. For example, in the field of tourism there are specialists who deal with the drafting of guides (brochures) or advertisements in foreign languages for Albania. These specialists find it necessary to study the features of written texts in the field of tourism. Other specialists need direct oral communication with the foreign tourist or in writing via the Internet. So, the conception of a formation based only on the discourse analysis of written texts would be truncated.

Authentic writings in the field of tourism are among the most diverse: advertisements, catalogs of tourist agencies, guides, brochures.

The difference between a General Foreign Language program and a language program in a specialized field can be said to lie in the selection of language interaction situations, which may be more general in the first case and more closely related to the specific contexts defined by the professional field in question in the second case. This choice must be made in function of the needs that D. Lehmann emphasizes, not only linguistic needs, but also cultural needs and professional

³⁰ Richterich, R. (ed.) Case studies in identifying language needs. Oxford (1983).

skills, without which any educational program risks being incomplete. Educators who teach foreign languages in different faculties must do their continuous research to perfect themselves in teaching foreign languages in this field, i.e. self-education. This does not mean that they become specialists in the field because the goal is not to explain the specialty in a foreign language, but to equip students with language knowledge to express themselves in their profession in the future. Some of the ways for independent training can be:

- reading specialty books or magazines,
- cooperation with pedagogues of this specialty or with specialists in this field

The sources of materials for its formation today are quite rich. The Internet, written or visual media, specialized books, radio conversations, etc., constitute a rich inventory of materials to be used by teachers. Through the Internet, he can establish contacts with foreign pedagogues and exchange experiences and pedagogical materials.

Communication is an important aspect of it and as a facilitator of the learning process based on human values and a regulator of relations between social groups and the school microenvironment. Pedagogical - educational communication in the broadest sense is like a special form of discourse characterized by the places of social interaction where it takes place. The new profile of classroom communication is important because it allows us to make a more in-depth analysis of aspects of teaching. According to the new concept, the teacher is less of a teacher and more of an administrator who organizes the school environment so that the child discovers his "self", discovers the other, discovers the environment and is constantly engaged in exploratory activities. Through various activities, each child uses and develops his physical, artistic, social and intellectual abilities.

The well-known American psycholinguist R. Jakobson³¹ classifies communication functions in this way.

- The referential function – where we refer to an object in the world around us while talking.
- Emotive function - the case when communication causes emotions in others.
- The injunctive function - affirmative, negative, commanding, inhibiting messages are emitted during this communication.
- Aesthetic function – interlocutors give color and intonation to their conversation, eloquence, etc.
- Factual function – includes the deformations of the professional field as well as the use during communication

with uncontrolled and worthless expressions like good, good or not, i.e. **Conclusion**

In conclusion, we can say that for the construction of the foreign language program for professional purposes, the following stages can be followed:

- Analysis of the professional context;
- Determination of personnel;
- Needs analysis;
- Study of communication situations that students will face in their profession;
- Data collection;
- recordings of concrete oral communication situations and the collection of specialty written materials.
- Data analysis and their adaptation to the communicative objectives of teaching:
- discourse analysis.
- the evidence of lexical-syntactic features, linguistic structures, cultural elements as well as the mode of operation and the most prominent types of discourse.

References

1. Brandl, K Communicative language teaching in action: Putting principles to work. Upper Saddle River, NJ: Pearson Education (2008)
2. Council of Europe Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge, UK: Cambridge University Press. (2001)
3. Flowerdew, J., & Peacock, M Research perspectives on English for academic purposes. Cambridge, UK: Cambridge University Press. (2001).
4. Gardner, R. C Social psychology and second language learning: The role of attitudes and motivation London, UK: Arnold Publishers. (1985)
5. Humboldt. On Language, On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species. Edited by Michael Losonsky, CUP 1999
6. Hutchinson, T., & Waters, A. English for specific purposes. Cambridge, UK. Cambridge University Press (1987)
7. Jakobson. R. "Fundamentals of language" s-Gravenhage : Mouton (1956)
8. Richterich, R. (ed.) Case studies in identifying language needs. Oxford (1983).
9. Spolsky, B. Language policy. Cambridge, UK: Cambridge University Press. (2004)

³¹ Jakobson. R. "Fundamentals of language" s-Gravenhage : Mouton (1956)

№48 2023

Annali d'Italia

ISSN 3572-2436

The journal is registered and published in Italy.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4 All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziedzic Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>